

Взгляд
на современный
мир

Ивис Гандра Мартинс

Профессор и юрист национального и международного масштаба, Ивис Гандра да Сильва Мартинс ярко блеснит в галерее имен, которыми все мы гордимся, как своими знаниями, так и своей позицией пламенного защитника тезиса об истинном Праве в его самые глубокие измерения, где нет мест для мелких интересов.

Успевает все еще Ивис Гандра да Сильва Мартинс удивлять нас одним так приятным способом своим познанием в этой книге, которая является действительным путешествием по бразильской и мировой истории. Книга, которая дает нам возможность анализировать и понять лучше наш современный мир и его вероятные пути развития в будущем.

Мы надеемся, что Вы, дорогой читатель, тоже будете закончить это путешествие таким обогащенным, как и мы, рассматривая такие темы как международные отношения, культура, власть, политика, образование, ценности и технологии и др., раскрытые ясно и объективно с точки зрения Ивиса Гандра да Сильва Мартинс.

Издательство Пионейра

ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЙ МИР

ИВИС ГАНДРА МАРТИНС

Заслуженный профессор Университета Маккензи,
Паулистского Университета и Школы Командования
Генерального Штаба Вооруженных сил.
Член Паулистской Академии Лителатуры

30
13436
2
0155

Никакая часть этой книги не может быть переизданной или пере-
божденной под кокою либо форму или способ, электронные или ме-
ханические, включая фотокопирования, или какую нибудь другую за-
писную систему, без письменного разрешения издателя. Наруши-
тели наказывают по закону.

Все права принадлежат Енио Матеуса Гуадзели & ООД,
02515-050 — Площадь Дирсеу де Лима, 313
Телефон: 858-0199 — Факс: 858-0443 — Сао Паулу — СП

Копирование без разрешения является преступлением

Бразильская ассоциация авторского права
Уважайте авторского права!

ISBN 954-8911-03-5

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ	12
ВВЕДЕНИЕ	14
1. ДИЛЕМА НАСТОЯЩЕГО	17
1.1. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ	19
1.2. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ	22
1.3. РАЗМЕРЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО „БУМ“-А	25
1.4. СТРУКТУРНАЯ БЕЗРАБОТИЦА	27
1.5. НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИЙ	29
1.6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ	32
2. ПРОВАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО НАДЗОРА	35
2.1. ООН И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ	37
2.2. МВФ И МАРОРАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	39
2.3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ: ЕС, НАФТА И МЕРКОСУЛ	41
2.4. ДОГОВОР С МААСТРИХТА И СТАРЫЕ ДЕНЬГИ	43
2.5. ИНТЕЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИНФОРМАТИКА	46
2.6. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ	48
3. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВАНИЯ	51
3.1. ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА	53
3.2. НАРКОТРАФИК	55
3.3. РЕЛИГИОЗНЫЕ РАСКОЛЬНИКИ	57
3.4. ИНТЕЛЕКТУАЛЬЦЫ И ВИРУСЫ ИНФОРМАТИКИ	59
3.5. МАРГИНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ	61
3.6. РАДИКАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ	64
4. УТРАТА ЦЕННОСТЕЙ	67
4.1. НЕВЕРИЕ ЭЛИТОЙ В ЦЕННОСТИ (БОГ, РОДИНА, СЕМЬЯ)	69
4.2. ПОИСКИ ЛИЧНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ И КОНКУРЕНТНОСТИ	71
4.3. УСТРАНЕНИЕ НЕКОМПЕТЕНТНЫХ	73
4.4. ПРОБЛЕМЫ ПСИХИКИ	76
4.5. ДОЛГОЛЕТИЕ КОМПЕТЕНТНЫХ СТАРИКОВ	78
4.6. ФАЛИТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	80
5. ОБРАЗОВАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ	83
5.1. БОЛЬШЕ ОБРАЗОВАНИЯ	85
5.2. БОЛЬШЕ КУЛЬТУРЫ	86
5.3. БОЛЬШЕ ИНФОРМАЦИИ	89
5.4. МЕНЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	91
5.5. ОТДЫХ ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ	93
5.6. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ	95

6. ЭКОНОМИКА БУДУЩЕГО	97
6.1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИЙ	99
6.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЧЕТЫ И ГОСУДАРСТВО	101
6.3. ИНФЛЯЦИЯ В МАЛОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ И УТРАТА ИХ КОНКУРЕНТНОЙ СПОСОБНОСТИ	103
6.4. ПУБЛИЧНЫЙ ДЕФИЦИТ И ЗАДОЛЖЕВАНИЕ СТРАН	106
6.5. ОТСУТСТВИЕ КОНТРОЛЯ НАД ФИНАНСОВЫМИ ИНСТИТУЦИЯМИ	109
6.6. ВОЙНА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ	111
7. СПЕКТР МЕЖДУНАРОДНОГО ШАНТАЖА	115
7.1. ПОСТАРЕВШИЕ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ СТРУКТУРЫ	117
7.2. АТОМНАЯ БОМБА И ДОСТУП ДО ЕЕ ПРОИЗВОДСТВА	120
7.3. ИНФОРМАТИКА ДЕЗИНФОРМАЦИИ	122
7.4. ДЕГРАДАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	124
7.5. ПАССИВНОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА	127
7.6. ПЕРЕМЕНА В ЭТНИЧЕСКОМ ПРОФИЛЕ РАЗВИТЫХ НАРОДОВ	129
8. ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ	133
8.1. ВЛИЯНИЕ ВЛАСТИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ	135
8.2. ПРОВАЛ ОБЩЕСТВЕННЫХ УСЛУГ	137
8.3. ОТСУТСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ДЛЯ ВЛАДСТВОВАНИЯ	140
8.4. УНИВЕРСИТЕТ	142
8.5. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРЕССА И ОДРЯХЛЕННОЕ ПРАВО	145
8.6. ОБЩЕСТВО X ТЕХНОКРАТИЯ	147
9. ГОСУДАРСТВО И СВОБОДА	151
9.1. ПРИОБРЕТЕННЫЕ ПРАВА	153
9.2. ОТСУТСТВИЕ ГАРАНТИИ	156
9.3. СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	158
9.4. СВОБОДА И ЦЕННОСТИ	161
9.5. СПРАВЕДЛИВОСТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОЗАЩИТОЙ	163
9.6. ЧТО ЭТО ДЕМОКРАТИЯ?	165
10. ГОСУДАРСТВО И ПОРЯДОК	169
10.1. СВОБОДА X ПОРЯДОК	171
10.2. ОРГАНИЗАЦИЯ X ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ	173
10.3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО X ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО	175
10.4. ФЕДЕРАЦИЯ X УНИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО	177
10.5. ОБЩИНЫ X ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ	180
10.6. ПАРЛАМЕНТАРИЗМ X ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ X ДИКТАТУРА	182
11. ВЫВОДЫ	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы нашей современности, так как и будущих несколько десятилетий так сложны, что нашли бы нелегко окончательного решения, не глядя на все усилия и достижения человеческого разума. Это не означает, что цель высказать массу пессимистических размышлений о нашем времени и о ближайших нескольких годах, а прежде всего посмотреть в будущее с реализмом философа, политического наблюдателя, экономиста, другими словами тех ученых, которые пробирают дорогу перспективными теориями для развития человечества, подходя на современность с реалистического взгляда. Признаваюсь, что наука для перспективы в обществе, хотя и несомненно оформленная как такая (независимо от ее достижения), ограничила до большой степени роль случайности в жизни человека и в общественной жизни. Но все таки не надо нам забывать, что непредусматриванное продолжает быть единственным законом истории. Стараясь прозреть неизвестное нам в будущее, его обещания, оферты и предложения, не надо позволять, чтобы нас покидало беспокойство о необъятных — без преувеличивания — размерах проблем, которых создает технологическая эра в человеческом обществе, в провокациях к человеку — этот дерзкий слуга-волшебник. В одной уже старой для динамичного современного общества книге — „Охват человечества — Введение во философию техники“ — я постарался обратить внимание читателей на опасность от механизации духа со стороны кибернетики и ее развертываний, если ей не будут противопоставлены ответные, снова духовные, реакции.

Не думаю, что этот тезис состарел, наоборот, он очень актуальный. Мы переворачиваемся, все больше и больше, во слугу технологии, информатики, киберпространства либо, еще больше, кибернетизации всех областей общественной жизни. Не колеблюсь, между прочим, зая-

вить, что я смущенный по отношению будущего. Сколько бы не хотелось нам придавать значения символического переезда с одного тысячелетия в другое, надо посмотреть на 21 век, в начале третьего тысячелетия с ожиданием и предусмотрительностью.

Какая же судьба предназначила для нас наука и ее практическое приложение — техника? В последних 50 лет человек успел приобрести не только машину или, скажем, изобретение автомобиля, но и такое изобилие благ, которое прежде он никогда во сне не видел. Это явление так впечатлительно, что даже одна современная домашняя работница в домах среднего класса живет на много лучше и комфортнее, чем королем Филипп II, в империи которого солнце не закатывалось, либо Люи XIV король, который выбрал солнце для символа своего царствования. Именно потребительское общество в его полном расцвете устраняет границу между необходимым и бесполезным и никто из современных философов, социологов или экономистов не может разделить их с абсолютной точности.

Неотразим эффект технологий в жизни разных обществ. Они ведут нас к одному времени — и точно этим аспектом мы должны заниматься, — которое будет время снижения ценностей из-за отсутствия моральной устойчивости. Вспоминая псалм Давида (127-1), царь Израеля, которой говорит: „Если Бог не охраняет Города, он напрасно охраняет том, о чем осторожен“, мы могли бы сказать, что перспективы нашего мира в конце этого века и будущее, которое ждет поколений, рожденные жить в нем, являются обескураживающими. Вера убитая, либо она отсутствует у миллионов из людей, которые воспринимают профанизацию истории как что-то неизбежное. Не вижу — а также и более подготовленными этого не видят — государственных людей, голов правительств, общественников, предпринимателей, профессоров и публицистов, которые были бы озабоченными будущим, способное повторить предизвикательства Сфинкса и разогреть нас челюстями своих неразрешимых проблем. Я всегда говорил, что обратного пути во времени нет. Время линейное. Эта действительность — и каждого дня, и истории — всегда отходит и предавает забвению, всегда, так как специально отмечает отец Антонио Виейра в первой воскресной молитве после Пришествия, хороняет империй, царств и самых больших завоеваний человеческого гения, потому что их природа непостоянная.

Значит, если время течет, согласно Гераклиту, и сегодня отличается от вчера, мы должны смотреть на будущее как на одну конфигурацию, составленную из нового, впутанного в старого, чтобы извлечь от этого единства точную форму жизни, которая является самой подходящей для человеческих существ.

Размышления Ивиса Гандра да Сильва Мартинс напоминают на Честертона, этого неутомимого полемиста и мастера парадоксального спора, для которого „когда весь мир идет к худшему — это знак, что Церковь права. Церковь оправдывает своего существования не за то, что ее дитя не грешные, а именно, потому что согрешают“. Автор знает, и мы это знаем (мы католики), что если человек не презрел, так как сказано в писаниях, не стало бы нужно, чтобы Бог отправил на земле своего единственного сына и чтобы в этом сопричастном и страдающим вместе с ними мире, Христос основал Церковь, чтобы вымыть пятна смертельного греха, который лежит на нашей совести. Как добрый католик, автор представляет нам ясным и необремененным академизмом стилем тех проблем, которые его утомляют, которые утомляют всех нас, чувствительных к переменам правил и обычаев в социальных отношениях, в национальных и международных порядках, в внутренней и внешней экономике, в канцлерствах и министерствах, в палатах представителей и в парламентах, другими словами, во всех областях жизни. Ивис Гандра да Сильва написал эту книгу, чтобы выполнить свой долг, огромный долг одного христианина, вполне убежденным в поучениях катехизиса, которыми полно Святое писание.

Имеющий похвальную способность синтезировать Ивис Гандра да Силва Мартинс изучает, направляет своего объекта к основным проблемам нашего времени. Ни один из них не пропущен. Он их рассматривает, выдерживает и показывает нам вместе со своей принципиальной критикой.

С кроманена до кибернетического человека, автор прослеживает все перемены, вызванные технологической революцией. Эти перемены показывают как личность человека попадает все больше и больше под власть этого изысканного и необратимого империализма компьютеров. Бесспорно, все мы пленники технологического капкана в его многочисленных разновидностей.

Кто из нас лишается телевидением? Кто сегодня предпочитает старую пишущую машинку, если у него ком-

пютр? Только эти, которые не хотят научиться или считаются вне моды. Рабы ли мы? Нет. Просто приспосабливаемся к новому времени, к этому, где тянет нас технология современного мира, и к вселене, которую будущее раскрывает перед нами накануне третьего тысячелетия. Но мы должны предохраниться от плена, на котором обрекает нас это страшное господство.

С того времени, когда возникли нации — им около 200-ти — переходя появления Азии и Африки на всемирной политической сцене, достигая до того времени, когда тотально расшатались основы семьи; с демократического государства к экономическим проблемам и к утопическому, как мне кажется, Вселенскому государству, Ивис Гандра да Сильва Мартинс раскидывает свой взгляд и дает нам самое существенное из его суждения.

Это полное боевое снаряжение из проблем, которые провоцируют нас, хотя не зная точно как их встретить, что-бы найти решения. Эта книга предоставляет ключей, все они созданы хорошей доктриной — христианской, верность автора к которой кристально чистая. Книга через простоту своего стиля показывает нам вся эрудиция своего автора — ученый высокой культуры, занимающийся проблемой личности, семьи, обществ, наций и всего мира.

Автор подготовлен упражнять самых разных деятельностей и это он делает с завидным умением, результативностей и ответственностью. Все таки, мы не можем выпустить его особенно высокую подготовленность преподавать то, что знает — а оно слишком много — своим, нашим себеподобным.

Ивис Гандра да Сильва Мартинс примерный христианин. Вдохновлен примером своих обожаемых родителей, с поддержкой своей милой спутницей в жизни, он выполняет религиозные ритуалы с завидным постоянством. Ивис Гандра да Сильва Мартинс, восхитительный католик, надо вписать в галерею теологов-моралистов, которые сквозь века защищали хранилища Просветления. Глубокий, широкий и всеобъемлющий кризис, который распространяется как ядовитый плащ над человечеством, всегда находил в лоне моралистов, вооруженных твердой доктриной Святой Церкви, рыцарей добродетельности, без которых общества и нации тонут безвозвратно в упадке. Церковь прополедует, что: „...нормы морали являются вечным законом, считанным для божественного разума.“ Большие

моралисты с древности до наших дней и особенно с Льва XIII-ого до папы Иоана Павеля II-ого очевидно всегда знали, что мы оплачиваем тяжелый налог первородного греха и поэтому нас всегда учили, что благодаря молитве, милости и любви к ближнему можем получить прощения (для нас и для широких общественных слоев) и как говорят Святые из Католического Трактата, даже для всего человечества, если не забудем их уроков. Как страстный моралист в этом самом религиозном смысле, Ивис Гандра да Сильва Мартинс является борцом за свободы личности, как видно не только от его рассуждения в этой книге, но и от всего его творчества на протяжении его блестящей жизни.

Жоау де Скантимбурго
с Бразильской Академии Литературы

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ

С 1973 года я координатор в Центре распространения университетских знаний на курсах, съездах и симпозиумах конституционного, наложного, хозяйственного и естественного права.

После того, когда эта институция была признана Министерством образования как первая, организующая регулярные курсы для последипломной квалификации по праву в самом широком аспекте, не включая студентов с нижних степеней, установилась практика организации редовных встреч последипломным квалификантам, которые защитили диссертацией, что-бы получить степени специалиста по определенной правовой проблеме. Эти встречи превратились потом в часть ежегодного собрания специалистов наложного права с всего государства, чье местонахождение еще с 1975 года, во время II-ого Интерамериканского съезда Наложного права, стал Центр. С 16 лет датируют Национальные симпозиумы Наложного права, первый из которых был открыт министром Жозе Карлос Мореира Альвес с Верховного федерального суда.

Вместе с этими форумами академической мысли, с 1995 года Центр начал организовать группы с 15 прависов, под руководством профессора Марко Аурелио Греко, для исследования недостаточно ясных проблем, либо таких, которых надо рассматривать снова. Таким образом начался широкомасштабный исследовательский процесс, которого страна до тех пор не знала.

На этих встречах (каждая тема изучается на протяжении одного семестра), которые я всегда счастлив открыть, используется установленная техника представления какой-то тему одному профессионалу, не обвязываясь этим, которое было сказано прежде в ее свя-

зи, и цель является сравнением законных положений, постановленных институциями, и эволюции правораздавания в Бразилии и в других странах. Так на основе этих данных всегда возможно подходить к теме по новому более адекватному нашей современности способу. Каждый участник в группе дает что-то ценное на пользу всех, потому что после изложения его позиции и ее сравнения с национальной и международной доктриной, начинается дискуссия по теме, чей творческий характер редко встречается на курсах последипломной квалификации, потому что, к сожалению, у традиционной методики влияния кафедры в конце концов обослабливает мышление участников в группе.

Профессор Марко Аурелио Греко успевает сохранить в достаточной степени свой нейтралитет на этих дебатах, чтобы не влиять на изложения участников и только под конец высказывает свои тезисы, дополняя этим способом остальных.

Многообразие академических диагнозов по темам как „Наложная платежеспособность“, „Освобождение и уклонение от налогов“, „Противоконституционные явления в области наложной практики“, которые является значительными в академических кругах сейчас, породило мою идею, стимулированную и моим другом Гуадзели, написать эту книгу о провокациях нового века с точки зрения моего собственного взгляда на политические, экономические, социальные и правные проблемы сегодняшнего мира.

Выражаю исключительно свое мнение по отношению настоящего мира и моей страны, без претензий о какой-нибудь научности моего труда. Я только рассуждаю о современной действительности.

Делаю это по технике курсов, которые я счастлив руководить в Центре университетских знаний; техника, цель которой провоцировать творческие способности студентов. Разница в том, что меня не наблюдает своим корректирующим взглядом профессор из Центра.

Этот Корректирующий взгляд принадлежит читателю.

ВВЕДЕНИЕ

Мои размышления в этой маленькой книге связаны с провокациями, с которыми Бразилия и мир встречаются накануне нового века. Некоторые из них уже ясно очерченны, а другие только-что упомянутые отдельными учеными в отдельных замкнутых пространствах и разведкой специальным службам во всех цивилизованных странах.

Вся моя жизнь была посвящена адвокатской практике, преподаванием права и общественных финансов, а так же академичными размышлениями о политике, социологии и экономике, высказанными в многих из моих трудов и на форумах в стране и за границей. Многие из проблем, которые буду поднять в книге, сформулированные в результате этих 40-летних дебатов и наблюдений на одну действительность, которая, если не встретит солидарных усилий всего человечества, угрожает обществ и государств будущего, потому что она зараженная бацилом, подкапывающим здоровья самых высших ценностей человеческой личности.

Формирование многонациональных общностей и глобализация экономики разных наций на разных уровнях в конце концов переменили безвозвратно геополитическое, социальное и экономическое лицо мира и нанесли ему невиданные до сих пор в мировой истории травмы, кризисы и растущая неудовлетворенность.

Любопытно отметить, что в определенных исторических моментах, когда рядовой гражданин имел активное право голоса перед соответствующим правительством, ни проблемы были меньше, ни гарантии больше, но подходящая юридическая система предлагала решений, которые делали возможно снижение уровня кризисов. Когда это оказывалось недостаточным, конвенциональные войны или умеренные внутренние революции возвращали положения до нормального. Так Афинская или Римская республики послужили о первой реальной сцене права, которое народ упражнял —

элитарнее в Афинах и менее элитарно в Риме, хотя бы вдвое политические строя жили по соседству с рабством в развитой фазе. Была тогда неписанная свобода слова, до тех пор, когда провал институций отступил места Македонской империи в Греции, очень быстро разделенной на три (монархии Лагоса, Селевка и Агеменидов) и двум триумвиратам, которые соединились с Римской империи.

В отличие от сказанного, актуальные проблемы превышают возможностей о приспособлении права. Неразрешимое противоречие между технологическим прогрессом и сокращением рабочих мест, обремененное наращиванием всемирного населения и увеличением продолжительности жизни, сталкивается с повышенным культурным критерием человечества, а все это факторы, которые возбуждают и будут возбуждать постоянные социальные конфликты. Они могут преодолеваться с помощью экономики, права или политики нашего времени.

С другой стороны, конкуренция между нациями, которую невозможно преодолеть, несмотря на формирование разных групповых государственных образований, ведет до больше и больше сокращения рабочих мест и может довести, наконец, до полной дезорганизации финансов отдельных государств. Это поражает необходимость принятия мер, которые не всегда будут в состоянии соотноситься с человеческими правами — правда, уже завоеванными, но не гарантированными, как твердит Боббио в 20 веке.

Такая гамма из проблем и кризисных явлений, у которых сила государства должна преобладать над гражданскими правами, могла бы породить условий об одной более сильной политической власти — не всегда демократической — которая противопоставилась бы проблемам.

Другими словами, те самые семена, которые причинили упадок общества в конце Римской империи, посеяны и накануне 21-ого века, но в более огромных масштабах. Этот факт может создать условий о возникновении, на базе компактных структур как Европейский союз, НАФТА, МЕРКОСУЛ и др., одной более силовой державы, которая в меньшей степени будет соотноситься с индивидуальными человеческими правами, стремясь преодолеть невиданную социальную кризису, для лечения которой не имеют подходящие средства ни экономика, ни право, ни наша современность.

Надеюсь, что размышления, которые мои читатели найдут в этой книге, на одном языке более разговорном, чем академичном, спровоцируют еще более активных дебатов и более конструктивного диалога о будущем граждан нашей страны. Может быть мой песимизм будет побежден более интеллигентными решениями проблем будущего и может быть „шок будущего“, который для меня „без будущего“ приобретет более благоприятные перспективы.

1

ДИЛЕММА НАСТОЯЩЕГО

1.1. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

Сейчас в мире около 200 независимых стран. Много из них не существовали до Второй мировой войны, потому что не имели необходимого суверенитета и не могли быть признаны как нации.

С другой стороны, сегодняшняя политическая карта может не сохраниться в ближайших годах, так как это получалось в прошлом.

В течении девяти тысячи годов истории, которая нам известна — с времени Еригона, руины которого датируют с тех пор, — формирование современных наций было в прямой связи с естественными, этническими и политическими столкновениями и подобно облаков в небе приобретало самые разные формы и размеры за кратких периодов. Это имеет весь и в эпоху Великих империй.

В сущности, все знакомые Великие империи имели во время своей истории непостоянные границы. Даже самая долговечная империя — Римская, — со своего создания в 753 году до Хр. до своего исчезновения на Востоке в 1493 году после Хр. не выключается из этого правила.

Египтяны, которые были подчиненные гиксам в продолжении тысяч годов и ощущались защищенными одной естественной границы, тоже не сохранили своего прежнего географического профиля во время своего независимого существования. Во время древней, средней и новой империи они были последовательно под властью македонцам (даже после смерти Александра, когда наследство сына Филиппа было в трое разделено) и позднее, римлянам.

Индия, даже после присоединения Азоки, никогда не была вполне единая, а Китай, который стал империей в периоде „Воюющих королевств“, был так разорван, что даже во время его самой большой стабильности не имел ни одной постоянной границы, а когда пришла эра христианства, стал жертвой все более кровавым завоевательским столкновениям со стороны монголов.

Взгляды на современный мир

На Ближнем Востоке наблюдается тоже самое. Еламнты, шумеры, ассирийцы, геты, меды и персы одни за другими побеждают и терпят поражения, а при этом определяют в самых разных форм и размеров свои владения, составленные различных царств — то поработанных, то снова освобожденных.

Не говорю о Греции до эллинизма, но и после того, потому что это явление Город-Государство, как и конфедерации, которые сформировались и разваливались, доказательство для этой самой геополитической нестабильности.

Последовательное появление новых народов и рас как оправдание для существования знакомых нам империй, включая Римской, вместе с провалом одной юридическо-политической концепции после развала Западной Римской империи в 5 века до Хр., являются причиной разделения Европы, в которой государства рождаются и умирают более в зависимости от господствовавших фамилий, чем реальными политическими формациями в них.

Если Северная Африка, с восходом арабского магометанского народа, создает впечатление об объединении, то это явление похоже в большей степени на случившееся в Европе, потому что там тоже разные фамилии и расы оформляют профиль каждого государства (если можно использовать термин „государство“ для Средневековья).

Даже и после объединения Испании, укрепления Франции, оформления Нидерландии, развития некоторых итальянских государств, увеличение территории Англии и Возрождения как явление культуры, политические границы непрерывно изменяются в зависимости от этнических, религиозных и политических столкновений, потому что Реформация причинила новый удар, свойственный в прошлом только Инквизиции.

Не надо говорить, что Френская революция и создание современного американского конституционализма довели до консолидации государственных границ, потому что именно в 19 веке войны Наполеона и эти — для объединения Германии и Италии, посеяли семена двух больших конфликтов 20 века, которые глубоко врастнут в новую политическую карту Европы в 19 веке.

Знаем, что в 20 веке распалось самое большое государство Западной Европы — Австро-венгерская империя и в результате этого возникла одна из самых маленьких европейских наций — австрийская, перечисляющая сегодня немного более 7 миллионов человек. Югославия, составлена с 6 наций, включая одной части наследства Австро-венгерской империи, распалась в 90-ти годов. Необъятный Союз Советских Социалистических Республик тоже распался и если только Россия успела сохранить свою целостность, то это не спасает ее от тяжелых политических проблем и внутренних волнений.

Объединенные с тысячелетия годов государства все еще не преодолели внутренних противоречий. Примером является сепаратистские брожения басков и каталонцев в Испании. Сама Британская империя не в состоянии преодолеть серьезных проблем между странами в рамках Великобритании и там ирландский конфликт не единственный.

Азия и Африка очень быстро забыли английское и французское господства — сразу после объявления независимости им странам. Португальское присутствие только продолжило агонию в странах, ставшими независимыми после 1974 года.

Политическая карта мира в конце 20 века при наличии почти 200 суверенных наций, приобрела содержание, которое прежде никогда не имела и которое может быть не сохраниться в 21 веке.

Это так, потому что после Второй мировой войны сепаратистские движения приобрели неслыханного размера, благодаря поддержкой международных организаций, которые оказались немного сильнее своих предшественников до Второй мировой войны (самый значительный в этом отношении провал Общества народов).

Интересно однако в этом процессе борьбы за независимости со стороны нации, большая часть от которых не имеют условия сохраниться самостоятельно, то что он проявляется во второй половины 20 века.

Это так, потому что унификация всемирных проблем и еще более близкие взаимоотношения между народами благодаря развитию всех видов коммуникаций, породили в конце концов двух движений: одно в направлении создания все новых и более новых стран, а другое к объединению многонациональных усилий о переживании, на счету государственного суверенитета и ограничения самоопределения отдельных народов.

Другими словами, в поисках путей для выживания, новосозданные государства ориентировались к созданию многонациональных группирований, чей самый прогрессивный модель в конце 20-ого века, с точки зрения юрико-политического подхода, Европейский союз.

Формирование многонациональных общностей, которые с начала возникали под формой тарифных договоров и соглашений о свободной торговле, чтобы перерасти в будущие политические союзы, точно обратном понятием „суверенитет“, которое после Второй мировой войны народы защищают с экзальтацией.

Надо сказать, что момент, когда нации аплодировали в самой большой степени суверенной идеи, совпал с моментом, когда Великие силы Европы начали понимать, что путь их сохранения проходит через суверенитета, подчинен общности разных интересов.

Проблема достигла того, что сегодня юристы спорят о том, конфедерация странам ли Европейский союз, либо он уже превратился во федерации, имея в виду степени подчиненности национальных органов странам-участникам по отношению органов общности.

Формирование многонациональных общностей является большая новость для политического государства 21-ого века.

1.2. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Глобализация экономики сегодня необратимая действительность. Она, в отсутствии всемирной социальной политики, внедряет снова первичный, дикий и варварский капитализм. Известное преимущество получают в этой наскоке развитые страны, которые имеют авангардные технологии и благодаря им могут устроить своих товаров — более дешевых и высшего качества — на всех рынках мира.

Более отсталые государства компенсируют свою ограниченную конкретную способность ухудшением условий труда, в поисках той самой степени роботизации, которой является уже фактом для развитых наций. При наличии более медлительных правительственных структур: менее технологизированные и слабее политически — эти страны создают в своем управленческом аппарате смесь, составленную посредственными бюрократами и коррумпированными политиками, которые двигаются только интересам этим, которые их поддерживают и вообще не имеют и малейшего взгляда на проблемы нации.

С другой стороны, административные структуры постарелые, медлительные и так бесполезны с точки зрения общественных услуг, для которых они созданы, что дефицит, существующий в эти страны — некоторые из них имеют значительного внешнего долга (как например Бразилия — 31% от ВВП) — исчезает куда-то в государственных учреждений правительства, посещенные только идеи личного переживания. Предоставленные общественные услуги, по отношению этим налогом которым люди в этих странах платили, имеют более ограниченным размером, чем эти в

какой-либо развитой стране. Поэтому недостаточность технологии этим странам и их более низкая конкурентная способность на международном рынке компенсируются повышением наложной тяжести со стороны мелкой буржуазии и правительств без никакой стратегий, с ликвидацией того, что постигли местные общества против воли правительств.

В эти страны только валютная контроль оказывает сопротивление инфляции, задерживая ее низкой искусственным способом; это самое делает и высокий денежный процент, который стремится привлечь спекулятивного капитала и создать резервы, чтобы преодолеть спекуляции национальными деньгами и все это вместе с увеличением налогов поддерживает государственную машину.

Другими словами, самые развитые государства Латинской Америки (Бразилия, Мексико, Аргентина) переживают драму низкой инфляции, которая поддерживается за счет перепродажи машинного парка предприятий, тяжелой рецессии, высоких процентов и растящих налогов. Все это приводит до одного „обратного протекционизма“, то есть, существует покровительство иностранных товаров, которые освобождены от пошлины, при условии разницы валютных курсов в их пользу и финансирования более низких процент, чем действующих в стране.

Поэтому эти страны победили инфляцию за счет восстановления положительного сальдо в торговом балансе и если некоторые из них все еще поддерживают положительного сальдо и в платежном балансе, то причины в притоке высокорискованного спекулятивного капитала, привлеченного сильно компенсирующих лихвенных процентов.

Управляющие экономикой этим странам твердят, что перепродажа старого машинного парка является цена обновления капитала, не прибегая до спекулятивного капитала. Они думают, что только этим способом обновление машинного парка окажется слишком положительным, как в Германии и Японии после войны, потому что и в этих странах, есть большой рынок.

С другой стороны, действительность после войны совсем отличается сегодняшней, потому что упомянутые латиноамериканские страны были благодетельствованы отсутствием единого военного бюджета, которого союзники должны были поддерживать обязательно до 10% ВВП, чтобы финансировать свою безопасность во время „холодной войны“.

Верно, все таки, что деньги, вложенные в военной сфере, не всегда замедляют развития. Даже наоборот, часто стимулируют этого развития. К этому надо добавить и общий план восстановления двумя союзами государствами, который тоже помог им сделать качественного прыжка, свидетелем которого являемся мы.

Предварительное условие, впрочем, страдает надежности в связи того — в самом деле ли спекулятивный капитал будет вполне передвиженный постоянным капиталом и прочным инвестициям, потому что юридическая и хозяйственная стабильность являются всущности главной предпосылкой привлечения долгопрочных инвестиций, а эта стабильность в двух сферах все еще хрупкая у большинства развивающихся стран.

Кроме этого, глобализация экономики приводит ожесточенную борьбу о рынках, группирования во всех правительствах всем странам и предложения самых лучших и самых модных продуктов и услуг на самых низких цен в мире.

Передовые государства имеют значительное преимущество в производстве таких благ для всемирной экономики, хотя стоимость их рабочей силы значительно выше. Замена человека со стороны машин постепенно снижает себестоимости и ведет до усовершенствования производства. Когда приведутся расходы в соответствии с рабочей силы, развитые нации оказываются еще более стабильными и не чувствуют себя угрозенными создавания многонациональных группирований менее развитых стран.

Правда, что сегодня невозможно избежать это состязание. С протекционизма, возникшего после второго нефтяного кризиса и окончательно воспринятого Токийского круга с переговорами в рамках ГАТТ, мир пошел по дороге безжалостного состязания, в котором большие многонациональные общности вышли вперед по отношению меньших группирований и этих стран, которые все еще не присоединились. Эта проблема все еще не успевает найти равновесия силам и нет надежды в ближайшем времени достигнуть это равновесие.

Нам не надо забывать, что эти государства все еще в поисках прочной стабильности, все еще стремятся обеспечить стабильность своей национальной денежной единицы и это затрудняет, углубляет проблему, как и принимания мерок для стимуляции необходимого развития об издержки нации.

Глобализация экономики следовательно будет необратимым процессом в ближайшие годы, но огромные последствия, которые она порождает, все еще не замеченные развивающихся странах, а еще меньше исследованы — по причине отсутствия интереса в развитых странах.

1.3. РАЗМЕРЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО „БУМ“-А

Повторяю то, что сказал в представлении. Этой книгой с личными рассуждениями в разговорном стиле, я объясняю свой взгляд на современный мир, так как я его вижу, и на его все еще нерешенные проблемы. Она отличается от всех моих академических трудов, которые часто критиковали в использовании многочисленных цитатах.

Один из этих нерешенных проблем — технологический „бум“. Технология так продвинулась вперед в своем развитии, что если сначала считалась большим достижением человеческого интеллекта, то в определенный момент превратилась в его самого жестокого палача. Авангардная технология делает так, что машина думает быстрее человека и в данный момент совсем неожиданно эта машина может достать собственного разума, а тогда уже будет без контроля.

Машина причиняет глубокие психологические конфликты в той части человечества, чей интеллект не в состоянии принять ее предизвикательства, либо чье познание никогда не догонит быстроту ее развития. Напряжения возникают даже у тех, которые идут вместе с этим развитием и результат этого разные биологические дисфункции, у которых дестабилизирующая роль стресса значительна.

С другой стороны, машина замещает человека с бесспорным преимуществом в выполнении всем видом физическому или конвейерному труду. Облегчает административного труда и делает лишним труд писарей и традиционных служащих. Роботизированные предприятия не нуждаются служащим, кроме операторам, чтобы контролировали действия машин. Эти последние, пока не стали „абсолютно автономными“, не создают проблем, связанных повышением рабочей заработной, им не нужны социальных помощи и еще реже объявляют стачек.

Другими словами, машина является кротким, эффективным и более добрым служителем человека, потому что ошибается меньше, а когда это случится, люди, которые

присматривают за ней, сразу находят недостатки и устраняют его вовремя в большинстве случаев.

Нет сомнений, что технологический „бум“ фантастически. С 15 миллиардов лет существования Вселенной, 5 миллиардов Земли, 4 миллиардов лет живых организмов, 2 с половиной миллионов первому выпрямленному примату до 50 000 лет отделяющие неандертальца от цивилизации кроманенского человека; с первых артистических проявлений 25 000 лет назад до времени Еригона (9000 лет тому назад), эволюция жизни впечатляющая, а эта гомо-сапиенса еще более внушительна. С открытием огня и первых орудий труда до первых больших португальских каравел есть огромный и восхитительный прыжок. С времен первых 6000 лет истории, передаваемой от поколения в поколение до последних 500 лет, человек прогрессировал неимоверно, хотя эта эволюция совершалась медленно и тихо. Все так созданные таким способом основы позволили каравеллам сделать качественный прыжок, а они сделали возможный. Великие географические открытия, искусственный спутник Земли в половине 20 века и с тех пор (1957 год) только за 40 лет эволюция так головокружительная, что все остальное бледнеет.

Мир сегодняшних свидетель столько сложных технологий, что это встряхивает даже тех, которые владеют самыми совершенными из них.

Допустим, например, что при помощи коммуникационных систем (Интернет и другие) кто-то сможет создать систему, способную парализовать информационные системы всех стран, всех контроли полетов, все охраняемые системы. Достаточно будет если появиться один только „сумасшедший“ гений, которому хочется парализовать все системы, одновременно, чтобы весь мир попал в хаос, и он был бы крупнее всего хаоса, наступившего в результате многочисленных всемирных конфликтов, взятых вместе.

Если охраняемые системы всех стран, всех институций, финансовой системы, университетов и предприятий предлагают сегодня какого-то почти полного спокойствия, потому что они защищены от всех известных техник проникновения, то не было бы возможно гарантировать — по причинам распространения гениев, дети самой информатики (hackers) — что это, которое сегодня надежно, всегда будет таким.

Все таки самая большая проблема, происходящая из технологического „бум“-а и улучшения машины — все лучшей от все тяжелее успевающего следить за ней человек — то-есть проблема, возникающая созданием, которым все больше обгоняет своего создателя, является безработица, которая предмет следующей главы.

Человек, существующий вместе с машинами, становится податливым стрессом. Чтобы пережить, он должен идти за своей эволюцией, а гении, которые развивают эти машины — меньшинство по сравнению с остальными смертными, живущими в этом мире.

Если проблема была только в этом, она могла бы решиться административным путем. Совместное существование было бы трудно, но возможно. То, которое невыносимо, это самое замещение человека машиной.

1.4. СТРУКТУРНАЯ БЕЗРАБОТИЦА

В 1980 году я принял участие во встрече, которая состоялась в Соединенных Штатах и была организована американским правительством. Там собрались 9 человек с 9 стран, чтобы обсудить экономических альтернатив 80 годов. Встреча продлилась три недели и включала дебаты в системе Федерального резерва, Государственного секретариата, Государственной казны, ООН, МБРР, Всемирной банки, МВФ, на университетах, на предприятиях и пр.

На лекции, которую я представил перед экономистами Центральной банки Кливленда, на тему „Инфляция и индексация“ — потому что экономисты с валютной сферы думают, что это единственная возможность экономики и развития и поэтому хотели знать бразильские механизмы сожительства инфляции с помощью индексации — осмелился выразить мнения, что деньги, хотя и важные, не являются самой важной проблемой будущего, а этим, имея в виду технологического „бум“-а, является структурная безработица. Это не было так легко заметно в прошлом, потому что весь мир глядел в основном на военном равновесии между двумя великими силами.

В действительности, только в 90 годов человечество поняло разрушительную роль технологий с точки зрения занятости.

Раньше большая часть авангардных технологий имели секретного характера и не было необходимо перебра-

· сывать их с военной области в гражданской, потому что официальный рынок военной промышленности гарантировал их развитие.

Конец холодной войны и падение Берлинской стены заставили западные развитые государства (как твердит Бюкенон, нобелевский лауреат экономики, в свою книгу „Общественные финансы“) сориентироваться к тем достижениям гражданского общества, устранить барьеру секретности и вынудить военную промышленность служить штатской.

Может быть последнее большое достижение военной технологии все еще не предоставлено гражданскому обществу, является это, которое было использовано в войне в Персидском заливе. После этого, отсутствие врага в экономических интересах Запада перенаправляет и эту технологию к гражданскому обществу.

Глобализация экономики породила необходимость от соревнования — беспрецедентного, безграничного и бессовестного — в котором в каждую развитую страну стимулируется вывоз продукции. Эта продукция наводняет все рынки менее развитых стран, которые все еще делают усилия стабилизировать свои национальные валюты. Эти страны не могут противостоять на этой инвазии и чтобы сохранить свою относительно стабильную национальную валюту, используют валютные курсы — политика, которая оказывается вредной для местного индустриального парка.

Хорошо видно, что авангардные технологии вызывают во всех странах сокращения наличных рабочих мест, независимо от возникновения параллельной и неформальной экономики, которая поглощает освобожденную модернизированными предприятиями рабочую силу.

Структурная безработица сейчас факт, которому неокантиалистические государства не могут противопоставляться без риска отстать в конкуренции. Социалистические государства, которые делают этого, как Китай например, задевают глубокое самолюбие человека и делают трудовые условия не более различными этих в концентрационных лагерях, либо в домашних тюрьмах, в которых цена арестантского труда вычисляется в натуру и выражается самом элементарном — как одежда, пища и приют.

Структурная безработица будет расти с развитием технологий, а государства все еще не имеют охранные системы, способные компенсировать этот факт.

С другой стороны, временно занятая рабочая сила превра-

тилась в элементе перехода с гарантированной работы, в замену которой гражданин оплачивался прилежанием и верной службой, к нестабильности временной занятости, гарантии которой является кто-то другой служащий, а его можно заменить с помощью nižайшей зарплатой.

Никто уже не спокоен на свое рабочее место. Тот, кто живет от временной занятости, переживает агонию ненадежности, которая является причиной большой части психических, биологических, семейных, поведенческих и социальных проблем, не существовали в таких размерах в 19 веке.

На другом месте, малоразвитые страны прибавляют к этой проблеме и безработицу, порожденную обстоятельствами рецессивной монетной политики, которая делает еще более драматичной действительность народов этих стран.

Прибавим к этому и отягчающее обстоятельство неразвития в этих странах системы возмещения убытков в случае безработицы.

Наконец, нужно иметь в виду социальных обязанностей предприятий. В странах, где они значительны, ведут до поисков технологических решений, если у предприятия есть условия об этом, либо до неформальной экономики с целью убежать от обязанностей, которые снижают конкурентную способность. Та самая неформальная рабочая сила, у которой нет никакой обеспеченности, участвует в естественном процессе обмана наложной власти, а это за предпочтительно перед окончательным решением проблемой.

В странах, где население живет по соседству с этими двумя видами безработицы — структуральной и обстоятельной — трагическая ситуация дополняется одним государством еще сильнее повернутого к управляющим элитам и им обслуживающим персоналам, пока в то время рядовой гражданин становится очень часто приведенным до состояния хуже этого у крепостного крестьянина в средних веках.

„Дешифрируй меня, либо съем тебя“ дилемма Сфинкса с 21-ого века имеет вес для всех наций, потому что безработица сосредоточила в себе все социальное напряжение, способное скрыть юридические, поллитические и социальные институты каждого государства.

1.5. НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИЙ

Каждый год государственные головы из семи самых развитых стран мира собираются, чтобы обсудить

проблемы мира, не уважая мнения остальных больше 160 наций, которые не представлены на этих встречах. На последней был приглашен только президент России — как акт вежливости, но не чтобы искать совместных решений международных проблем.

Эти страны присвоили самим себе право изучать и разыскивать всемирные проблемы, экономические проблемы и напряжения, которые могли бы затратить их, после чего проектируют соответствующую политику, которую утверждают с силой убеждения, или экономических санкций, или даже оружия, над остальными странами. Они управляют мир. Говорили об „протекционизм“е в Токио, когда в 1979 году ОПЕК и страны-производительницы нефти увеличили цену одному металлическому бочонку на 30 долларов. Возвеличили снова „торговую конкурентноспособность“, когда сразили силу ОПЕК-а. Употребили военную силу в Персидском заливе, когда существовала опасность от человекоубийца Саддам Гусейн, который хотел взорвать нефтяные колодцы Саудитской Аравии и после этого в 24 часа демонтировали военную машину (как на видеоигре) иракского тирана.

Так как не имели никакого особенного экономического интереса в Босне, оставили воюющие страны утопиться в крови и насилия в течении годов пока, только после вмешательства ООН и благодаря некоторых обещанных санкций успели постичь временного мира — в результате прежде всего вмешательства Хорватии в конфликте между сербами и босненцами, чем усилий развитых государств.

ООН послужил обыкновенным инструментом Великим силам в войне в Персидском заливе. Победу одержали великие силы, а не ООН. Другими словами, ООН оказался некомпетентным при отсутствии поддержки со стороны великих сил и это стало ясно в югославском конфликте.

Развитые государства глядят на мир сквозь призму своих народов, своих интересов, своей силы, своего господства и решают в зависимости от своих личных цел в какой степени могут быть полезными остальному человечеству.

Остальное человечество является поводом размышления для семи государственных голов в мире, так как государства, подчиненные Риму, служили римским императорам.

Остальные государства могут только смущать. Согласно степени интереса семи великих сил, некоторые могут пользоваться привилегированными условиями в замену верности, проявленную во время в определенных обстоя-

тельстввах, другие ради созданных облегчений для экспансии в международной торговле, а третьи, потому что играют роль стратегического щита против эвентуального неприятеля.

Народы этих великих сил предубеждены. Они смотрят с предубеждением на латиноамериканцев, африканцев и азиатцев. Поэтому создают барьеры перед свободным движением людей и эмиграции как способ сохранения своей „чистой“ территории от заразой низких народов.

Американцы не скрывают свое чувство отворачивания, которое перебросилось с негров к латиноамериканцам, в тот момент, когда они интегрировались с остальным американском населении на равной ноге.

Канадцы все еще не поставили перед собой эту проблему, потому что распоряжаются огромной территории и ограниченным населением, а японцы достаточно деликатные, чтобы прикрыть эту предубежденность энигматичной позой, характерной для народов Востока.

Правда это, что и политика, и всемирная торговля контролируются семи государствами, без участия остального мира и налагаются они с помощью самых разных механизмов на этот остальной мир, согласно то, что удобно в моменте.

Видно, что кризис, который появляется в 21 Веке (и в результате которого так названные отстающие государства, достигнут до такой высоты проблем и напряжений их внутри, что они безсомненно вспыхнут и очернят морско-синего мира семим большим — включая и те страны, которые каким-то способом связаны ими как Мехико через НАФТА, либо некоторые другие страны с Европейским союзом) угнетает мировых лидеров. Особенно притесняет их факт, что они не в состоянии контролировать большую часть из притежателей денег, которые поддерживают в обращении 13 миллиардов долларов на всемирных спекулятивных рынках вне охвата вмешательства „Великой семерки“.

С другой стороны, терроризм, наркотрафик и увеличение брой эмигрантов, чьи семьи всегда более многочисленные, чем этих европейцам и американцам, угрожая переменить этнического профиля Европы и США в следующем веке, все это проблемы, которые не всегда решаются адекватно со стороны политиков.

Несмотря на то, эти страны не задумываются об одной более активной интегральной политике, а надеются

на торговой интеграции в группировании как МЕРКОСУЛ, ЕС и НАФТА, всегда под их контролем.

Правда такая, что уровень проблем такого характера, что интеграция поставляется как вопрос одной будущей программы, в которой будет рассматриваться абсолютная власть во формулировании всемирной политики, и именно со стороны группы семи, когда она захочет это.

Сколько времени будет продолжать этот абсолютный контроль вопрос настоящего, который ждет свой ответ в будущем.

1.6. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Политик всегда был одним невнушающим доверия существом. Во всех исторических периодах и во всех географических зонах. Политик стремится к власти ради ее самой и редко у него государственный взгляд. Мир наполнен политиками, но страдает от отсутствия государственных деятелей. Политик не заботится о народе, которого представляет, этом удержания власти; это он может постичь даже создавая фальшивого впечатления, что человек он очень заинтересованный о судьбе народа.

Политик использует народа только как одной необходимой ступенек, который приближает его к власти. Поэтому его самая важная цель сразить своего противника, который точно как и он стремится к власти; показать своему избирателю, в демократических строях, что он хороший, а другой — плохой.

Мир полон политиками, которые не имеют никакого взгляда на всемирные проблемы, плохо знают местные проблемы, а что относиться этикой, мало те, у которых в достаточной степени морали необходимого для решения этих проблем, особенно когда это угрожает их власть.

Бюрократ не лучший. Названный „общественным служащим“, он обычно обманывает какого-нибудь конкурса, чтобы получить работу, но в большой части из случаев он не служит народу (в имени службы, на которой он был назначен), а главно служит себе при помощи народа.

Исключение становятся бюрократами, которые служат народу, который поддерживает их на посту, потому что и они, как и политики, стремятся к властию.

Власть, со своей стороны, непременно развращает. У которого есть власть, хочет себя облагодетельствовать и то как можно быстрее, потому что неизвестно сколько продлится. Поэтому на публичных торгах, в целом мире, наблюдается следящая константа: цена, которая оплачивает государство об услугах и продуктах, всегда выше этой, которая оплачивает частный сектор, а разница состоит в стоимости коррупции, или, другими словами, в размере присвоения со стороны бюрократов и политиков.

Скандалы, которые все таки оповещаются в бразильской и всемирной печати, не являются даже маленькой частью целого зла, потому что в большинстве из случаев цена, оплачиваемая государством, всегда выше рыночной.

Если всемирная и бразильская пресса отделяли часть своего времени сравнить, на публичных торгах, реальную стоимость продукта и услуги с договорной стоимостью, было бы возможно передвинуться вперед решительным шагом к улучшению морального облика государственной администрации и может быть этим способом власть стала бы менее желанной.

Кроме этого тот, кто имеет власть делает законы на пользу самого себя. В Бразилии бюрократы и политики получают после пенсии однократные суммы, равных их полных рабочих зарплат, которые получили бы, если остались бы на активной работе, пока несчастные избиратели получают смешные суммы, потому что максимальное, гарантированное в Бразилии — это 10 „соотносимых“ зарплат, которое меньше минимальной зарплаты. Законодательство в собственную пользу — это делает Гарда мечтателем, когда он твердит, что правовое государство там, где законы создаются управляющими, чтобы выполняются управляющими и управляемыми. В Бразилии они создаются управляющими, чтобы предлагать их к управляющим и управляемым, но всегда на пользу управляющих за счет управляемых.

В современном мире народа не представляют, или это случается очень редко, потому что это выбор состоит в том голосовать о политиках, которые кандидировались, а они почти всегда обдаанные одной и той же мелочной мысли достичь власти, чтобы господствовать, не предлагая большой альтернативы своим избирателям.

Поэтому, политики чувствуют себя очень хорошо, а безработные — очень плохо во весь мир. Политики могли

бы посветится на поисках самых правильных решений проблем и могли бы, например, догадаться, что ограничение государственной машины открыло бы дорогу решения многочисленных проблем. Да, но подобное ограничивание снизило бы и властью политиков, и бюрократов, а они не могут себя представить без власти.

Синдикалистское движение является слабым и бессильным перед безработицей и экономическими кризисами.

Только протест через насилие против склерозированных институций смог бы заставить управляющих задуматься, но этот протест в конце концов провоцирует больше проблем, чем предлагать решений, потому что ослабление институций в мире одно лекарство хуже, чем поддержкой этого кафканского кадра.

Верно то, что человечество начинает понимать, что моральная слабость политиков и бюрократов, не имеющие государственного взгляда, так как и невежество управляющих по отношению сказанных проблем, делает их неспособным противостоять социальным и политическим столкновениям, которые идут в будущем. Явление „Фухимори“ в Перу ничего другое кроме реакция одного поддерживаемого народом лидера против невероятного отсутствия внимания со стороны власти по отношению проблем перуанского народа.

Видно, что диктатура не лучший строй, но грустные политики и бюрократы с малоразвитых стран в конце концов поставляют под сомнением стабильность институций, которые с другой стороны никогда не заслужили внимания развитых стран кроме в случаях, когда их личные интересы были затронуты.

Мне кажется, что в веке, который стучит на двери, социальные напряжения будут увеличиваться и прижимать все больше институций, а политическое поведение управляющих говорит о все больше нарастающей неспособности ответить на предизвикательстве.

Все это удаляет все больше и невозвратно в будущем демократичного правового государства для менее развитых стран.

2

**ПРОВАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО
НАДЗОРА**

2.1. ООН И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

ООН — это международная организация, которая заменила провалившееся Общество народов. Сегодня ее провал почти так большой, чем и этот споменатому Обществу.

Придуманная в конце Второй мировой войны и формально созданная после окончательного решения конфликта, ООН была должна, после анализа ошибок, довести провала Общества народов (оно пользовалось технической помощью Уильсона, но нет и этой Соединенных штатов), сделать так, чтобы не повторились те самые ошибки, и организация является своеобразным щитом навстречу евентуальной Третьей мировой войне.

Война, как войной, перестала быть проблемой (я уже писал об этом в моей книге „Экономическое развитие и национальная безопасность — теория о критичной границе“), в моменте, в котором мировая ядерная мощь выросла столько, что могла уничтожить за несколько минут всего мира при условии какого-нибудь конфликта. Галбrait иронизирует ядерную мощь, говоря, что борьба между великими силами состоялась в том, чтобы была ограничена их возможность уничтожить мир на несколько секунд, чем за несколько часов.

Не так выпадение Берлинской стены, как ядерный потенциал положил конец больших конфликтов во время, когда контроль над вооружениями был поставлен на столе прямых разговоров между великими силами. ООН потерял смысл своего существования.

Сегодня ООН поддерживается в положении постоянного дефицита и даже великие силы не всегда оплачивают регулярно свои квоты в бюджете организации. Это так, потому что ООН уже совсем не имеет значение как „форум наций“, хотя иногда можно ее использовать как инструментом для решения региональных проблем со стратегической или экономической важностью.

Сейчас ООН охватывает практически всех наций в мире и поэтому великие силы не имеют никакого интереса обсуждать всемирную стратегию на одной сцене, на которой, вне Совета безопасности, Бурунди важна как страна столько, сколько и США.

Общее собрание ООН, следовательно, место для академических рассуждений по проблемам мира, а Совет безопасности, в котором постоянными членами являются пятеро го-

сударств-победителей Второй мировой войны (США, Россия, Франция, Англия и Китай), приглашают проявиться только, когда поставлены на карту интересы великих сил и при этом он может не выходить с каким-то решением, если кто-то из государств-членов использует свое право на вето.

Первоначальная идея не позволить принятия какого-нибудь решения, которое могло бы угрожать мир на планете, кроме с консенсуса пятерых великих государств, превратилась в инструменте для международного шантажа и для ограничения роли ООН когда СССР употреблял и злоупотреблял своим правом на вето, и сейчас, когда континентальный Китай налаживает свой стил ориентальского бойкота Запада.

ООН организация с самых многочисленных отделов для изучения всевозможных мировых проблем во областях экономики, образования, культуры, политики и т.д., но в то время возможно самая неэффективная.

Нам не надо забывать, что именно в своей главной роле — сторож мира — ООН претерпела полный провал. На Ближнем Востоке, например, не успела в мирном времени решить проблем Ливана, не решила тоже арабо-израильских конфликтов, африканских, азиатских и, в самом ближнем плане, проблем Босны.

Успех войны в Персидском заливе не принадлежит ООН, а США, которые формально были подкрепленные остальными самими развитыми странами, чтобы интервенция не была квалифицированной как чисто американской. Победа в войне в Заливе была одержанной США, а не ООН.

В сущности, ООН является только одной институцией без международной силы, ни престижа, который выражает политика великих сил, определенная с Г-7, без никакого участия более маленьких стран, кроме их право высказываться напрасно на Общем собрании.

Общее собрание открывается каждый год, с самого своего основания, от представителя Бразилии. Этот факт становится поводом для страны претендовать непрерывно о месте в Совете безопасности, но эта претензия никогда не получила положительного ответа, потому что не совпадает с интересами великих сил.

В заключении, ООН провалилась почти столько, сколько и Общество народов. Польза о сохранении мира на планете практически равная на ноль, как и ее польза для снижения социальных и политических напряжений в большой части

из стран, имея в виду то, что поллитика в мире не определяется ООН, а со стороны Г-7 и мир остается оставленным на произволе службы пока не появится вполне сильная и компетентная организация, способна помочь при встрече с провокациями 21-ого века.

2.2. МВФ и МАЛОРАЗВИТЫЕ СТРАНЫ

Формирование Международного валютного фонда в Брэтн уудсе с целью стабилизировать мировых финансов при помощи одного международного организма для поддержки государств-членов, имеющих затруднений во валютной сфере, создало впечатление, что после Второй мировой войны ООН будет гарантировать мир, а МВФ валютную и финансовую стабильность во всем мире.

Вместе с МВФ был создан и Мировой банк, чтобы финансировать проекты для развития всех государств-членов. Время показало, что Фонд был истинным банком, а Банк — истинным фондом, потому что Фонд соблюдал в основном для сохранения финансовой и валютной стабильности стран, на основу характерных для финансовой системы механизмов, пока Банк превратился в настоящей агенции для стимуляции развития, больше с экономической, чем финансовой характеристики, вне чисто социальных проектов.

Зачем после 52 лет существования Фонд провалился? Потому что стабильность развивающихся стран всегда непостоянная и достигается ценой рецессии и серьезных социальных и экономических трудностей, большая часть из которых ведут только до преодолевания первой фазы стабильности — инфляция.

Когда у меня была возможность, на одном семинаре по проблемы фискальной реформы, дебатировать с Витом Танци налоговая политика МВФ по отношении развивающихся стран (как условия бюджетной стабильности), я попробовал показать директору налогового отдела этой институции и автору одному мировому экономическому закону (Эффект Танци в налоговом обложении), что нет готовой академической модели, имеющей приложения во всех развивающихся странах и что каждая из них обладает свои особенности, не всегда понятные для олимпийских богов Вашингтона, в их хорошо кондиционированных кабинетах. Открыл, например, разницы между Мехиком и Бразилией в налоге дохода и доказал, что налог на недвижимой

собственности, которого прилагают в Мехике в одной конъюнктуре провала налога на доходе, не смог бы приложиться в Бразилии, где этот налог самый исследованный и самый лучший в рамках системы, и ему не нужны никаких дополнительных механизмов для принуждения, а только дальнейшее усовершенствование.

Для ужаса всех присутствующих на дебатте, Вито Танци согласился с моим тезисом, заявляя, что фонд понимает свои ограничения и все больше занимает позицию помощника при формулировании фискальных политик, а правила для их приложения должны отвечать на специфические особенности каждой страны.

Правда то, что Международный валютный фонд не успел установить валютную стабильность, которую все ожидали. В Европейском союзе эта стабильность поддерживается больше по силу соглашений и прежде всего Договором с Маастрихта, чем вмешательством Фонда. Соединенные Штаты не имеют нужды от Фонда и поэтому не выполняют его советы. Они являются одна из самыми недисциплинированными странами по отношению контроля на государственном дефиците и их внутренний долг соответствует на почти 70% с ВВП, которое никак не нравится МВФ. США очень плохой пример о стране, которая на уважает предписания институций, неспособной упражнить никакого влияния на нее. Страна, которая все таки нуждается в мировом разрешении МВФ (потому что займы, отпущенные фондом, всегда ограниченные суммы), что бы постичь отсрочку долга или новых займов с мировой финансовой системы, должна подчиниться ему твердой и беспрекословной академической позиции борьбы против инфляции и снижения государственного дефицита с целью стабилизации национальной денежной единицы.

МВФ один не особенно успешный сторож национальных валют, потому что влияет им намного меньше, чем междугосударственные соглашения.

Верно, все таки, что после первого и второго нефтяного кризиса (в которых роль МВФ претерпела абсолютного провала по отношению развивающихся стран и дестабилизирующего фактора фантастического повышения цен всемирного топлива — недостаточно исследованным со стороны институций). Фонд успел увеличить с половиной 80 годов своего влияния на малоразвитые страны.

Большая проблема в том, что МВФ не имеет сил самых

развитых стран, не намешивается в международной торговле, не определяет политику развития, ни даже контролирует мирового спекулятивного капитала, который способен дестабилизировать всей международной финансовой системы, если его догнет паника от дестабилизации финансов какой-нибудь из великих сил.

Добавим к этому и факт, что МВФ не контролирует пенсионных фондов в мире, которые сейчас являются самой мощной финансовой силой. Именно поэтому его облик, хотя бы улучшен в последнее время, продолжает быть несовершенным и Фонд продолжает быть прежде всего моральным покровителем дисциплинированных национальных „политиков“, а не определяет их. Это верно столько, сколько и факт, что самый симпатичный международный мошенник — Мехико, всегда получает поддержку Фонда в замену обещаний об определенной политике, которая после этого никогда не выполняется. Естественно, это не мешает ему продолжать обещать.

2.3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: ЕС, НАФТА, МЕРКОСУЛ

Национальные экономические пространства начали интернационализироваться. Со времени Римского договора — чисто тарифное соглашение, хотя и более усложненное, которое послужило моделью, когда Европейский союз создавался в его настоящем почти федеративном профиле — страны начали создавать многонациональные общности для самозащиты и взаиморазвития с целью не потерять историческую перспективу.

Сразу после этого Договора, в 1961 году, в Уругвае был создан АЛАНК, чьей шумный провал был причинен утопичным желанием каждой страны извлечь максимальную пользу для самой себе за счет остальных стран. Замета для укрепления самой благоприятной таможенной системы была оставлена на втором плане, и поэтому некоторые из стран, что в начале не вели успешных переговоров, потеряли интерес к договору из Монтевидео. Это можно сказать и об АЛАДИ, самое высокое ступенько в развитии международных латиноамериканских отношений, которое все таки претерпело провал.

МЕРКОСУЛ стал естественным заместителем все еще активных и не особенно успешных латиноамериканских

соглашений. Договор из Асунсиона, который открыл дорогу „общего рынка“ Бразилии, Уругвая, Аргентины и Чили породил новую надежду для оживления региональной торговли. Хотя не было ничего больше, чем обикновенным „таможенным“ союзом.

Этот рынок создан при участии 210 миллионов потребителей. Из них 160 миллионов в Бразилии, 30 миллионов в Аргентине и остальные 20 миллионов в Уругвае, Парагвае и Чили. Этот дисбаланс порождает некоторые проблемы, характерные для каждого устройства. Снова проявилась и неспособность Итамарати вести переговоры; он самонадеянно лишился активным содействием национальных предпринимателей, в отличие от других стран, которые мудро воспользовались ими.

Другими словами, из четырех государств-членов Бразилия допустила самые большие ошибки, и это породило необходимость ревизировать некоторых кляуз еще на первом году (например, квота автомобилей, вышедшие из Бразилии в Аргентину, без осуществления импорта аргентинских автомобилей в замену).

Независимо от сомнительного успеха этой общности (соглашение для самых благоприятных тариф, т.е. „таможенный союз“, является первым шагом к созданию других форм интеграции в сфере трудовых отношений, индустриальной собственности, единой налоговой системы, над-национальных органов как Трибунал Общности, подобных этому в Люксембурге), моральная настройка, которая довела до провала АЛАИК и АЛАДИ, практически не могла быть преодоленной никому из пяти государств-членов. Остальные четыре государства-члены не заявили особого интереса по отношению бразильского рынка, ни предложили какие-либо альтернативы для бразильского производства. Другими словами, в МЕРКОСУЛ возможности о росте бразильского рынка при интеграции меньше, чем эти остальных стран, которое во время глубокой рецессии заставит защитные механизмы поставить в шах некоторые кляузы договора, независимо от факта, что подобные нарушения вызывают юридические проблемы в международном масштабе.

Независимо от большого прогресса во всех областях, Европейскому союзу, становится ясно, что период, в котором более отсталые страны были должны подготовить свои экономики об уравновешенной конкуренции в рамках Общности, не был достаточным. В Португалии, Испании и Греции есть уже чувствительные расхождения,

как, например, наложенное сокращение португальского производства вина в 1994, чтобы позволить другим производителям в общности участвовать на этом рынке.

Кроме этого, Европейский парламент и Трибунал в Люксембурге создают правила, которые страны должны соблюдать, а эти государства, которые последними стали членами ЕС, даже не имели возможность обсудить это, которое уже было принято и поэтому были должны примириться с ограничениями, наложенными местной властью по вопросам, связанные с общностью и их подчиненность только аналогична органам в рамках многонациональной системы.

Правда, что благодаря Общности Европа успела выдержать законам свободной торговли с сельскохозяйственными продуктами — тема, которая годы подряд является предметом переговоров в так называемом „Уругвайском круге“, потому что европейские государства не имели условия конкурировать в этой сфере со странами Латинской Америки и даже со США. Они отступили после долгого периода твердой позиции, когда получили компенсации в других областях, где их конкурентоспособность была более сильной и где Европа успела использовать преимущество одного целого ВВП, похож на американского. В Бразилии, к сожалению, министр Сиро Гомес сократил за три дня импортную квоту 13 000 продуктов, не разыскивая компенсации и это создало невероятные трудности для последующих переговоров, когда страна была вынужденной провоцировать их.

Следовательно, проблемы в результате неравномерного развития стран (даже и из одного региона) проявляются ясно в попытку интегрироваться. Самый недавний пример об этом мексиканский кризис в конце 1994 и в начале 1995 годов, которая доказывает, что НАФТА не идеальная общность для каждой более малоразвитой страны.

Есть много, что еще можно сделать, чтобы многонациональные общности стали истинными инструментами для развития и чтобы перестали быть местом для разжигания диспутов и экономических противоречий.

2.4. ДОГОВОР С МААСТРИХТА И СТАРЫЕ ДЕНЬГИ

Договор с Маастрихта и его основные распоряжки предусматривают создания единой европейской денежной единицы и единого Центрального банка.

Желанная модель является „БундесБанк“, который заботится больше о сохранении денег, чем о финансовой системе. Последняя находится под охраной Специальной комиссии. Функция центральных банк состоится только в охране денег.

Международная академия по праву и экономики, в стиле Договора и германской системы, предоставила проектозакон президенту республики, чья цель передумать снова функции Центрального банка и превратить ее в сторожа денег в Бразилии, а для контроля финансовой системы создать Комиссию о Финансовой системе, подобная этой о движимых стойностях.

С широкой поддержкой президента Итамар Франко, упомянутое предложение было заведенным в архиве Центрального банка. Отделение финансовой системы от обязанностей институции могло бы расширить его автономность при контроле денег, но ограничило бы ее возможности контролировать финансовую систему.

И так как финансовая система остается белым слонком в Центральном банке, она отделяет очень большую часть своего времени контролировать ее. Для контроля денег у нее остается мало времени и это ведет за собою нагромождение бесчисленных нерешенных проблем, как показывает и кризисс бразильской финансовой системы.

При этом положении, Центральный банк должен действовать или техническим, или политическим способом, но практически лишен от независимости контролировать деньги или системы.

В Германии, куда система функционирует восхитительно хорошо, после двух гиперинфляций (в 1923 и 1948) Центральный банк контролирует в основном деньги как технический орган. Поэтому и функционирует.

В Бразилии эта институция далеко не выполняет свои функции, независимо от успеха Реального плана.

Что касается главной целью Договора с Маастрихта — создание условий для обособления единого средства уплачивания в Европе, европейская денежная единица, мне кажется, что то вполне утопичным и обреченным на неуспеху.

В принципе, денежная стабильность предполагает бюджетная и финансовая стабильность всех наций из общности, а эта стабильность зависит от тяжести бюрократии, от уровня развития, от налогового бремя и занят-

ности — променливые величины, которые делают еще более сложной задачу о контроле финансов в каждой стране.

Все чаще одна правильная бюджетная политика, позволяющая контроль на публичного дефицита и государственного долга, является проблематичной. Имея в виду фалит Социального государства, эта проблема касается финансов всех стран, развитых или нет.

С другой стороны, нарастание публичной задолженности во всех странах вызывает кризис доверия, по причину все более усложненных маневр со стороны правительств Г-7 и поэтому становится фактором, который в конце концов затрудняет создание одной стабильной и универсальной денежной единицы. Вспомним, что даже и в Европейском союзе, где денежная единица должна быть внедренной в конце века, хотя бы для некоторых самых развитых стран, она не будет же всеобхватной, ни могла бы задержаться стабильной в странах, куда будет наложенной, имея в виду специфические проблемы их бюрократических институций.

Не надо нам забывать, что стабильность национальной валюты зависит от контроля инфляции, который является сущностью контроля публичного дефицита и задолженности государства, а эти области все труднее доступными в сегодняшней конъюнктуре.

Не надо забывать и то, что вместе с самим маленьким симптомом отсутствия контроля на бюджета, нарастает скорость обращения денег согласно уравнению Фишера:

$$P = \frac{MV}{T}$$

и это является поводом новых тревог. Если количество денег, либо их скорость обращения нарастают на одном и том же уровне с объемом транзакций, цены товаров нарастают и нажимают инфляцию.

В этом контексте, чтобы одна многонациональная валюта поддерживалась стабильной (не идет речь о СПТ — специальные права тиража, а для денег как средство уплачивания между нациями), возможность для вмешательства международных органов должна быть все сильнее и если это так, то возникающие напряжения будут пропорциональными неравновесиям, которые выражаются в значительные политические и социальные перемены и, по всей вероятности, в крах институций.

Думаю, что вопрос об универсализации денег становится все более сложным, даже и в ограниченных многонациональных общностях, по причине текущей сложности интеграционной конъюнктуры и проблемы, которые могут быть вызванными разными уровнями инфляции.

Не верю в успех, даже и в ЕС, единой валюты (ЕКЮ). Seriously сомневаюсь (если не формируется Универсальное государство), что он сможет осуществиться и в 21 веке, независимо от общего прогресса мира в конце 20 века.

2.5. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИНФОРМАТИКА

Война в Персидском заливе была проведена при помощи авиопилота, на расстоянии от бойного поля и без никаких шансов для Саддама Хусейна защититься, потому что он не имел никакой более современной системы, которую мог бы противопоставить технологической лавине, залившей Ирака.

Страны ведут все более ожесточенную борьбу за информацию, за возможность обработать ее в самом коротком сроке и сохранить ее от остальных конкурентов. Борьба за охрану интеллектуальной собственности константная величина в международном праве. Она провоцируется странами, которые обладают технологиями и налагают их другим, которые не располагают ими. Все более могучими становятся протесты против этой диктатуры, которая с точки зрения права вполне законная, потому что тот, кто изобретает технологии, имеет право эксплуатировать их, но делает все развивающиеся страны зависимые от интеллектуального потенциала великих сил.

Тот, кто хочет контролировать информацию и информатику, будет контролировать и весь мир будущего, потому что доступ до самого актуального будет вопросом времени, все более коротким с каждым прошедшим годом.

Поэтому и самые передовые государства, которые считаются сторожами мира, контролируют остальных государств.

Комиссия, которая обязывает государств-производителей ядерной энергии подчиняться постоянному международному контролю два раза в год — один из них предва-

рительного предупреждения, на заводах для радиоактивного материала — не относится до самых развитых ядерных государств. Бразилия была вынуждена подписать договор о нераспространении ядерного оружия под нажимом великих сил, которые не являются объектом контроля со стороны этой комиссии. Бразилия не имеет право, как и Франция, испытывать свои ядерные продукты наперекор всего общественного мнения в мире. Франция всегда противопоставлялась международному надзору, даже дистанцировалась от НАТО по этому вопросу во время Де Голя и создала собственные „силы для быстрого реагирования“. США, Англия и Россия не подставлены под этот надзор. Это несоответствие в правах и задолжениях делает контроль интеллектуальной собственности всегда под руководством и направлением великих сил, которые хотят господствовать над остальными государствами.

Очевидно, что те страны, которые противопоставляются этой зависимости благодаря соответствующим защитным законам, рискуют быть подвергнутыми международной изоляции и быть в еще большей степени затрудненными как равноправные участницы, в мировом интеллектуальном прогрессе. Поэтому дилемма состоит в том, или примириться с интеллектуальной зависимостью, чтобы не отставать от прогресса, или противопоставиться этой зависимости на цену этого отставания. Вопрос это, что более выгодно для данной страны в определенном моменте от ее развития.

Скорость информатики может породить невиданные размещения общественных пластов, потому что производство вирусов (Lackers) в сегодняшнем поколении и доступ (разрешенный или нет) таких стран до них могло бы довести до раскрытия неподозреваемых раньше тайн — государственных или фирменных.

Много людей аплодировали когда-то победу самого великого живого шахматиста (Каспаров) над одному компьютеру в 3:1 при двухмях реми. Результат привел меня в унынии. Не знаю когда на свете появиться новый Каспаров, пока машина, побежденной им, может быть воспроизведенной столько раз, сколько хотят ее производители. Другими словами, одна машина победила однажды одного гения и дважды вышла наравне с ним. Эта машина могла бы эволюировать еще больше. А когда можем ожидать рождения одного нового Каспарова?

Человеческие гении, которые производят гениальные роботы, тоже увеличиваются, потому что сегодня каждый ученик еще со своего пяти-шестилетия занимается микрокомпьютрами с памятью, которая превышает память людей моего поколения, многие из которых не имеют ни готовности, ни терпения войти в эру информатики. И когда человеческие гении, которые становятся все больше и больше, произведут гениальные роботы с творческими возможностями, будет трудно сохранить барьер охранительных программ неприкосновенными и мир неизбежно войдет в одну новую эру сомнения и ненадежности и будет свидетелем больших постижений так, как и больших провалов.

Разрушительная сила определенной группы вирусов будет так велика, что страны будут должны отделять все больше времени и средств, чтобы контролировать их и снижать их возможности для вмешательства, если хотя бы использовать их для развития.

Правда та, что доступ до интеллектуальной собственности будет еще более широким и легким, а гарантии, которые сегодня выглядят надежными, завтра может быть будут совсем недостаточными.

2.6. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ

Международная общность, которая меняется все быстрее после конца Второй мировой войны, создала органы для стимуляции стабильного развития стран.

Помню один разговор с министром-председателем Португалии профессор Оливейра Салазар, в котором он мне рассказал о своей встрече с президентом Труманом, предметом которой было американское военное присутствие на Азорских островах. Он сказал мне, что сразу после Второй мировой войны президент Труман с невероятным для самого могучего государства в мире воодушевлением гарантировал, что с помощью американских денег он смог бы восстановить экономику Европы и благодаря этому восстановлению и признательности европейцев от благотворного эффекта Плана Маршала, американский способ жизни успел бы расшириться по целому миру и один новый мир (рах готана) установится продолжительно на земном шаре в следующих веках. Сказал мне еще, что он реплики-

рвал американского президента словами, что ни у американцев столько денег, чтобы восстановить мир после войны, ни у европейцев столько благодарностей к Плану Маршала. Скорее они присвоили бы себе заслугу для своего восстановления, чем признать эту заслугу американским денгам.

Эта история была рассказана в декабре 1964 год и была закончена улыбкой, как и спокойным и категоричным тверждением, что время доказало, что правым был он, а не Труман.

Если рассмотрим только первую часть твердения Трумана и реплику Салазара, мы увидим, что мировые органы развития как Мировой банк, не имеют достаточно средств, чтобы отзывать самым спешным проблемам каждой страны. Они даже не могут обслужить стран по некоторым специфичным проблемам, и поэтому их роль уравнивать региональные экономики не в состоянии уменьшить социальные напряжения.

Забота подобных органов для экономического развития и признание их неэффективности показало им дорогу к сфере, считанной тесно интимной и они финансировали даже планы о контроле рождаемости в самых густонаселенных странах.

Мировой банк финансирует программы о насильственной стерилизации. Например, отдал свою поддержку для штата Махараштра в Индии, где женщины, матери двум детям, были обязаны законом аборттировать свой третий ребенок под угрозу тюрьмы!!! Когда не успели обеспечить экономическое развитие, подобные организации вступались в интимной жизни и свободном выборе людей. В дебатах, которого я имел в 1980 году в Мировом банке, на одном семинаре под эгидой американского правительства, спросил осмелиться ли Мировой банк рекомендовать подобную наметку со стороны США без страха, что может спровоцировать национальное протестное движение. Спросил и это: если в стране прокламируется свобода личности, зачем тогда ограничивается так много эта свобода, что наказывают тюрьмой, и то средствами Мирового банка, женщины, которые свободно решили иметь больше двух детей. Специалисты, с которыми обсуждали эти вопросы, не смогли мне ответить.

Правда то, что организации развития так неуспешные, как и остальные международные институты. Неизвестно

до сих пор каким способом они могли быть оживленными, потому что мировая экономика не контролируется ни ООН, ни этими организациями, а заседаниями Г-7 — единственное международное группирование, у которого реальная власть вмешивается, но которое остается абсолютно пассивным перед действительностью, которой эти организации открывают.

Вопрос, которого можно задать, будут ли в состоянии эти организации получить какой-нибудь мощи в будущем, при условии, что сейчас она отсутствует.

Я убежден, что это мало возможно. Формирование группирований как Европейский союз, МЕРКОСУЛ и НАФТА ослабляет мощь глобальных организаций и отклоняет исполнение решений для международных экономических и социальных проблем к ограничиванию геополитических пространств, созданных по силу подобных соглашений.

Мечта об одной многоцветной международной организации, после Второй мировой войны, сегодня одна утопия, подобная этой, с которой жили народы после Первой мировой войны, когда создана Лига наций. Междувременно, сегодняшние мировые лидеры (или региональные) успевают маскировать до такой степени эту действительность, что провал менее очевидный, чем во время Общества народов.

Необходимо спешно ревизировать роль этих организаций как представительные для всех стран. Национальные проблемы и их отражение на международных отношениях требуют нового облика этих организаций. Иначе их бесполезность будет окончательно подтвержденной, породит еще более глубокое недоверие и вернет человечество к возрождению архаичных форм с прошлого века или начала этого.

3

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВАНИЯ

3.1. ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

История человечества история столкновений между этносами. Они были порождены как климатически и геологическими условиями, так и смешиванием рас в результате взаимоотношений между кочевыми и оседлыми народами.

С неандертальской до кроманьонской цивилизаций и с ней до сегодняшних времен эволюция человечества была неравномерной в зависимости от трудностей, которые разные миграционные потоки и оседлые народы, живущие в трудных землях сурового климата, должны были преодолеть. Эти разные условия жизни стимулировали разным способом творческие возможности людей в их стремлении пережить. Во время всей этой эволюции человечество было свидетелем нескончаемых столкновений между культурами, силами и идеями с самого разного естества. Поэтому человек — это теоретически мирное создание, никогда не жил в мире со своими себепогоподобными.

Обособление этносов было первым большим поводом для столкновений. Эти из них, чьи члены оказывались более ловкими и способными налаживались над более примитивными и подчиняли их своему господству.

Этнические столкновения являются „расовыми” борьбами того времени. Другими словами, по причине отсутствия наций, этнические группирования были те, которые в битву между собой формировали свою „нацию” и свое „государство”, свою страну.

Девяти тысячелетняя человеческая история с времени Еригона до сих пор не является более различной. В Библии речь идет о непрерывной борьбе иудеев против разных рас. Китайцы, индусы, персы, арийцы, монголы и т.д. были в постоянные конфликты между собой, иногда конфликты не были необычным явлением даже в рамках одного этноса.

Даже в периоде великих королевств столкновения продолжают. Хорваты и сербы были в конфликтах во время Средневековья, так как и сегодня. Арабы и арийцы имеют противоречия сейчас, как и во время после краха Римской империи.

Турки и арабы, иудеи и арабы, персы и арабы в постоянном конфликте с древности до сегодняшнего дня, как в конфликте и европейцы арийского происхождения по отношению всем этим народам.

В консолидированных после Возрождения странах, как и в этих, которые в продолжении веков шли к объединению (даже Германия и Италия с 19-ого века) не отсутствуют расовые противоречия. В расцвете 20-ого века венгерцы Австро-Венгерской империи уделились от германцев в Австрийской республике и так с самой большой империи в Европе осталось только одно государство — Австрия, самое маленькое в Западной Европе. Чехо-словаки, как и все жители бывших советских республик, составляют народы, которые не могут объединиться по этническим причинам. То самое относится и к странам как Испания, где каталонцы и баски продолжают бороться за независимость снова по этническим соображениям.

Постоянные нашествия, которые довели до краха Западной Римской империи, были причиной и про то смешивание родовых начал, которое характерно для последних 1000 лет европейской истории и которое является истинной причиной для регулярного напряжения и конфликтов между группами принадлежавшими одному или другому расовому формированию.

Сегодня проблемы продолжают. Нет ни европейской, азиатской или африканской страны куда этот вопрос не стоит в очереди. Даже в теоретически стабильных государствах как США, все еще не преодолен этнический конфликт между белыми и черными, ни на Среднем Востоке между арабами и евреями, либо между турками и персами. Это яркое доказательство что технологическая эволюция не соответствует эволюции цивилизованного сожительства между странами.

В сущности, наличие этих проблем в их сочетании с все более совершенно организованных террористических актов как следствие этих проблем, добавляет еще трудности в решении мировых проблем и делает более неспособными актуальных политических и юридических структур.

Этническая конфронтация совсем не продолена. Весь мир оплачивает болезненную цену тех группирований, которые в своей слабости прибегают до терроризма как форма угрозы. Они сеют сомнения в правилах для национальной и интернациональной безопасности, а риск еще более неразрешимых усложнений очевиден, имея в виду нарастание их разрушительной мощи вследствие технологического прогресса. Это имеет особенное значение в случаях, когда расовые группирования меньшинств, преследуя политические или другие цели, превращаются в оружием других инте-

ресов и других наций, которые ищут косвенные выгоды от подобных актов.

Я убежден, что нарастающая неспособность правительств решить этнические проблемы во внутреннем плане провоцирует еще сильнее мировую ненадежность в широком масштабе, рискуя породить всемирную панику такими устрашающими действиями.

Представьте себе этнические группы, владеющие ядерное оружие, либо имеющие доступ до вооружения для химической или биологической войны. Представьте себе как они хотят приложить на практику какого-то убийственного плана для всего человечества. Воображение недостаточно, чтобы понять последствия.

3.2. НАРКОТРАФИК

Большой бич человечества в конце 20-ого века — это наркотрафик. Огромные общности живут в основном от продажи наркотика, целые города существуют под контролем наркотрафикантов, больше чем под контролем полиции. Боливийская экономика, например, была серьезно угрожена, когда одно из правительств решило прекратить производство коки, от которой издерживаются много боливийцев. Проблема была так большая, что правительство было снято.

Хотя кока полезна для многих производств, в конце-концов она оказывается употребленной для отклонения по всем каналам наркотрафика в мире. Рынок зависимых от этого порока огромный и развивается постоянно. В Соединенных Штатах и в Европе, где находятся главные потребители, существуют разные программы для борьбы с наркотиками, но ни одна из них не была в состоянии ответить адекватно потребностям этих народов в процессе их воспитания в невыносимости к болезнному возбуждению.

Попытка перерезать наркоторговлю в ее корни, атакуя производственные центры и известные каналы — стратегическая политика американцев, которая стала всемирной — тоже не постигла ожидаемого успеха, даже и при поддержке международной финансовой системы, которая хочет открыть счета трафикантов в банках свободных от налогов стран-призраков, которые помогут найти мозговые тресты этого трафика.

Стирка денег осуществляется самыми разными способами и в основном при помощи банков стран, находящихся вне международной контроли, имеющих фиктивные имена, кодированные счета, юридические лица прикрытые физическими лицами криминального прошлого, и поэтому даже когда есть возможность нарушить банковую тайну для таких целей, результаты совсем не ободрающие.

Не надо забывать, что деньги, полученные наркотрафиком и выстиранные после этого входят в рутинные хозяйственные дела и службы и имея в виду свободное движение капиталов во всем мире, трудно сказать, что нет предприятия, которое никогда не пользовалось деньгами, выстиранными после наркотрафика. Один из самых посвященных социальной каузы людей в Бразилии — Бетиню, был финансируван в своей социальной деятельности от групп наркотрафикантов из Рио-де-Жанейро и это было раскрыто только тогда, когда несколько наркотрафиканты были арестованы, их банковые счета были открыты и сундук, полный наркотиками, конфискован полицией.

Отсутствие ценностей у молодежи и крах семьи, ежеминутное углубление коррозии, угрожающей супружеской верности, неразрывная семейная связь, родительский авторитет; борьба против аборта, многочисленные дети и пр. — все это факторы, которые спутывают молодежь и заставляют ее, в поисках новых эмоций, прибегать все чаще к торговцам наркотиков, превращаясь в их легкую добычу.

Если эта картина дополнится картиной уличных детей, которые вполне заброшенные и, стали однажды жертв порока, мы увидим, что они готовы на все чтоб получить его. Насилие в больших городах увеличивается до большой степени с помощью участия этих детей в ежедневные кражи, убийства и другие преступления. Для них у правительств еще нет надежных социальных программ.

С нарастанием числа наркотрафикантов и зависимых от их товаров лиц создается пугающая цепь из общественно дестабилизирующих элементов. Эта дестабилизация охватывает все шире общественные слои, и то одним драматическим и неконтролируемым способом.

С другой стороны, финансовая сила тех, кто контролируют наркотрафик, огромная. Говорят, что картели Меделина и Кали, как и холмы в окрестностях Рио-де-Жаней-

ро, не контролируемы ни полицией, ни вооруженными силами Колумбии и Бразилии. Точно наоборот, эти группирования успевают коррумпировать в большой степени органы, которые должны контролировать их, потому что легкий доход не что так прекрасное, что мало из них игнорировали бы его ради долга.

Альвин Тофлер, во „Война и контравойна“, считает, что в ближайших годах некоторые из этих группирований будут обладать ядерные оружия, которые дадут им фантастические возможности для шантажа всегда, когда некоторый из их руководителей попасть в тюрьме.

Правда, что в будущем вижу как эти особые группирования, которые связаны с торговлей наркотиков, превращаются потихоньку в одни из самых мощных дестабилизирующих факторов по отношению мира на планете.

3.3. РЕЛИГИОЗНЫЕ РАСКОЛЬНИКИ

Все высшие религии имеют один Бог. Бесконечная Доброта. Тойнби видит в них формирование больших цивилизаций, считая, что современный мир является плодом столкновения между Христианством и Иудаизмом, Брамизмом и Исламом.

Независимо от Бесконечной Доброты Бога, человек, которой обожает его одарен ограниченной добротой и безкрайней жестокости до такой степени, что даже когда защищает верховенство Бога, на земле употребляет нечеловеческое насилие.

Религиозные войны что-то постоянное в человеческой истории. Императоры из цивилизаций Ближнего Востока часто подчиняли завоеванных народов с помощью сабли своего бога. Религиозные войны в Индии с тысячелетий до сих пор причиняют раны стране — даже сегодня министр-председатели умирают, убитыми членами фанатизированных сект. Сократ был осужден на смерть, потому что, независимо от его совершенной защиты, был объявлен человеком, который мутит головы молодым и противостоит афинскими богами. Христиане были преследованы иудеям и римлянам, а Христос был осужден на смерть иудейскими священниками. Магомед и его последователи объявили священную войну неверникам и Европа завоевана магомеданами с 711 до 1493 году, когда Гранада была снова освобождена.

Крестовые походы для отвоевывания Божьей могилы были другими войнами, которые продлились почти три века, не считая крестовых походов против альбигойцев, имеющих задачу устранить ересь катаров.

Сама „Инквизиция“ боролась против ересей, наказывая смертью. Насилие было нечто столько нормально среди всех народов и наций, что в контексте эпохи, это, которое шокирует сегодня человечества, не шокировало тогда никого.

Сегодня религиозные вопросы все еще вызывают насилие, независимо от более гуманного взгляда на них.

Шииты Гомейни и военные Саддама Хусейна дрались огни против других в прошлом десятилетии, употребляя невиданное насилие. Крушение иранского шаха в сущности является результатом одного шиитского фундаменталистского движения.

Католическая Ирландия все еще в конфликте с протестантской Англией, как и палестинцы с евреями, и огни, и другие пользуются в основном терроризмом для нажима со стороны меньшинств.

В имени Бога, следовательно, сделаны и продолжают совершаться невероятные преступления против создания Создателя и нередко нетолерантность и фанатизм становятся главным оружием бессовестных лидеров. Они далеко от высшего идеализма Святого Люи, король Франции, или Святого Бернарда — люди, которые благословили крестовые походы и направили воинствующего духа эпохи, занятого в братоубийственной борьбе между христианами, к отвоевыванию Божьей могилы. Но они тоже не успели избежать проливание крови во время этих походов.

Человек не понял многого ни из истории, ни из уроков Создателя и на бойном поле, как и на поле терроризма, нарушает самые основные добродетели как любовь к ближнему и свобода, которые Бог дарил людям даже за то, чтобы отречься от него.

Присутствие фанатизма во всех войнах в последних тысячелетий не позволяет нам верить, что новый человек будет таким мудрым и спокойным, что будет способным прекратить войн в имени Бога.

С другой стороны, верно, что те, которые участвуют в религиозных войнах, больше идеалисты, больше фанатики и меньше контролируемы.

Я убежден, что присутствие дилеммы с прошлого будет продолжать вызывать в будущем религиозные войны между радикальными группированиями, для которых все равно, будут ли дестабилизироваться или нет институции в разных странах.

Дело в том, что легко доступная технология для таких групп делает их дестабилизирующую мощь еще более сильной, чем в прошлом.

Другими словами, они не могут быть контролируемыми. Опыт правительства Израиля и Арафата обуздать своих единомышленников (и то самых радикальных) провалился и это доказательство о том, что я сказал.

Сожительство международной общности с подобными элементами противоборства еще один фактор, который нужно предвидеть, имея в виду лидеров будущего в их стремлении стабилизировать „нестабилизируемого“.

3.4. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬЦЫ И ВИРУСЫ ИНФОРМАТИКИ

Господство информатики причина появления групп интеллектуальцов, все более широких и все более творческих.

Все газеты в мире имеют страницу, посвященную информатике и все больше людей хотят найти собственные решения и доступ до самой модной информации с помощью виртуальных линий (Интернет и другие) или других персональных систем для интегрирования с мировыми сетями.

Другими словами, информатика подобно шахматам дает начало группам специалистов, которые подобно большим мастерам этого интеллектуального спорта разменивают информацию и умножают производство вирусов (hackers).

Мир остался изумлен, когда двое-трое очень одаренных юношей, в различных моментах, вошли в архивах финансовых институций, больших учреждений и служб охраны США, и показали сколько контроль информационных банк является ненадежным.

В этих группах специалистов есть людей, которые держат больше своему интеллекту, чем предпринимательс-

кой или гражданской этики и, как у каждого спортсмена, хотят пройти через барьеры настоящего познания.

Чем больше нарастают эти группы и чем больше мультиплицируются информационные вирусы, тем современный мир слабее, надеясь ими.

Особенное этих групп, что может быть среди прежде упомянутых, не имеет такую огромную разрушительную мощь, как они. В моменте, когда члены подобных групп решат отступить от своих привилегий в познании другим особым группировкам как, например, религиозные фанатики, наркотрафиканты, националисты и т.д., то они станут неимоверно сильными и еще более угрожающими миру.

Эти группы способны производить вирусы, которые могут направляться произвольно, более опасные чем остальных, имеющие какого-то идеала, или даже не имеющих никакого. Дело в том, что они занимаются этим, которое отличает в самой большой степени человека от остальных существ на земле: интеллектом. Для упомянутых групп интеллект является самой высшей ценностью и они культивируют только свой интеллект, в отличии от всех остальных обыкновенных граждан с их ценностной системой.

Любопытно, что сам Конфуций, один из самых восхитительных интеллектов, которые мир знает, не был в состоянии оценить разрушительную мощь самых способных группирований. В своем стремлении остановить разногласия между китайскими царствами и поставить во главе государства людей, способных ее управлять, он обучил экип интеллектуалов для управления и таким способом создал китайскую бюрократию. Конфуций, в сущности, отец современной бюрократии.

Великий философ выходил с принципа, что культура и знание стоимости выше золота и власти. По его мнению, бюрократы были бы более полезными народу, чем политики, потому что цель их самой большой амбиции знание и они не изменили бы ей во имени мелких и жалких борьбах за власть и деньги, характерные для политиков.

Получается, впрочем, совсем наоборот. При помощи знания, бюрократы начали управлять больше чем сами правители. Если верно, что они постигали этого, благодаря своим более высоким познаниям и более развитым лобкостям, верно тоже, что они не игнорировали ни культ к

власти, ни этот к деньгам. Так они начали конкурировать с правителями в борьбе за власть и легкое обогащение. Некоторые историки твердят, что эпоха „воюющих царств" в Китае результат именно силы членов органов власти.

Монтескье твердит, что человек не может верить власти, и поэтому нужна власть, которая контролирует власть.

Правда та, что бюрократия никогда не была решением проблем управления, ни знание было лекарством против стремления к власти и богатству. Конфуций ошибся, потому что родился много прежде Монтескье, который, со своей стороны, не ошибся, потому что понял лучше историю со времени китайской бюрократии до сих пор.

Значит интеллект, посвящен информатике и направлен против стабильности может быть таким нездоровым, как в прошлом было конфуцианское творение китайской бюрократии, а группы, которые возникают сегодня с целью создавать и предлагать новые решения в области информатики, в зависимости от дороги, по которой пойдут, могут превратиться в те самые, или даже в более опасные чем нам уже знакомые, неформальные группирования.

3.5. МАРГИНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ

В конце 20-ого века, в обществе обособляются все более обширные маргинальные группы (из отвергнутых общественных элементов), которым известны их права, которые понимают, что творится в мире и все труднее успевают пережить.

Такие группы отвергнутых обществом элементов проявляют тенденцию к объединению, чтобы противопоставиться господствующего порядка и выявляют признаки враждебности к тем, которые успевают пережить достойно и в обилии в одном обществе, где социальные контрасты все более очевидны.

Отличие состоит в способе жизни и в обладаемых благах, а не в уровне знаний, потому что уже многим людям доступно образование и всякая информация, благодаря различным видам курсов.

Люди без работы, крестьяне без земли, жители больших городов без крыши над головой, индейцы, аборигены, люди, которые, особенно в Азии, живут по берегам рек, на морях, на плавательных судах или на пляжах, дети с улицы — все они формируют маргинальные группы, которые ищут свои права, имеют свою собственную экономику, чтобы пережить и, кроме этого, сознают несправедливую организацию общества и несправедливое разделение по „кастам и „классам“.

Равенство, братство и свобода — три девиза Французской революции, которые довели до одной из самых кровавых мести в истории (Эра Террора), но были поздравлены Кантом как принципы, которые переждали своих вдохновителей, потому что они не успели предвидеть (по причину своей ограниченной перспективы) эффект, который эти принципы были бы иметь на будущее народов — они продолжают быть одной мечтой для большинства граждан в мире, а структурное неравновесие в обществе увеличивается все больше, благодаря фактам, упомянутым уже во второй главе этой книги.

Отвергнутые обществом люди в прошлом не имели знания о мире в его совокупности, ни культуры, образования и способности, необходимы предпринять протестные действия более радикальным характером, выключая индустриальный вопрос в прошлом веке.

Великие писатели 19-ого века, которые описывают жизнь этих общественных слоев (Дикэнс и Золя), рассказывают больше об образе жизни этих самых низших слоях и меньше об их возможности противопоставить на своем положении. Их возможности, правда, не были большими, не имея в виду появившиеся как-раз в этом времени трейд-юнионы как средство самозащиты.

Сама Франция — постоянное место возникновения великих человеческих революций и идей (Французская революция и народные волнения в 19-ом веке) всегда была больше примером, чем объединителем подобных движений в остальной части Европы или в Соединенных штатах.

В 20-ом веке — и особенно в его конце — дела совсем различные. Маргинальные слои уже не мирятся со своей судьбой, а нарастающая свобода печати и политических партий дает им все больше возможности упражнять влияние и нажим на установленный общественный порядок в

поисках своей части от общественного богатства — часть, которой они никогда не имели.

Такое распределение является невозможным при наличии нарастающей конкуренции между странами, между производителями этих стран и группированиями, контролирующими деньги и инвестиции. А все меньше правительств и все больше инвесторы финансовых и валютных рынков во всем мире и прежде всего в свободных от налогов странах, которые превращаются в крупные кредиторы всех правительств.

Институты как, например, пенсионные фонды являются сегодня, во всем мире, более сильными от какого-либо правительства, даже и этого Соединенных штатов. Это так, потому что они мобильны инвестировать куда хотят, а этого никакое правительство, ограниченное своим бюджетом, не может себе позволить.

Создание новых рынков, которое теоретически позволило бы маргинальным слоям интегрироваться нормальным способом, не может осуществиться в кратких сроках, потому что требование в мировом масштабе продолжает превышать возможности на производство благ и услуг. Поэтому ориентированные инвесторы знают, что вне маргинального класса, есть еще достаточно покупателей хотя-бы для нескольких десятилетий впереди в рамках остального общества.

Сознание, которое маргинальные группы имеют, в конце 20-ого века, о социальных различиях, о неравномерно распределяемом богатстве, о возможностях и невозможностях (по причине установленного правного порядка) снизить существующих различий, заставляет их не соотноситься общественным порядком, считая его несправедливым, и их бунт нарастает — они постоянно противопоставляются социальной несправедливости на цену всех возможных средств, включая насилие.

Может быть среди всех неформальных групп именно те, отвергнутые обществом людей будут создавать в будущем самые большие проблемы институциональному порядку во всех странах. Они не чувствуют себя ангажированными к этому несправедливому порядку, их надежды на перемены ничтожные и их бунт будет нарастать вместе с осознанием с их стороны социальных контрастов.

3.6. РАДИКАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Политические конфликты в мире и поддержка региональных очагов напряжения другое зло для человечества. В локальных войнах в разных краях мира, после Второй мировой войны погибло больше людей чем в периоде этой войны (1939-1945). Эти конфликты, сопровождаемые социальными контрастами и проблемами развития в одном мире, в котором существуют почти 200 свободные государства, занимающие строго определенное географическое пространство еще с начала письменной истории цивилизации, несомненно пробуждают радикальные политические настроения и группы, которые готовы противопоставляться правительствам во всех странах.

Не идет речь повторить ситуацию, которая обычно приписывается исканцам и заключается во фразе: „Правительство? Я против“. Верно, что большая часть радикальных групп представляет личные амбиции и/или разнородные интересы и поэтому более склонные к оппозиции, чем давать решения; больше разрушать, чем строить; нападать, а не подавать руку за мир.

Тенденция проявляется в умножении таких групп. Множится и их мощь, пока их цели становятся более маленькими — их протест преследует популистские цели, хотя иногда положительные, как борьба против коррупции, например.

Не включая к этим группам экологические движения, хотя некоторые из них имеют представительство даже в парламенте, потому что их борьба, хотя радикальная, не предполагает насилие и потому что их идеалы понятны и широко доступны. Их цели могут быть невыполнимы в определенных моментах, но не лишены идеализмом.

Радикальные политические движения, которые рассчитывают только на силу и поддаются всевозможному натиску, включая и террористическим действиям — другие неформальные образования, которые будут расти вместе с разъяснением проблем нуждающихся неотложного решения.

Теоретически, радикализирование является результатом невозможности постичь положительные

результаты во выборной борьбе, создавая впечатление, что побеждают на выборах те, которые меньше подготовлены, имеют меньше веры или преследуют только свои интересы. В случае, что нормальным путем положение не может меняться, другим путем является дестабилизирование общества.

С другой стороны, есть примеры в истории, когда маленькие группирования воспользовались провалом прежних режимов, чтобы взять власть при помощи иллюзорной поддержки народа, как на Кубе, например. Подобные примеры тоже подбуждают к формированию радикальных движений, с целью дестабилизации общества.

Любопытно что народное движение во главе с Фиделем Кастро хотело крах диктатуры Фульхенсио Батиста и устанавливание демократии. То, что получилось, было самая долговечная, самая насильственная и самая неэффективная тирания 20-ого века, которая существует и сегодня, без признаков какого-нибудь демократизирования общества.

Подобные события в прошлом увеличивают иллюзии разочарованных в настоящем, а они всегда находят наемники, готовы им сотрудничать. „Блестящая тропай в Перу типичный пример об этом и все еще не переехал в историю.

Репрессии против таких радикальных движений тоже не всегда были успешными. В Перу было необходимо установить диктатуру, чтобы ограничить силу „Блестящей тропы“. Это само по себе грустно, потому что правительство Фухимори доказало непостоянство перуанской демократии.

Беспорядки, вызванные радикальными политическими движениями заставляют очень часто государства гарантировать порядок за счет свободы — дилемма, которая еще с Гегеля до сих пор не теряет свою актуальность.

Сама демократия может скрывать под своими крыльями радикальные группы, которые делают вид, что заинтересованы демократичной борьбой о постах во власти, но в каждом моменте проявляют свою радикальную природу. Это группы, которые надеются в своих платформах только на протестные действия и непрерывно питаются ненавистью.

Все больше убеждаюсь, что чем больше сегодняшнее государство проваливается в своих усилиях стабилизировать социальные отношения, столько больше увеличивается сила радикальных движений, которые я вижу в будущем как мощные дестабилизирующие факторы одного общества, которое лишь сейчас начинает (а не во времени, когда Друкер написал книгу „Эра Неформальных“) раздвигаться.

4

УТРАТА ЦЕННОСТЕЙ

4.1. НЕВЕРИЕ ЭЛИТОВ В ЦЕННОСТИ (БОГ, РОДИНА, СЕМЬЯ)

В конце века, человечество потеряло понятие о высших ценностях, которые всегда поддерживали прежние общества и гарантировали меньшие средствами большие стабильности. Люди забыли что это Бог, Родина и Семья.

Новые открытия и возможности познания, огромная и легкодоступная информация и свобода нравов, с одной стороны, и эгоцентризм и желания себеутверждения, с другой, заставили человек в конце 20-ого века забыть о ценностях, которые стоят как барьер перед их личными амбициями.

Октавио Фриас Филье, в одной статье в своей газете под заглавием „Кто боится нео-либерализма?“ твердит, что в моменте, когда человек освободился от оков прошлого и получил доступ до счастья, стал более несчастным, чем в прежнем обществе, когда посвящал себя семье, работу, Богу и Отечеству. То-есть, тот человек с прошлого, который не знал что такое счастье, был счастливым, пока сегодня, когда у него все есть, чтобы быть счастливым, он несчастлив.

Я убежден, что человек прошлого знал, что такое счастье, потому что находил его в ценностях, для которых стоило бороться, а человек настоящего, вполне обращен вполне к миру и замкнутый в себе и в своем эгоизме, не может воспользоваться от добычей века.

Раньше человек был сопричастным с обстоятельствами и реальностями, которых не успевал понять вполне. Имел меньше средств, но больше убеждений. Сегодняшний человек, который имеет доступ до больше вещей и чьей стандарт жизни на много выше, чем прежний, утонул в самом себе и в своей самореализации, потерял понятие об освобождающих масштабах ценностей и заменил их мучительным эгоизмом, который отчуждает его от всех и от всего и который не терпит успеха — потому что несет разочарование.

С другой стороны, неверие в Бога — человечество возвращается к язычеству, — неверие в Отечеству, которое отуждествляется неуважаемыми правителями и отсутствием интереса к семье в поисках легкого сексуального удовольствия, как и за счет семейных обязанностей, все

это ведет современного человека к глубокой пропасти, которую он стремится заполнить прекомерным возбуждением и экстравагантными теориями почти без никакого полезного содержания.

Именно утрата основных ценностей рождает нежеланные плоды как насилие, нестабильность, сексуальная разнузданность, профессиональная нелояльность, коррупция, употребление наркотиков, искание легкого успеха, неуважение прав других и целая цепь из разделяющих, корумпирующих и корродирующих элементов, которые мешают реорганизации общества и стабилизации государства.

Увеличивается число движений все более агрессивных меньшинств как например, эти, которые борются за легализацию внутреутробного убийства и защищают право женщин убивать ребенка в своей утробе — плод безответственных сношений; эти, которые защищают евтаназию с целью сокращения жизни инвалидов, стариков, больных и разочарованных — один „пиратский способ снизить рост увеличения населения на земле; эти, которые борются за массовую стерилизацию, за контроль рождаемости и за право самоубийства, возвращаясь почти в первобытное общество, где имели право жить только физически сильные и способные адаптироваться к трудностям существования.

Кроме этого утрата ценностей поражает в человеке постоянную депрессию при каждом случае неуспеха. У человека нет солидной опоры, которая позволила бы ему отдохнуть и продолжить борьбу снова, а это предрасполагает к фатальным болезням и к смерти.

Утрата ценностей, наконец, устраняет и очень важную для каждого характеристику — солидарность. Человек все менее солидарный. Целые нации живут так глубоко в своем эгоизме (особенно самые развитые), что закрывают свои границы для жителей менее развитых стран. Их теория такая, что крепость принадлежит сильным, а для слабых — их слабость, как твердит Каликл с диалога Платона „Горгий“.

В заключении, утрата ценностей убивает будущего. Человек занимается настоящим и мало заботится об следующих поколениях. „За мной — потом“. Отсутствие ценностей ведет до одного сумасбродного образа жизни сегодня, жизнь несчастная и бесперспективная, а это может быть самое тревожное из всех факторов, с которыми завтрашнее общество должно будет справляться.

4.2. ПОИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ И КОНКУРЕНТНОСТИ

Человек 20/21-ого века должен наконец понять, что пришел конец реальной солидарности, хотя очень теоритизируется по отношению человеческой солидарности. Оставлен своему року, он старается подготавливать себя все лучше к борьбе в жизни. Уже не рассчитывает на структуры, которые обеспечат ему спокойствие. Работное место уже не надежное и как бы не подготавливался, человек 20/21-ого века знает только, что подготавливается чтобы не отстать. В отсутствии какой-либо стабильности, его единственная надежда заключается в нем самом, и поэтому, подставлен под нажимом отовсюду, он ведет борьбу беспрерывно, до самой смерти, за выживание.

Предприятие уже не обеспечивает его, потому что человек является постепенно замещенным машиной. Долголетие, со своей стороны, причина для государства гарантировать если не другое, то по крайней мере достойную пенсию взрослейшим, а конкуренция между предприятиями и отдельными личностями делает условия занятости все более недостойными.

Человеческое существо 20/21-ого века с момента своего рождения подготавливается стать борцом за переживанием. Другими словами, находится в положении гладиатора во время Римской империи: большой палец вниз означает, что общество осудило его на лишения и безработицу, потому что не был способным ему понравиться. Если успел ему понравиться, потому что компетентный — или лицемер, или хитрец — большой палец вверх обеспечивает ему спасение. Если не одержит победу в битве за конкурентноспособность и претерпит поражение, общество показывает ему дорогу к маргинальным слоям.

В психологическом плане, благодаря подобному предизвикательству человек становится более твердым — на много более, чем человек Средневековья, который убивал, истязал и принимал физическое насилие как часть эпохи. Средневековый человек упражнял только физическое, а не психическое насилие. Достаточно сказать, что вера во высшие ценности была более сильной и несколько войны в то время не были политическими или экономическими, а начали по силу убеждения, что они справедливые, как например, крестовые походы или освобождение Испании от господства мавров.

Человек 20/21-ого века ориентировался по своей воле к принижению ценностей. Он стал менее агрессивным физически, но в большой степени использует психическое насилие на других людей. Не убивает, не истязает как даже священники делали в Средневековье при инквизиции, но разрушает доверие людей в их самих, убивает их личности, принижает более неспособных до уровня человеческих тряпок, которые не в состоянии бороться с новыми и более сложными предизвикательствами жизни.

Другими словами, с убийством врага человек устранял проблему, но даже в насилии он проявлял уважение к врагу. Сколько королей, потерпевшие поражения в битвах, были пощажены насильственной смертью и были держаны в плен именно по причине их смелости на бойном поле. Может быть судьба французского короля Люи IX, Святой Люи, является самым ярким примером о том, как уважали смелого врага.

Человек 20/21-ого века не убивает. Он разбивает противника. В конкурентной борьбе и в поисках самореализации, человек 20/21-ого века превращает свой противник или конкурент (когда одержит победу над ним) в „зомбий или „живой труп“, которому общество ничем не должно.

Претерпевший поражение заставлен, в лучшем случае, искать компенсации в рядах недовольствующих групп, которые дестабилизируют общества.

Психическое насилие всегда намного сильнее, тяжелее и разрушительнее, чем физическое, которое вредит телу, но не и душе. Кроме этого, человек 20/21-ого века превращает претерпевшего поражение в раба. Не в такого, которой нам известен из со времени рабства, когда личное достоинство зачитывалось больше. Сколько рабов в эпоху Римской империи были наставниками господствующих элитов! Целые группы, происходившие от побежденных и порабощенных, были в продолжении веков почитанными учителями римской молодежи. Тоже самое наблюдается позднее и у варварских народов.

Современный раб не имеет официального статуса, но в более высокой степени является рабом в сравнении с прошлым. Он служащий, который стоит меньше, чем хорошая машину и поэтому его уважают меньше, чем хорошую машину. С другой стороны, победитель высшее существо. В публичных конкурсах, в академических дейностях и в культуре победитель всегда хозяин, а побежденный —

слуга, который с приниженным самочувствием „подает руку за свои права и свое достоинство“.

Потому что человек 20/21-ого века часто уже не притержает ценности, которые могут поддерживать его и вдохнуть ему новые силы, когда он терпит поражение в борьбе за жизнь, он не успевает нигде найти утешу и надежду, чтобы начать сначала. Рассчитывая только на самого себя, а не на какие-то идеалы в этой борьбе, он может стать только рабом, который становится все ненужнее, потому что машина постепенно замещает его, и вместе с этим изымает его человеческий облик.

4.3. УСТРАНЕНИЕ НЕКОМПЕТЕНТНЫХ

В социальном государстве устранение некомпетентных не воспринимается как драматическое событие. Государство обеспечивает их во время безработицы и гарантирует им относительно спокойную жизнь пенсионерам. В социалистических государствах, где боятся компетентных, потому что они энергичнее всех критикуют режим, подобное устранение даже является желанным. Компетентные и некомпетентные третируются одинаково со стороны государства. Компетентные были хорошо использованы в точных науках, а часто были и преследованными, если общественные науки являлись их специальностью. Некомпетентных устраивали на какую-нибудь работу, только чтобы не мешали, на минимальную зарплату и при минимальной безопасности, что государство не позволит им умереть от голода.

"1984" Оруэля описывает хорошо социалистическую страну в ее полном расцвете. Там Великий брат снабжает общество всем, даже мышлением. Общество неспособно размышлять самостоятельно или желать вещей, характерных для буржуазии, как, например, одну комнату, где двое влюбленные могут любить друг друга — они даже не могут и пожениться, потому что каждое рождение контролируется из соображения национальной безопасности.

В социалистическом государстве борьба за власть находит легкое решение: тот, кто выигрывает — получает власть, кто теряет, становится убитым или садится в тюрьму.

В Советском Союзе Сталин наследил Ленина, который убил Троцкого. Сам Сталин был наследен Берией и

Маленковым, которые были драматично устранены Хрущевым, чьи последователи были преследованными Брежневым. Последователи Брежнева, со своей стороны, были преследованными следующими нанимателями Кремля до Горбачева, который не был ликвидирован или предан забвению только потому что пала Берлинская стена.

На Кубе и в Китае тоже наблюдается, что тот, кто противопоставляется режиму, не достигает долголетия, или проводит долгие годы в тюрьме. Так что этим, которые борются за власть, не остается ничего другого, как победить, потому что поражение всегда фатально.

Так или иначе, инерция устраненных видна попроще при социалистических режимах, но неспособность устраненных „компетентных“ на много сильнее, потому что установленный стереотип не предлагает ничего другого, чем отсутствия мысли, потому что государство думает вместо их; ничего другого, чем отсутствия протеста, потому что это ведет к тюрьме, и проявления стремления к власти, потому что там нет места для свободомыслящих.

Именно поэтому экономика социалистических стран претерпела полный крах. Конкуренция не существует, а прогресс единственно в военной науке, где усилия направлены к усовершенствованию наступательного вооружения и репрессивного аппарата.

Вспоминаю об одной лекции, которую провел в Боне, в Германии, в 1991 г. и об ужине, который был дан участникам в мероприятии. Рядом со мной на столе сидел профессор из Восточной Германии, который начал мне рассказывать о падении Берлинской стены, а его глаза были полными слез. Он говорил, что никогда не думал, что будет свидетелем крушения советской империи, а еще меньше, что увидит свободным германский народ, а особенно людей за 40 лет, почувствуют себя вполне дезориентированными. Во время, когда государство перестало думать о них, люди поняли, что неподготовлены жить в условиях конкуренции западного мира. Моя жена осталась сильно впечатленной этим рассказом.

Социальное государство фалировало, а ее заместитель еще не открыт. Все реже государство успевает гарантировать нарастающее число устраненных с активной деятельности людей. Все больше государство сокращает данные в прошлом гарантии, чтобы спасти себя как институцию. Число неактивных, которые живут на иждиве-

нии активного населения с помощью государства нарастает каждый год. Это вносит непрерывные смущения в регулировании государственного бюджета, а результаты этим вредят и национальной валюте, и экономическому развитию, потому что увеличивается инфляция.

Попытки во всем мире ограничить права неактивного населения, живущего на иждивении государства, вызывает протесты этого населения. Не надо забывать забастовку в конце 1994 года во Франции, в центре которой были ограниченные права пенсионеров, которые правительство хотело узаконить.

Неактивные сейчас более уязвимы даже в самых развитых странах, а завтра будут еще более уязвимым, чем сегодня. Особенно если государство продолжит оставаться обыкновенным учреждением, служащим своим собственным служащим, занимающиеся властью — учреждение, которое заботится преимущественно о тех, которые после выборов или конкурсов домогаются до власти, а вспоминает о народе только если останутся какие-то деньги и время.

В несоциалистическом мире, который нарастает и делает очевидным провал социалистической модели — ретроградная, лишенная конкуренции и творческим зарядом модель — техника, меняющая человека, и конкуренция, устраняющая некомпетентные факторы, которые рисуют мрачную картину будущего.

Тезис тех, кто отвергает необходимость ревизировать страховое государство (потому что „неактивный“, так или иначе, „рынок“, а сокращение рынка губительно для глобальной экономики) не содержит в себе возможность, что увеличение рынка в демографском смысле может превосходить пенсионерскую волну. Это значит, что эффект „споразумения“ может охватить пенсионеров только в случаях, когда получится полное равновесие между рынком и производством.

Эта гипотеза оправдала бы подерживание числа неактивных на уровне начала этого десятилетия, если полная занятость и полный рынок были бы реальными, какими они никогда не были.

Правда та, что увеличение числа неактивных граждан — тех, которые потеряли битву с конкурентноспособными партнерами и почти потеряли возможность за поддержку со стороны государства — превращается в особенно опасный для стабильности институций фактор. Проблема

становится более сложной и проявляется все активнее в целом мире. Государство должно сохранить свободу, не обеспечивая переживание, либо предпочитает сохранить порядок и спокойствие за цену жизненного минимума? Что лучше: свобода без жизненного минимума или общественный порядок без свободы, но при жизненном минимуме?

4.4. ПРОБЛЕМЫ ПСИХИКИ

Президизвикательство 20-ого века в его конце больше того, чем человек способен вынести. Большая часть населения на земле, имеющая огромные познания, не обладает необходимой биологической и психической настройкой, чтобы противостоять нажиму конкурентной борьбе, где и знания и упорство для достижения победы достаточны человеку столько, сколько чтобы не отступить обратно.

Поэтому и кабинеты психоаналитиков и психиатров всегда полны. Успех в жизни становится главным. Поражение окончательно для человека, который не верит ни в ценности, ни в Боге. Успевший в жизни, сколько бы ни был наглым, лучше принятый в обществе, чем этичный бедняк, который не принимается решения за счет своей морали. Общество принимает только победителей и редко интересуется каким способом они победили. Только в исключительных случаях бессовестный победитель (не спрашивая об его „технике победы“) оказывается подвергнутым наказанию, и по том самом способе, как он был принят как победитель, общество бросит его на произвол судьбы, помагаая ему совсем утонуть.

Так как акулы съедают других рыб, так и современное общество выедаает слабых и оставляет сильных утонуть, когда не были способны прикрыть свои аморальные действия.

Большая часть человечества не имеет психологической настройки вынести дилемму. Старые, из-за утомления, потеряли жизненность и темп и не могут идти вместе с эрой информатики и огромных инвестиций. Мало те, у которых 50 лет и больше, работающие современными системами и их число будет снижаться еще больше, если технология не прогрессирует так, что было бы возможно командовать их голосом, избегая всех многочисленных кодов для вхождения в разных программах.

Депрессия стала постоянной болезнью общества и редко встречается семья, где нет лишь одного бы дотронутого

этим злом. В некоторых странах страх поражения ведет до самоубийства. Это случается чаще в странах как Япония, где неуспех в школе закрывает двери молодого человека к рынку труда. Семья считает самым большим бесчестьем низкие оценки своих детей в школе и для огорченных юношей очень часто нет другого выхода кроме самоубийство.

Согласно данным американских институций, сегодня 30% среди активного населения страдает каким-либо психическим заболеванием. Это ужасающий процент, имея в виду, что в начале века едва 2% проявляли подобные симптомы. Тогда очевидно предизвикательства жизни не наносили вреду биологическим и психическим структурам человека — эти предизвикательства были все еще совместимы с человеческим потенциалом, а скорость технологичной эволюции была более выносимой. Кроме этого, большая часть человечества имела свои ценности, которым верила искренно (Бог, Родина, Семья).

Сегодня их нет. Борьба за переживание жестокая и неравная. Нет параметров для открытия новых пространств, которые могут компенсировать скорость замещения человека машинами и сокращение рабочих мест. Нету куда поместить новых людей, чье число нарастает с каждым днем, которые идут на рынок труда без горизонта и без перспектив.

При таком положении, проблемы психики становятся все более серьезными.

То, что надо заметить прежде всего, то, что кабинеты психоаналитиков и психиатров на много более посещаемыми, чем церкви, где священники советуют людей и могут их направить к переоткрытию ценностей в моменте кризиса, или к предстоящему поражению, в обстановке растущих предизвикательств.

Со своей стороны, психоаналитики и психиатры помогают в основном для диагноза проблем, а не для их решения.

Благодаря докторам-терапевтам, депрессия овладена, но достолько, досколько избежать попадение человека в коллапс. Но нерешена проблема о растящей зависимости пациентов от лекарств, которые становятся все более агрессивными.

С другой стороны, психоаналитики, которые все еще не понимают хорошо человеческую психику и не всегда имеют ценности, в которых верить, успевают освободить людей от некоторых угрызений совести и так

открывается новое, более широкое поле безответственной свободы, за счет сознательной.

Шутка, использованная часто в прошлом, что актуальные проблемы организованного мира причиняются, на макроэкономическом уровне, экономистами, а на микроэкономическом, психоаналитиками — одни мешают человеческому коллективу, а другие — человеческой личности, сегодня уже звучит серьезно и иногда становится болезненной действительностью.

Правда та, что предизвикательство 20/21-ого века превышает биологическую и психическую способность человека противостоять ему. Поэтому проблемы психики нынешнего человечества увеличиваются вместе с пониманием этого факта.

4.5. ДОЛГОЛЕТИЕ КОМПЕТЕНТНЫХ СТАРИКОВ

Другой аспект, который заслуживает внимание со стороны ученых связан с долголетием способных взрослых людей. Не идет речь о долголетию людей вне рынка труда, потому что они уже не имеют необходимые силы и конкурентноспособность, о котором я уже говорил. Проблема об эрудированном стариком человеке иная. Третья возраст сегодня располагает опытом, знаниями и многими физическими силами. Это не случалось никогда раньше в человеческой истории.

Поэтому такие люди чувствуют себя незаслуженно отвергнутыми. Они чувствуют себя все еще способными работать и, в самых развитых странах, стараются проследить сколько им возможно эволюцию времени.

Получается так, что их опыт и знания превышают этих молодых людей, но у них меньше сил и возможностей о адаптации к новым предизвикательствам. Общество имеет большие предрассудки по отношению их пользы в мире. Взрослый человек — личность бесспорно полезная, но без возможностей работать из-за отсутствия пространства, с одной стороны, и из-за жестокой конкуренции, с другой.

Эта перспектива автоматически ведет до того, что постарелый человек становится социальной проблемой. Проблема настоящего, а не прошлого, когда был в общих чертах неполноценным, что не можем сказать, опять в общих чертах, о сегодняшних взрослых, обладающих высокую компетентность.

В Бразилии, закон для шестидесятилетних, который давал свободу рабам, достигнувшим до этой возрасти, имел за цель освободить работодателя от заботы о питании уже ненужного в работе раба, а не наградить его, когда исполнил эту почетную возраст.

Другими словами, Взрослый в прошлом был бесполезной личностью. Сейчас он человек с дифференцированной полезностью и очень часто, оказывается, более полезным, чем молодой в некоторых конкретных сферах деятельности.

Потому что структурная безработица касается в большой степени молодых, которые входят в рынок труда, в еще более сильной степени касается взрослых людей. Они не находят места на этом рынке из-за непонимания со стороны общества и предрассудка, что не подготовлены о „сегодняшних временах“.

Эти люди были подкрепленными Социальным государством, но нарастание их потенциальных возможностей, их возраста, их знаний и сил довели все страны до одного состояния перед фалитом пенсионных страхований и возмещений для незанятых. Практически, все более низкий процент среди активного населения должно выдерживать все более высокий процент незанятых.

Не надо забывать и факт, что в прошлом семьи были более содирадными, более едиными и любящими по отношению своих стариков. Сегодня уже не так. Семья разбилась, чувство солидарности не существует. Очень часто ищется выход в отправление старых в соответствующем доме, считая, что этим способом можно укрыть от общественного взгляда проблемы пожилых людей. Государство все еще не в состоянии построить столько домов, сколько смогут вместить в себе всех нуждающихся стариков.

К этому нужно добавить уже упомянутую психическую проблему, которая в большой степени касается именно старых людей, потому что они принуждены выносить условия жизни в одном обществе, не желающее принять их.

Сам опыт прибегания к эвтаназии как „человеческий способ спасения от боли, одна возможность элиминировать старых с проблемами (включая психическими), вводя „одобренное и индуцированной человекоубийство, использованное для спасения от страданий считаемых нелечимыми, независимо от факта, что наука прогрессирует беспрерывно и даже самые нелечимые в прошлом болезни как рак сейчас на много менее опустошительными, чем раньше.

Современное общество устраняет пожилых людей и присоединяет их к маргинальным группам, потому что становится уже менее солидарным и надеется на более незначительные ценности. Общество перебрасывает государству заботу об этих людей, потому что считает их препятствием. Если не существовала безработица, многие из них, которые чувствуются все еще работоспособными, не прибегали бы к помощи государства, ни своих родственников.

Долголетие стариков — все еще в большой степени работоспособные, стеснение возможностей для них, пути их устранения от активной деятельности в одном жестком обществе, стремящиеся к переживанию в государствах, которые не могут гарантировать то, что законы гарантируют им — все это обстоятельства, усложняющие нахождение решений некоторых проблем о переживании человечества накануне 21-ого века. Что относится к пожилым людям, необходимо выдумать другим способом, иначе, чем до сих пор, потому что классическая терапия оказалась устарелой, а новая еще не придуманная.

4.6. ФАЛИТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Как уже в несколько раз попробовал сказать, Социальное государство фалировало. Структура власти, которая характеризует его, не позволяет ему больше отвечать на нужды общества, потому что очевидно оно было создано для обслуживания прежде всего тех, которые держат власть в своих руках.

Рудольф Йеринг оправдывал предпочитания к бюрократии ("Цели Права") этим, что, по его мнению, бюрократ посвящает свою жизнь служению народа и должен быть убежденным, что государство будет заботиться о нем, так как он заботился о народе во время активной службы. В действительности, в предпосылке отсутствуют две правды, которые делают негодной формулу для классического служащего, идеализированного Йерингом.

Во первых, бюрократ не обращается к государству, во-вторых, идеалом служить народу даже в ущерб своих собственных интересов. Он всушности ищет гарантии, которые государство может ему дать, обеспечивая ему средство пропитания. Выбирает путь публичных конкурсов и карьеры в основном, чтобы получить гарантии,

которые в частном секторе экономики не имел бы никогда, а не чтобы служить кому-то. Служба во имя общества является следствием, а не целью и это следствие получается только если есть времени о подобной службе. Поэтому „бюрократичный корпоративизм — одно из больших препятствий к сокращению государственного аппарата до идеальной модели, при котором он будет обслуживать в самом деле и перестанет быть прежде всего защитником „блага корпорации“.

Типичный пример об этом „корпоративном духе“ доведен до крайности в параграфе 38 от ДАКТ Бразильской конституции, которых „гарантирует возвращение к обществу хотя бы 35% от налогов, которые оно оплачивает под формой общественных услуг, запрещая этим способом отделять больше 65% от налоговых доходов для оплачивания труда официально занятой рабочей силы. Этот процент никогда не был точно соблюденным со стороны различных федеральных служб в стране. В конкретном случае, когда правительство Санта Катарины превысило эти 65%, Верховный федеральный суд решил, что невозможно будет редуцировать зарплаты, которые правители этого штата определили самим себе и поэтому зарплаты были узаконенными, несмотря на превышение лимитов.

Первоначальная предпосылка, следовательно, неверная. Другими словами, бюрократ не хочет служить преимущественно обществу, а наоборот — его цель воспользоваться властью.

Вторая предпосылка та, что бюрократ похож на политика в том, что у него есть власть, а тот, кто имеет власть, не желает потерять ее. Поэтому, когда дает и получает поддержку политика, бюрократ создает условия для сохранения своего поста. Если политик потеряет власть, бюрократ, благодаря стабильности, которую сам создал себе при помощи политиков, остается на своем посту.

Эта причина, по которой поднимающаяся бюрократия нарастает пропорционально, быстрее чем реально нужно каждой стране. Не существует страна, достаточно большой для претензий бюрократа и для его ненасытной жажды пользоваться общественными благами. Общество должно непрерывно помогать растущей государственной машине, оплачивая все более высокие налоги. Это следствие принципа о необратимом нарастании общественных расходов, сформулированный Адольфом Вагнером.

Потому что политики и бюрократы предлагают сами себе условия страхования и сами себе гарантируют жизнь в пенсионном возрасте, в более высокой степени чем остальное общество, очевидно, что Социальное государство (которое продолжает власть), в конце концов, будет фалировать. Это так, потому что это государство гарантирует на границу своих сил и возможностей единственно своих правителей и поэтому не может гарантировать свое общество, которому должно было бы служить. Общество, со своей стороны, не притекает безграничные ресурсы под формой налогов, которые могли бы обслужить такую государственную машину.

Другими словами, Социальное государство оказалось более тяжелое бремя для тех, которых общество могло бы выдерживать, чтобы государство вернуло под формой общественных услуг то, что взяло под формой налогов.

В этом положении, обыкновенный человек вне власти, который не находит работы, не чувствует социальную безопасность ни на пенсии, ни по безработице, но все еще работоспособен и информирован о том, что происходит вокруг него, в его стране и в мире, чувствует себя обманутым, протестирует и не всегда видит в демократии естественный путь к решению его проблемы. Имея в виду очевидные утраты, которые борьба за демократию ведет за собою, обыкновенный человек протестирует всегда против политиков, которые только могут обещать в своих кампаниях, а потом, когда приходят к власти ничего не выполняют и против бюрократов, которые больше усложняют, чем облегчают жизнь общества.

Естественно, легче управляется силой, в режимах без оппозиции, чем в демократии, но озорченный народ не понимает, что без демократии общество не имеет никаких средств осуществления для контроль на политиков.

Социальное государство фалировало и масштабы этого фалита во всем мире чувствуются все сильнее. В будущем будет становиться хуже, если не подумается о каком-либо новом модели государственной машины и о какой-нибудь новой роли политиков. Это предполагает формирование политиков и бюрократов нового типа, каких сегодня нет. А потому что государство, как говорит Гельмут Кун ("Государство") является „структурной властью и ничего другого“, трудно может приобрести более различным обликом в будущем, так, как и в прошлом, оно его не имело.

5

**ОБРАЗОВАНИЕ
X
ВОЗМОЖНОСТИ**

5.1. БОЛЬШИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Мир в конце 20-го века более воспитан и эрудирован. С времен варварской бесграмотности Средневековья, когда даже короля были подготовленными только для боевого поля, но не и для поля культуры, до 2000 года человек значительно эволюировал.

На поле образования, школа появилась во всех странах в мире. Речь идет не только об университетах — элитное образование, возникшее в Европе еще в начале первого тысячелетия — а о школах, где учатся и дети крестьян, и буржуа, и рабочих, и всех остальных общественных слоев.

Если сравнится со Средневековьем, когда образование было ограничено только в узком круге избранников, когда Церковь имела руководную роль, потому что была единственной институцией для регулярного обучения и первой, которая подняла образование на университетский уровень, сегодняшнее образование развилось неимоверно. Сегодня даже в малоразвитых странах существует элементарное обучение, которое дает людям необходимые знания, чтобы найти свое место в мир. Бесграмотность постепенно преодолевается. Даже люди, которые все еще бесграмотные, благодаря доступу до средства массовой коммуникации, имеют знания, которые не могли бы иметь в прошлом веке.

Мир сегодня далеко от идеала, желанного политикам в их кампании и международных организаций, но все таки имеет лучший образовательный уровень, по сравнению с первой половиной нашего века.

Образование, однако, ведет за собой проблему о растущем разочаровании того, который образовывался, но имеет где использовать свои знания; того, который не получил достаточного образования и знает, что не может конкурировать с теми, которые закончили элитные школы; того, у кого есть доступ до знания, но понимает, что недостаточно быть способным к реализации на рынке труда.

Возможности в прошлом, когда более сильное чувство семейной солидарности и более низкое образование народа были очевидными, вероятно не были бы так большими. Существовал более ясный конформизм у необразованных людей без амбиций принять свою бесперспективную судьбу. Конформизм этих людей и их семейная общественная солидарность формировали их мир.

Сегодняшнее образование открыло новые горизонты для обыкновенного человека, которые он не имел в прошлом веке. То, которое не дало ему новые возможности. Наоборот, отнял ему поддержку семейной и общественной солидарности общественной с утратой ценностями, но не предложил ему солидарность государства или власти, ни показал ему дороги новых горизонтов, открытые образованием.

С другой стороны, образование освободило дух конкуренции, стимулировало поиски свободных пространств, куда дышит с достоинством, даже и когда до тех пространства достигается за счет уроненного достоинства. Образование превращается в характерной особенностью человека 20-го века, но в рамках обеспечения знаний и информации, а не переживания.

Все больше человек идет на рынок труда вполне осознавший, что то, которое получил как образование, не гарантирует его успех в профессиональной жизни, а прежде у него чувство постоянного разочарования, ненадежности и пессимизма.

Другими словами, факт, что есть больше доступа до образования, не дает сегодняшнему человеку ни больше возможностей, ни больше счастья. Не правда, что более образованный и более амбициозный человек 20-ого века более счастлив и реализуется лучше, чем более необразованный и более примиренный этим человек 19-ого века.

5.2. БОЛЬШИЕ КУЛЬТУРЫ

Мигель Реале занимается в своих произведениях разными смыслами слова „культура“ и достигает до того, что отождествляет ее с „цивилизацией“. В своей последней книге „Парадигмы современной культуры“ он рассматривает мировую философию в мире культуры и говорит об „аксиологическом историцизме“ или „трансцендентном экспериментализме“. Следовательно, высшее измерение человека связано с восприятием культуры, чтобы воплотить ее в жизнь.

Другими словами, культура, которая предполагает образования, не лишенная эволюцией, представляет последний этап познания, потому что восприятие культуры предполагает формирование определенного поведения у ее

потребителя по отношению всех явлений человеческого существования.

Эрудированный человек может и не быть культурным. Но культурный обязательно должен быть эрудированный, а тот, кто имеет образование, смог бы сделать качественный прыжок, выскиванный культурой только когда сумеет интегрировать все свои знания гармоничным способом.

Человек 20-ого века, целиком, более культурный, чем человек 19-ого века, и легче культивируется. Все больше издательства и фирмы, которые занимаются информатикой, направляют свои силы к облегчению этого культивирования. Они снижают содержания трактатов до уровня учебников и делают более легким доступ до культуры для менее интеллигентных, но достаточно старательных.

Совкупное мировоззрение, которое культура предлагает сегодня, более доступно для все больше людей. На самом деле каждый образованный человек может подняться легко до качественного ступенька культуры.

В университетах и других конкурсов экзаменационные комиссии обращают все меньше внимание на количество информации, которое кандидаты показывают (потому что это уже не предполагает мучительные и долгие проучивания, как в прошлом), а оценивают, в основном, оригинальность точки зрения и личный взгляд кандидата к соответствующей теме.

Каждый ребенок сегодня может проникнуть, при помощи Интернет, в библиотеку каждого университета и ему не нужно даже ходить в нее. Информация так быстро меняется, что иногда нагромождение академических знаний теряет свой смысл, потому что кандидат должен объездить все информационные бланки, пока оценка не в состоянии показать точный уровень полученной информации, особенно когда она превышает требований. Другими словами, культура перестала быть для организованного человека 20-ого века таким уровнем познаний, которые доступны только для самых способных. Сегодня она является одно легкодоступное ступенько, на котором порядок и высшая методика могут преобладать над интеллектом, сколько бы ни был он блестящим, если дезорганизован.

С другой стороны, человек 20/21-ого века не находит возможности реализовать свое высшее призвание и становится неудачником и бунтарем. Если упражняет

свою профессию в какой-нибудь школе или университете, тогда он передает свое разочарование молодежи, которой преподает и очень часто результатом становится этого одно деформированное образование. Если работает в газете, его разочарование видно в том, что пишет и очень часто ищет оправдания для своего собственного поражения, давая более широкий отзвук поражению успевающих.

Получается так, что самые культурные люди, не всегда самые успевающие материально, не всегда имеют власть формировать в большой степени мнения, чем преуспевающие материально. Один Таллэс от Миллета, который показал как при помощи знания можно получать деньги, хотя это не было его основной целью, либо один Сократ, который не обращал внимание на материальные блага, в сущности являются исключениями из правила. Бунт культурного и неудовлетворенного материально человека растет столько больше, сколько он видит вокруг себя посредственных людей триумфировать и улыбаться из обложек журналов, специализированных возвеличивать материальное благосостояние людей. Они улыбаются и показывают свое богатство даже и когда не постигли этот успех в жизни по всем законам этики.

Чаще культурный тот, который формирует общественное мнение, но переживает трудно и это заставляет его заводить преуспевающему, но не так культурному человеку. И его бунт всегда создает впечатление, что направлен против сильного в защиту слабого, оскорбленного, когда в сущность его критика и его радость от крушения сильных становится только внешнее выражение его реальной зависти. Культурный не сознает всегда, что культура не дает ему предпринимательства и что очень часто его материальная неудача причиняется не из-за отсутствия возможности, а из-за его неспособности воспользоваться ими.

Все таки в большинстве из случаев каста преуспевающих не включает в себе культурные, которые становятся все более многочисленными. В касте неуспевающих очень часто не принимаются бескультурные оппортунисты, а это делает упомянутый уже бунт еще более ожесточенным и разрушительным по отношению господствовавшего общественного мнения.

Другими словами, неуспевающий культурный человек, даже и когда говорит, что защитник себеподобных, неудачников, он человек, формирующий общественное мнение.

ние, но поэтому, что ненавидит тех, которые были лучше него, он создает серьезные проблемы обществу и его стабильностью этим, что у него есть доступ до средств информации и образования.

Культурный почти всегда против всех и, в основном, против управляющих и богатых. Во имя этого протеста он защищает всякие тезисы против них, даже когда эти тезисы несостоятельные и вредят обществу. И огромная разрушительная сила этого человека непрестанно растет.

5.3. БОЛЬШИЕ ИНФОРМАЦИИ

В 20/21-ом веке общество полно информацией любого рода. Каналь телевидения, связаны со всем миром, передают днем и ночью только новости на разных языках. В самых удаленных краях планеты уже новость распространяется без проблем и информация в ней воспринимается как самым обычным и беспретенциозным людям, так и самым опытным ученам от любой области.

20/21 век, век информации. Все ее получают, когда им захочется, способом, который им нужен, и уже невозможно скрыть то, что происходит в остальном мире. Если не по телевидению, то по радио или при помощи газет, новость завоюет весь мир.

Новость, а не внутренние ошибки, сняла Советский союз и большую часть остальных диктаторских режимов. Эти, которые существуют еще (Китай, Куба, Ирак) знают, что их дни пересчитаны и стараются обеспечить менее болезненный переход после смерти фетишизированных лидеров (Куба, Ирак). Совсем возможно, что эти режимы тоже упадут и до смерти упомянутых лидеров или благодаря преждевременному схождению со сцены или какой-либо внутренней революции.

Китай переживает самый драматичный момент, имея в виду его многочисленное население, геронтократия, которая на власть и репрессивный характер военного режима, который соперничает нацистскому. Но и там даже замечаются яркие признаки упадка режима. Власть уже не является так неуязвимой и неконтролируемой, хотя население все еще покорное. То же самое наблюдается и в Северной Корее, где инерция народа абсолютно шокирующая по сравнению с тем, что происходит в Южной Корее.

Новость сегодня снимает правительства и режимы, знаменитых личностей и героев. Она истинный Суд Истории, но особый суд, где противоречие не существует и журналист, подкреплен своим издателем и редакционными шефами, может судить и обижать кого хочет, не прибегая до соответствующего судебного процесса.

Как в пьесе Гильерме Фигейреды, когда Эзон подносит Ксантину „язык“ как самое хорошее и самое худшее кушанье, новость самый добрый и самый худший Суд Истории, иногда раздавая справедливость, иногда допуская непоправимые ошибки.

Сегодня пресса имеет самую большую власть в мире. Уже невозможно упражнять нажим на местную прессу, потому что мировая будет раскрывать факты, как недавно случилось с катастрофой, вызванную китайским спутником, который отклонился от орбиты и уничтожил целый город.

Новость формирует и деформирует, пробуждает надежды и разочарования, оправданные страсти и неоправданные ненависти, потому что народы являются легкой почвой для манипуляции со стороны прессы.

Пресса, которая не позволяет фактам оставаться скрытыми долгое время и показывает все, что правительства и общества считают недостойным, в состоянии пренебречь хороших обычаев и очень часто отсутствие ценностей входит на поле семьи и морали большой части общества. Ее возможности влиять фантастические. Измена, гомосексуализм, анти-религиозный дух, ненависть к успеху, зависть к чужим достижениям, мстительность, отсутствие любви к ближнему и т.д., все это кадры, распространяемые аудио-визуальными и печатными средствами информации, которые истезают зрителя, слушателя, читателя. Получатель этой информации очень часто образован, но не имеет достаточно культуры, которая ему позволить понять ее с чувством справедливости, поэтому он считает чистой правдой то, что пишут газеты, хотя и недоказано. Журналистическое „клеймо“ стоит больше „правды“ и массы веруют больше „клейму“, чем „правде“, потому что не знают как ее открыть.

Становится так, что новость достигает до народа, который занимает позицию, известную ему, а не этого, которую должен занять во имя правды.

Поэтому, отчаянный и лишенный ценностями народ, который очень часто не понимает это, потому что образование осуществляется, не требуя „оценку ценностей“, легкая добыча для манипуляции со стороны информации. Сравнивая это, которое имеет, с тем, которое хотел бы иметь, но не может, потому что заботится больше о своем желании иметь, а не быть — что-то очень характерное о современном обществе — этот народ бунтует против всего и недоволен от всего мира.

5.4. МЕНЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Возможности для работы снижаются все больше во всем мире. Они нарастают в арифметической прогрессии, а в геометрической прогрессии нарастает число новых людей, которые входят в рынок труда без надежды найти работу.

На форумах, организованных по этому поводу, было уже сказано, что профиль будущего „служащего“ будет различным и ему будут предоставлены новые возможности. Уже не будет рассчитывать на стабильное рабочее место, а будет вынужден работать на несколько. Будет свободным, т.е. на свободную практику. Будет сидеть и ждать приглашения, как виноградары в Евангелии, которые ждали на стоянке, чтобы кто-то нанял их на работу. Он смог бы искать сам возможности, вместо ждать, если не войдет в противоречии с Кодексом профессиональной этики.

Этим способом все менее предприятия будут делать социальные заказы, а больше из них предпочтут избавиться от переговоров о зарплатах и возмут все больше людей на временную работу, или роботизируют свои фирмы. Перебросят другим неприятные задолжения и ограничат до минимума отношения труд-занятность.

В деревне люди хотят земли, но могут вырастить что-то на ней только если получают субсидию от государства. Даже входят в землю других, чтобы, после спровоцированного конфликта, получить чужие территории и заниматься субсидированным земледелием, т.е. издерживанным государством.

Большая часть от пропитания мира получается в производственных конгломератах и кооперациях. Все чаще

„элементарное сельское хозяйство“ проявляет свою хрупкость, отсутствие конкурентноспособности и нерациональное употребление земли.

Психологический нажим „неимущих“, кроме этого, доказывает, что путь „безработных“, „борцов“ не проходит всегда рациональность. В будущем подготавливается протест „бездомных“, которые вместе с „безработными“ оставлены на произвол судьбы из-за отсутствия возможностей.

Все чаще, отсутствие выбора вызывало неполную занятность и временную занятность рабочей силы с всеми психологическими травмами и ненадежностью, которые происходят из-за этого.

Эволюция машин и техники продолжит ограничивать возможности и лишать надежностью рабочих мест.

Очевидно эта ситуация изменяет облик трудовой занятости. Конкуренция на одно временно свободное место превращается в битву, которая не отличается много этой гладиаторов в римских амфитеатрах, потому что только самые ловкие успеют пережить.

Эта перемена в отношениях между все более высоким образованием, культурой и объемом информации трудящихся, с одной стороны, и все более ограниченным числом стабильных возможностей, с другой, вызывает напряжение, которое большая часть людей не могут вынести. Бесполезно искать альтернативы, потому что они так непостоянны, как и автономный труд.

С другой стороны, высшее образование, культура и информация и более ограниченные возможности, порожденные переменой профиля наличных рабочих мест, провоцирует политическое и социальное напряжение, которое экономика и государство будущего — тоже в процессе адаптирования — вполне неспособны регулировать. Это, со своей стороны, ведет до классического способа государств, имеющих внутренние проблемы, перебросить на внешних врагов вину за свои проблемы. Подобные искусственно созданные конфликты имеют за цель уменьшить народонаселения, как и направить напряжение к людям других наций, вместо к собственным правителям. Этот способ еще не вышел, к сожалению, от употребления в 20-ом веке, как показывают конфликты в Югославии, напряжения между Северной и Южной Кореей, или на Среднем и Ближнем Востоке.

Большие познания и меньшие возможности являются растущей драмой, для которой сейчас не видно никакого решения на горизонте.

5.5. ОТДЫХ ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ

Право оплаченного годового отпуска основное право трудящихся, как и право еженедельных отпусков. Восстановление сил необходимо, чтобы избежать стресс, сниженную производительность, болезни, профессиональные ошибки. Идет речь о „права-обязанности“, которые каждый человек должен соблюдать, чтобы продолжить работать эффективно.

Фирмам этот отдых полезен, потому что восстановленный служащий на много больше продуктивен. Поэтому их обязанность обеспечивать оплаченный годовой отпуск и еженедельный отдых своих служащих, потому что компенсация, которую получают под формой более высокой эффективности, значительна.

В одном классическом промышленном обществе, в эпоху индустриальной революции, такой облик восстановительного отдыха всегда был положительно воспринятым.

Картина сегодня совсем иная. Формальная занятность заменена случайной, временной, частичной занятностью, и поэтому отдых перестал играть свою роль восстановителя работоспособности. Временная и неформальная занятность не знакомые с отдыхом, потому что социальное обеспечение не включает ни неформальную занятность, ни тех, которые трудятся за свой счет.

Временно занятый пользуется „принудительным отдыхом“ всегда, когда у него нет работы. Неформально занятый может позволить себе отдыха только если работодатель ему позволит, потому что иначе с точки зрения права и социальных обязанностей неформальная занятность не существует.

В первом случае речь идет об одном ненадежном, нарушенном и полном с напряжением отдыхе, а во втором не может и говорить о таком, кроме в исключительных случаях, когда не существует никакой восстановительный эффект.

Отдых частично занятого, временно и неформально занятого, это отдых под напряжением, в котором забота о

нахождении работы очень часто является главной и касается всех, которые пользуются отдыхом. В другом случае, подобный отдых нарушается неожиданным появлением какой-нибудь работы.

Отдых под напряжением, с другой стороны, существует почти всегда там, где привилегированные (те, которые имеют свою обеспеченную государственную службу как бюрократы или политики и потому что не рискуют ничем — в многих странах — они работают меньше чем остальных граждан, но имеют большие страхований и специальных пенсий) показывают плоды своей коррупции. Они демонстрируют более высокий стандарт жизни по сравнению с тем, которым их государственная зарплата может им дать. Их расходы неограниченны, не глядя на то, что их зарплаты государственных служащих не бесконечные и это вызывает сомнения откуда они имеют эти средства. Другими словами, когда надо сожительствовать с людьми, незнакомыми с ненадежностью напряжения, отдых людей, которые не имеют постоянной работы, поражает только грусть и меланхолию и провоцирует большие усталости, чем когда работается.

К „формальной занятости“ надо добавить и другого незнакомого до сих пор аспекта. Когда „формальный служащий“ идет в отпуск, обычно другой занимает его место. Если заместитель занимает более низкий ранг в служебной иерархии, он сделает все возможное, чтобы доказать свою компетентность своим начальникам. Поэтому, когда „формальный служащий“ идет в отпуск, он всега рискует найти свое место занято некоторым лучшим него и таким способом остаться без работы. Так, что даже и для него отдых неспокоен и он часто предпочитает получить деньги за отпуск и продолжить работать, чтобы не рисковать местом.

Наконец, не надо забывать, что предприятия, которые работают с неполной мощностью, проявляют тенденцию пускать преждевременно своих служащих в отпуск, а это нередко предвестник коллективных сокращений. По той причине упомянутый отдых тоже полный напряжением и ненадежностью рабочего места.

В заключении, восстановительный отдых, который как предполагается, должен быть отдыхом, все менее восстанавливающий и чаще причиняет больше напряжения.

5.6. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

Другая часть вопроса, которая должна быть рассмотренной в этой главе та, что нарастает мнение среди людей, что они имеют больше прав, чем обязанностей, соответствующие им.

В обществе 19-ого века люди знали какие у них права и обязанности. В 20-ом веке люди думают, что обладают больше прав от тех, которые реально имеют и меньше обязанностей от реальных.

Ясно, что эта перемена в концепции не причиняется только повышенным сознанием об их роли, их образовании, познании, информации и культуре, но и утратой ценностей, сжиманием круга добродетелей, к которым люди стремятся, из-за которого они скрываются все больше в себя.

Открытие прав и утрата ценностей превращают человека в конце 20-ого века в полного эгоиста, для которого самореализация важнее, чем культивирование моральных качеств и для которого цель оправдывает всех средств.

С другой стороны, сам профиль работодателя изменился. В прошлом, собственник предприятия сам нанимал рабочих и оценивал их лояльность и моральную стоимость. Связь служащий-работодатель была более эффективной, более сильной и крепкой.

Сегодня это уже не так. Предприятия руководятся технократами, исполнительскими кадрами, людьми, не имеющих ничего общего с работодателем контролем. Эти люди стремятся реализовать „свою“ карьеру и их лояльность к фирме заканчивается в момент, когда получают более соблазнительное предложение другой фирмы.

Их первая лояльность к самим себе. Предприятие является средством их вырастания и самоутверждения. Холодное отношение, которое следствие этой концепции, заставляет исполнительских кадров смотреть на людей, работающих на предприятии, не как на человеческих существ, а как на шахматные фигуры, которые пожертвованы во имя профессионального успеха шефов. Так как сделал маршал Патон во время Второй мировой войны в желании достичь первым, опередив других английских генералов, до главных вражеских постов в Италии.

Кто не внушает безопасности, не может рассчитывать на лояльность, а кто нелоялен, легко включается в борьбах за

синдикалистские добычи, в протестных акциях о причиненных моральных вредах, в мелких борьбах за выгоды, в больших расхищениях, в дополнительных занятиях для лучшего уплачивания вне предприятия, в передаче фирменной тайны другим поставщикам предприятия, в отклонении информации и во многих других стратегиях целящих высшего уплачивания и лучшей реализации.

Другими словами, современное предприятие не дает достаточно надежности своим служащим и они не отвечают ему необходимой лояльностью.

Это именно порождает гиперизмерения прав и гиппоизмерения обязанностей. Слово „обязанности“ употребляется все меньше, потому что они звучат пренебрежительно. Даже превозносится „этика“ невыполнения обязанностей как проявление современности.

Служащие дают мало от себя, потому что мало получают и напрягаются больше только когда угрожены потерять работу. Но зато они всегда готовы использовать борьбу за больше добычи с помощью синдикатов.

Служащие в государственных предприятиях, со своей стороны, даже не боятся за свою работу и поэтому не чувствуют никакого обязательства к целям предприятия или государства. Поэтому они все больше настаивают за свои права, которые присвоили самим себе и совсем не заботятся о своих обязанностях.

При том положении, все в конце концов забывают какого истинная цель труда. Забывают, что труд должен быть средством поднимания профессионального достоинства, человеческого достоинства и самой трудовой деятельности.

После того, что труд потерял эти свои измерения, мы можем понять почему замещение человека машиной становится не только средством снижения расходов и увеличения эффективности производства, но и преодолением этого околдованного круга, в котором трудящийся нелоялен, потому что работодатель является таким и в котором всегда менее обязанностей, чем прав.

Машина, со своей стороны, эффективная, выполняет точно свои обязанности, и лояльная, потому что не имеет права.

6

**ЭКОНОМИКА
БУДУЩЕГО**

6.1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИЙ

Глобализация экономики необратимая действительность, которая скоро установится на мировой сцене. Ни одна страна, даже и те, которые еще находятся под господством марксистских или националистических диктатур (Китай, Куба, Ирак), не убежит от этой действительности и рано или поздно столкнется с этим процессом интернационализации торговли.

Самая большая проблема глобализации экономики, с экономической точки зрения (мы уже рассматривали социальные результаты этого явления), что зависит от одной стабильной денежной единицы, от ликвидации таможенных барьер, целящую чтобы самый лучший продукт и услуга утвердились над более некачественными и дорогими. При глобализации экономики производитель, который не идет вместе с технологическим процессом и не снижает себестоимостью, исчезает. Техника и компетентность руководителей самые важные составные части, без которых одно предприятие не может задержаться.

Широкая мировая пропаганда на пользу глобализации экономики (совсем различная этой, которую вели самые развитые страны после второго нефтяного кризиса, когда вернулись к протекционизму самого высшего класса — после Токийского круга в 1979 г.) заставила все страны мира, развитые или нет, раскрыть свои границы, что позволило бы преимущественно вхождение товаров и услуг самых развитых индустриальных государств по всем рынкам.

Первоначально, потребители в разных странах обогатились этим явлением, потому что приобрели продуктов и услуг лучшего качества и на более низкие цены.

С другой стороны, конкуренция только между сильными. Только сильные нации облагодетельствовались раскрытием границ, потому что их промышленность более современна и конкурентноспособна: их производство более высококачественно и в более крупных сериях.

Менее развитые страны имеют малейший производственный парк и меньше условий конкурировать. Эти страны теряют все большие конкурентноспособ-

ность при глобализации экономики. Теряют ее и на внешнем, и на внутреннем рынке, что видно в Бразилии, Аргентине и Мехике, самые развитые страны Латинской Америки.

К этому прибавляется и решающая проблема, которая такая: экономики развивающихся стран, после второго нефтяного кризиса вошли в процесс гиперинфляции, от которого могли бы выйти только благодаря очень суровой политики монетарной контроли. При этом соблюдалась очень строго экспансия денег, провоцирующая более сильного требования от желанного. Контроль над требованием вызывает внутреннюю рецессию, которая, со своей стороны, дотрагивает большие местные продукты, чем импортные и создает безработицу и неспособность для инвестиций или внутренних сбережений в этих странах.

Кроме того, контроль над инфляцией предполагает поддержку валютного резерва, который может быть привлеченным внешними инвестициями, предлагая более высокий процент от того на международном рынке. Этим способом избегается возможность, что этот резерв был бы объектом валютных спекуляций, но это стоит дороже нации и частному бизнесу в стране. Предприятия в уже сильных монетарно развивающихся странах оплачивают всегда более высокие проценты, чем эти на международном рынке и так снижается их конкурентоспособность.

Вспомним, кроме этого, действия международных спекулянтов, которые направляются именно к этим странам из-за более высокого процента или формируют искусственно валютный курс — всегда по реальной стоимости национальной денежной единицы.

Другими словами, излишество резервов снижает курс национальной денежной единицы по отношению иностранных денег и делает более трудным импорт развивающихся стран, облегчая импорт со стороны развитых государств, которые облагодетельствуются более дешевыми финансовыми операциями и разницами во валютном курсе.

Очевидно, резервы стран, которые постигли валютную стабилизацию на цену подобных искусственных механизмов (почти всегда их внутренняя инфляция более высока, чем в развитых странах и валютный паритет поддерживается благодаря искусственным факторам) эфемерные и

при самом маленьком симптоме неравновесия могут разгореться так быстро, что будет в состоянии подкопать всю внутреннюю валютную политику, как получилось в Мексике в 1994 году.

Наконец, как скажу и в следующей главе, такие страны являются большими должниками, чем кредиторами как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Их долг, со соответствующими процентами прилаживаемыми ими, нарастает беспрерывно и очень часто глядя в будущем поражает проблемы, которые оказываются трудными для решения. Так уже случилось в два раза в Аргентине и раз в Бразилии, когда нарастание долга было снижено при помощи обязательных займов, которые никогда не были оплаченными, или индексационными манипуляциями для сключения результатов от инфляции.

Правда та, что курс валюты не может быть манипулированным свободно и бесконечно, не оплачивая цену когда-нибудь в будущем.

6.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЧЕТЫ И ГОСУДАРСТВО

Государство обычно плохой администратор ресурсов, плохой руководитель предприятий и плохой распределитель благ. Оно тоже плохой организатор общественных услуг, для которых общество оплачивает под формой налогов — большая часть из этих средств исчезает в руках политиков и бюрократов, т.е. в руках тех, у кого власть.

Поэтому государство набирает всегда больше средств, чем ему нужны, и налагает более тяжелых общественных обязанностей, чтобы обслуживать Общественное страхование в его три лица — Пенсии, Социальное дело и Здравоохранение, согласно понимания бразильского законодателя.

Эти обязанности, следовательно, лежат на плечах трудящихся, на продуктах и услугах произведенные ими, но они не возвращаются обществу в том самом размере. Чаще суммы, предназначены на Общественном страховании, отклоняются к другим бюджетным потребностям, считаемы правительством более спешными.

Этим способом, главно что относится к Пенсионному делу, обязанности правительства растут каждый год (даже и за то, что растет средняя возраст населения и по-

ток эмигрантов), а приток средств уменьшается, потому что они отклоняются неправомерно для других секторов бюджета, либо из-за коррупции, либо из-за плохого управления средств, определенные удовлетворять в долгосрочном плане нужды обеспеченных, либо из-за плохого планирования расходования этих средств. Другими словами, драма Общественного страхования в мировой масштаб в нарастании обязанностей вместе со снижением средств необходимы для их покрытия.

Решение могла быть приватизация Пенсионного дела, благодаря которой в многих странах проблема частично облегчается, но не решается вполне из-за огромного вакуума, которого частная инициатива не успевает заполнить.

С другой стороны, роботизация экономики тоже поражает уменьшение рабочих мест, а вместе с ними уменьшаются и соответствующие уплаты для общественных страхований. Этот факт, со своей стороны, вызывает необходимость взять средства от других дейностей предприятий и нормальные налоговые отчисления повышаются при помощи специального налога на доход, сооружения и оборот товаров и услуг.

Эффект этого увеличивая уплаты на производство товаров и услуг отражается на ценах, которые при глобализированной экономики определяет сам рынок. Поэтому экономисты, привыкшие теоретизировать действительность, которую никогда не выживали (и поэтому их теории всегда неуспешны), уже понимают, что глобализация экономики определяет естественные границы налоговых отчислений и что правительства, которые не понимают эту сигнализацию, помогают обесцениванию своего производственного парка как единственный путь переживания.

Глобализация экономики стимулирует по необходимости стремление к более низким ценам и более высокому качеству, но это не всегда возможно, когда во формировании цен участвует и повышенное налоговое бремя.

Надо сказать еще и то, что собранные в излишестве средства ограничивают производительную силу предприятий, когда нанимают рабочую силу. При таком более эффективном движении благ, возможное в частном секторе, замещено более неэффективным движением, для которого виновато правительство. Оно в данном случае играет роль „телеги“ для развития, а не роль „рычага“, как должно быть.

Всущности, как будет видно далее, государство никогда не является рычагом, даже когда поставляет себе это в целю. Это так, потому что, в отличие от частной экономики, где рентабельность единственная восхваляемая добродетель, в общественной экономике личные интересы управляющих всегда преобладают и граждане те, которые при помощи налогов, компенсируют все ошибки администрации и все плохо сформулированные цели. Рентабельность это последнее, которое волнует общественную администрацию.

В той ситуации, надо понять, что увеличение отчислений и в основном эти работной зарплаты (из-за того, что они плохо калькулированы и плохо использованы) снижают конкурентноспособность и заставляют предприятия использовать неформальную рабочую силу, а это ведет только до поддержки одной экономики и ее единственная цель избежать исчезания от сцены, т.е. от экономики своей собственной страны.

6.3. ИНФЛЯЦИЯ В МАЛОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ И УТРАТА ИХ КОНКУРЕНТНОЙ СПОСОБНОСТИ

При рассматривания некоторых проблем на прежних страницах, один важный вопрос не был законченным, а он относится до возможностей развивающихся наций (они большинство в мире) справится одновременно с инфляцией, с общественными проблемами и с проблемой о конкурентноспособности.

Развивающиеся страны имеют и профессиональную бюрократию. Их административные структуры постарелые, а их расходы для производства пропорционально более высокие, чем эти развитых стран. Их налоговое бремя несправедливо большое, а возвращение этих плат к обществу под формой разных услуг минимально, и поэтому сам гражданин принужден компенсировать это отсутствие заботы со стороны государства — очень часто деньгами от укрытых налогов. Так как государство работает плохо, тратит плохо и расхищает общественные деньги в зависимости от интересов плохо подготовленных бюрократов и недоброжелательных политиков (коррумпированные политики являются

характерным белегом малоразвитых стран), общество делает то, что государство не успевает сделать и так, как не верит государству, набирает меньше средств от необходимых, чтобы заняться работой государства.

Этим способом созданный дефицит почти всегда компенсируется новыми денежными эмиссиями (если не прибегаются до частичной или полной конфискации личных сбережений, депозированные в государственных сберегательных институциях) чтобы ограничить временно увеличение долга. Потому что, кроме денежных эмиссий, правительство может обеспечить всякие расходы и всегда, когда положение становится неустойчивым, одним или другим образом, ограничивает уровень своих обязательств при помощи какой-нибудь манипуляции индексов и обязательных займов.

Всегда, когда увеличение долга ограничивается силой, правительства соответствующих стран снижают конкурентоспособность своего производственного парка — ресурсы, предназначенные для его развития, перебрасываются государству и, потому что оно плохой администратор, этим ресурсам не возможно больше рассчитывать. Подобные манипуляции провоцируют фалиты, конкордаты и коллизии, от которых экономика на долгое время неспособна вылечиться.

Верно, впрочем, что всегда, когда государство ограбляет общество при помощи некоторого „займа“ (невозвратимого) или „прямой инвестиции“, оно создает условия, чтобы выдвигать планы для „временной стабилизации“, потому что убрало деньги общества. Государство требует от затронутых предприятий сделать реорганизации, а для уцелевшего частного сектора это означает, что пока восстанавливается, потеряет часть своей конкурентоспособности.

Независимо от факта, что во всех развивающихся странах стабилизационные планы нечто постоянное, валютная стабильность относительна и достигается при помощи конфискации части сбережений, искусственного ограничения долга и временного контроля на бюджетный дефицит. Истинные причины этого дефицита не устраняются (увеличенный государственный аппарат, неэффективные программы и корпоративизм управляющих элитов). Внутренняя инфляция продолжает быть более высокой по сравнению с внешней, независимо от разницы во валютных курсах на пользу иностранных ва-

лют. Это разница, со своей стороны вызывает снижение конкурентноспособности и рецессию со соответствующим снижением внешних и внутренних рынков для местных продуктов из-за надценивания национальной валюты по отношению реальной девальвации сильных валют. Вот так предприятия этих стран теряют позиции на международном и внутреннем рынке, облегчая глобализацию экономики с помещением иностранных продуктов при благоприятном для них валютном курсе.

Добавим и то, что когда такие страны хотят привлечь спекулятивные инвестиции, чтобы увеличить свои резервы, и избежать спекулятивных операций, они в конце концов снова поражают дефицит, поддерживая более высокие проценты от тех, что на внешнем рынке. Так они только задерживают, как в кастрюле под давлением, низкий курс и инфляцию, потому что их цель является валютный паритет, а не реальная инфляция. В этом смысле, необходимые реаккомодационные меры устраняются одной фатальной рецессией, которая отрагивает национальных предприятий, не решая структурные проблемы страны.

Когда бюджетный дефицит станет снова несовместимым и международная „спекуляция“ увидит неспособность правительства поддерживать высокие доходы в одной стабилизированной, но рецессивной экономики, тогда она просто отодвигается и поднимает барьер перед внутренней спекуляцией при помощи валютного курса. Результат этого новый рост инфляции, который еще более страшен и еще сильнее подкапывающий национального индустриального парка. Как при болезни рак, возвращение привидно вылеченного страдания на много страшнее прежней фазы и требует новых лекарств, чья эффективность еще менее надежная.

В периодах искусственной стабилизации, глобализация экономики, т.е. устранение границ перед международной торговлей, находит свободные пространства в одной или другой стране. Так как не все стабилизационные планы протекают в одно и то же время, более развитые нации — потому что более конкурентноспособны — всегда находят свободные пространства в периодах стабилизации стран, которые не успевают создать условия для увеличения конкурентноспособности своей национальной промышленности.

Эндемическая инфляция в развивающихся странах, которая только что анестезированна стабилизационными

планами, не помогает для увеличения конкурентноспособности этих стран. Этим способом, в конкурентных экономических секторах, которые находятся в развитых государствах, они всегда самые благодетельствованные этой политикой устранения границ перед торговлей. В торговой конкуренции между сильными и слабыми редко достается слабым приобрести что-нибудь.

6.4. ПУБЛИЧНЫЙ ДЕФИЦИТ И ЗАДОЛЖЕВАНИЕ СТРАН

Штефан Веб, рассматривая гиперинфляционный процесс в Германии во время Веймарской республики и факты, которые его породили, достигает до любопытного заключения: государственный дефицит был основной причиной этого процесса, из-за недоверия всех экономических агентов к способности правительства контролировать положения. Это отсутствие способности является следствием военных репараций и введения многих социальных прав от Конституции 1919 года, которые государство не могло гарантировать.

Чем более неконтролируемым становится бюджетный дефицит, тем нарастает норма риска для финансовых инвестиций и это нарастание пропорционально отсутствию контроля и валютной экспансии вследствие новых денежных эмиссий. Инфляция сама себе кормит и превращается во гиперинфляцию.

В одной Германии, находящейся еще под влиянием последствий войны и где деньги, под формой ценных бумаг, были эмитированы предприятиями, потому что национальная денежная единица не успела справиться девальвацией, несмотря на все официальные печати в тех самых бумагах, это положение понимаемо, а оно отразилось тяжело на всей экономике.

Сегодня даже и страны с прогрессирующими гиперинфляционными процессами научились создавать механизмы, как индексация, при помощи которых овладевают контроль на экономику. Бразилия, до Реального Плана, является категорическим доказательством для гарантированного корректива цен и стоимостей, потому что вошла в период стабилизационного плана, выходя от гиперинфляционного процесса без особых

поражений для экономики. Всущности, правительство редуцирует все коррективные индексы до одного (URV) в одном четырехмесячном периоде из четырех месяцев и после того трансформирует эти счетные деньги в платежное средство и инфляция закончивает в тот самый день, потому что бюджетный дефицит был под контролем и наличные резервы были достаточны остановить всякие спекуляции с иностранными деньгами.

Сам Реальный План угрожен, в 1996 году, не из-за ошибки в его приложении, а потому что в стране замечается новое нарастание дефицита. Если это явление задержится дольше, провоцирует снова проблемы в экономической деятельности. Проблемы, которых не лишены, впрочем, и самые развитые страны как Соединенные штаты.

Я убежден, что одна из больших проблем, с которыми столкнется мировая экономика в ближайших годах будет связанной с тем, как трансформировать бюджетный дефицит различных стран (развитые или развивающихся) и как ограничить рост задолжевания со стороны государства.

Весь мир живет с иллюзией, что бюджетный дефицит достаточен баланс для всяких частных инвестиций и, в основном, для финансовых.

На эту иллюзию базируются и стабильность мировой финансовой системы, и способность правительств изъять сбережения граждан, чтобы финансировать свои расходы для производительных и непроизводительных действий. Последнее относится в основном до издержки государственного аппарата, который нарастает угрожающе во всех странах во второй половине нашего века, подтверждая оправданность тезиса Адольфа Вагнера, что общественные расходы всегда имеют тенденцию нарастать и никогда — наоборот.

Соединенные Штаты имеют бюджетный дефицит в размере около 2) 3 от ВВП, Италия — 100%, Ирландия — 150%.

Бразильский бюджетный дефицит 50% от ВВП, но опирается единственно на доверие инвесторов, что государство не объявляет невыплатимым свой долг, независимо от очевидного факта, что правительства имеют задолжение на много выше того, которое могут вынести экономически.

Все попытки в мире — и развитых, и неразвитых стран — снизить бюджетный дефицит, не особенно обнадеживающие, потому что он в мировом масштабе он продолжает увеличиваться. Растет и отсутствие реального баланса, вследствие которого, только на основе одного голого доверия, мир продолжает жирировать бумаги с покрытием в другие без покрытия всех правительств.

Все операторы хорошо сознают эту действительность, но так, как что в основном работаете деньгами третьих лиц, необходимо демонстрировать доверия мировой финансовой системе, способна обеспечить свою стабильность, не смотря на абсолютную нестабильность очагов напряжения, т.е. на параметры внутреннего и внешнего долга каждой страны.

Придет момент, когда бюджетный дефицит, финансируемый мероприятиями во всем мире, не будет в состоянии поддерживаться, и это не по силу сегодняшней системы, которая почти не дает возможность оперировавшим с ней познакомится с этой действительности, а потому что все яснее становится инвеститорам (а не только операторам) какого реальное состояние их сбережений и что они существуют одностепенно на базе доверия всех в этичности государства.

Я убежден, что в моменте, когда некоторая из Великих сил в Г-7 допустит дисбаланс, вследствие которого рухнут финансы всех остальных странах, эффект будет тот самый, как при „биржевой иллюзии“ в 1929 году в США.

Чем больше занимаюсь современными экономическими теориями (все они ищут боковых путей, чтобы избежать прямого столкновения с проблемой о неконтролируемости бюджетных дефицитов), тем больше убеждаюсь, что они служат только для анестезии мыслительных способностей тех, кто занимается стоимостями инвестиций в западном мире, даже и за то, что этими средствами оперируют в мире этой системы без покрытия.

Так тоже убежден, что необходимая стабильность в одну здоровую экономическую дейность, основывающаяся не на иллюзорные, а на реальные инвестиции, могла быть возможной только если все страны мира контролировали свои бюджетные дефициты. Потому что эта претензия очень утопична, экономика продолжит эволюировать и идти к своему полному провалу из-за отсутствия реального инвестиционного покрытия. Иллюзорная экономика

раждает восторг, чья высокая цена будет оплачиваться в будущем.

6.5. ОТСУТСТВИЕ КОНТРОЛЯ НАД ФИНАНСОВЫМИ ИНСТИТУЦИЯМИ

Фактор, волнующий все больше как развитые, так и развивающиеся страны, объем денег, которые обладают анонимные экономические агенты, которые циркулируют во всем мире достиг размера 13 миллиардов долларов или 2 американских ВВП.

Эти средства, чьих владельцев правительства вполне и не знают и чьи официальные операторы находятся в благожелательствованных в налоговом отношении странах, далеко от контроля великих сил, направлены с растущей скоростью к странам, предлагающие более высокий доход. Естественно, они могут быть вытесненными с той самой скоростью, с которой были внесены.

Так как глобализация экономики требует все больше открытия валют, движение этих средств становится все более легким. Например, развивающиеся страны могут получать их на много легче, чем в прошлом, и в более крупном количестве, особенно если гарантируют их доходность и предлагают лучшие условия чем тех в развитых странах. Таким быстрым способом эти средства могут покинуть соответствующие страны. Драматический мексиканский коллапс в декабре 1994 года показал миру, что паника, которая охватывает инвесторов в таких случаях, вполне неконтролируема, даже и когда все развитые страны решили помочь пострадавшей от кризиса недоверия стране.

Мексиканская проблема в 1994 году подняла вопрос о том, возможно ли, когда возникнет подобный кризис в одной развитой стране, получиться такая фатальная ценная реакция, что центральные банки всего мира или правительства не могли бы реагировать, потому что оборотные деньги имеют объем выше ВВП какой-либо страны.

Не без основания кризису одного крупного американского банка и японской бирже мгновенно была оказана помощь со стороны правительств других стран и США и цель была не углублять недоверие в системе.

Другими словами, 13 триллионов долларов в руках ужасенных вкладчиков, которые не имеют ясную ориентацию, могли бы спровоцировать один новый 1929 год и Группа Семи настороже перед этой опасностью, на своих ежегодных встречах обсуждает все более разнообразные механизмы для противодействия, но все еще не нашла идеального решения, ни формы управления этих инвестиций одним более рациональным и менее спекулятивным способом.

Глобализация экономики требует неистовые поиски новых инвестиций и ресурсов. Так, с одной стороны, конкуренция рождает лучших и более дешевых товаров и услуг, но с другой, увеличивает рост безработицы и невозможность контролировать эти нестабильные ресурсы, которые верны государству хозяин только пока оно обеспечивает им более высокую доходность в развитых странах.

Традиционный инвеститор работает по формуле о более высокой надежности даже и при более низкой рентабельности. Спекулятивный инвеститор использует бином „меньше надежность, но больше рентабельность“, но он всегда готов бросать утонувший корабль раньше всех остальных. Поэтому легкость, с которой он удаляется может увлечь за собою проблемы для всех монетарных или предпринимательских политик в развивающихся странах, когда удаление будет реальным фактом.

Надо добавить, что поддержка бюджетных дефицитов и задолжевания стран в объем и процент более высоких по сравнению с прошлым, делают так, что обладатели этих ресурсов не верят ни развитию, ни развивающимся странам и всегда готовы реагировать, в моменте паники, иррациональным образом, при котором даже и самые развитые нации не застрахованные одним глобальным коллапсом.

В этой связи, Тобин — Нобелист для экономики, сделал опыт в марте 1995 года создать мировую контрибуцию, составленную из стран, сквозь которые транзитируют такие средства, внефинансовые средства, которые должны бы собирать, чтобы реагировать кризису безработицы. Это предложение очень похоже на то, которое я представил для ревизии Бразильской конституции в 1993 году и было провалено, как проекто-закон, депутатами Жермано Риготто, Режиной Гордилье, Виктор Фачиони и сенатором Жильберто Миранда, после его лансирования со

стороны правительства штата Сао Паоло под формой проекта группы юристов под председательством Мигеля Реале. В моем предложении все социальные контрибуции были замещенными одной-единственной контрибуцией на финансовый оборот, которая влезаящая на 12 триллионов долларов (ежегодный финансовый оборот Бразилии) с делителем 0.5% или 0.6% заменила бы на много успешнее многочисленные и не вполне контролируемые годовые контрибуции, как получается согласно дерзкому, но не так реальному предложению Маркоса Синтра для единого налога; предложение, которое пользуется одобрением Роберта Кампоса.

Правда такая, что объем средств, которые циркулируют на мировых рынках каждый день и вне контроль правительства, так большой, что всеобщая паника реально могла бы вызывать коллапс не менее сильный этим в 1929 году.

6.6. ВОЙНА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Война в международной торговли факт, который в пользу глобализации экономики, безработицы, конкуренции, увеличивая контрастов в пользу развитых наций, которые более пригодны для свободной конкуренции.

В 1979 году все развитые страны прибегнули к протекционистской политике в ответ второму нефтяному кризису. „Токийский круг“ определил направления этой политики, чья цель была охранять национальные рынки внешней конкуренцией во время, когда нестабильность нефтянных цен — этого важнейшего источника мира, поражала опасность от инфляции в разных странах. Суровый бюджетный и монетарный контроль и последующая рецессия, связанная протекционизмом местных рынков характерные черты одного периода, который довел некоторых развивающихся стран до банкротства. Между ними были Мехико (где пришел „черный сентябрь“ в 1982 году) и Бразилия, которая оказалась без никакого резерва в 1983 году. Если не была строительная компания „Мендес Жуниф“, которая сохранила свое присутствие в Ираке, как это хотело бразильское правительство (хотя иракское правительство тоже начинало прилагать подобную на эту бразильских правительств политику, т.е., строить большие объекты и не оплачивать их), снабжение Бразилии нефтью

не могло бы гарантировано и это породило бы истинный коллапс национальной транспортной сети. На самом деле, без посредничества этой компании и гарантий, которые давал Ирак для строительства путей в этой стране, мы были бы свидетелями энергетического коллапса, имея в виду то, что иногда государственный резерв взлезал на меньше одного биллиона долларов. Сегодня строительная компания „Мендес Жуниор“ — кредитор правительств, которые признали свои долги, не оплачивают их, находится на границе фалита, потому что в 1983 году не могла поверить, что бразильское государство неэтичное по необходимости, согласно словам одного министра.

Правда та, что когда арабские народы разделились, а развитые нации реорганизовались и повысили дисциплину, стало возможно переломать спину ОПЕК-а и экономики разных стран начали восстанавливаться. Сниженная цена нефти и скорость обращения нефтедолларов были заменены интеллигентностью традиционных инвестиций. И, в этом моменте, все страны во главе со самыми развитыми вернулись к тезису для международной конкуренции, для открытия рынок — очевидно более доступные для товаров развитых, чем для тех в развивающихся странах.

Европа предохранилась Соединенными Штатами и Японией, укрепляя Европейского Общего Рынка, после того Европейской Общности и, сегодня, Европейского Союза, давая толчок национальному производству и затрудняя импорт чужих товаров, как это случилось во время „Уругвайского круга“ со сельскохозяйственными товарами. Тогда Европа снова открыла свои границы для этих товаров после долгих и тяжелых переговоров между заинтересованными странами и не без чувствительных для этих стран компенсаций.

Япония заключила союз с азиатскими тиграми в одном промышленном процессе, в котором товары долго циркулировали между различными странами района до получения последнего продукта. Конечно, что при глобализации экономика в одной стране, сколько бы ни была она сильной, не может предохраниться вполне большими блоками, если не создаст себе такие.

Китай имеет свой собственный рынок и воспользовавшись своей фантастично дешевой рабочей силой, оккупировал мировые рынки товарами, которые имеют очень низкие цены и неплохое качество.

Соединенные Штаты формировали свой блок (НАФТА: Канада, США и Мексико), а МЕРКОСУЛ возник в результате потребности создать один более солидный внутренний рынок, который смог бы противопоставиться глобализации, облегчая внутренний товарообмен с помощью общего внешнего тарифа; во время объединения, и внутреннего тарифа облагодетельствовавшего товаров района.

Формирование блоков придает мировым переговорам более прочную силу, но не лишено проблем, и то серьезными. Всегда, когда конкуренция между предложенными со стороны всех стран товарами проявляется больше или меньше прикрытой политики субсидирования, конкуренция между товарами становится нечестной. Так тоже если возникнут внутренние бюджетные, обменные или монетарные проблемы, возникает необходимость от локальной протекции дотронутых свободной торговли секторов.

Если Европа уже достигла до третьей фазы объединения рынков, при которой она похожа больше на одну федерацию из автономных, а не суверенных государств, с Европейским парламентом и Судом в Люксембурге, имеющие наднациональные интересы налагать интересы общности за счет национальных интересов каждой страны, то остальные группирования все еще в зоне свободной торговли или во фазе таможенного союза, т.е. все еще не преодолели проблемы сожительства и не пожертвовали частью своего суверенитета во имя идеи о конгрегации.

Правда такая, что вхождение в региональные рынки, цельщее противопоставиться на глобализацию экономики, которая угодна в основном развитым и более конкурентноспособным нациям, не решает, пока, серьезные проблемы развивающихся стран как, например, социальные проблемы нарастающего напряжения, безработица и отсутствие страхований, и т.д., а протекция со стороны государства не может осуществиться адекватно даже и в условиях свободной торговли.

Всущности, проблема в том, что конкуренция не может провадиться между неравноправными. Даже и в рамках Европейского союза вхождение менее развитых стран в общность заставило наднациональную институцию наложить им периоды лишений как условие для их присоединения к ней. Локальные рынки были предохраненными более высокими тарифами по сравнению с использованными на Европейском рынке, пока продукты менее развитых стран

выходили на европейских рынках без соответствующей протекции. Другими словами, хотя европейский рынок был открытым для произведенных ими товаров, эти страны не участвовали равноправно.

Глобализация экономики требует национального контроля внутренних рынков маленьких стран. Этот контроль, с одной стороны, не должен элиминировать свободную торговлю, а с другой, не позволяет разрушение национального промышленного парка. Эта дилемма, к сожалению, далеко еще не нашла свое решение.

7

**СПЕКТР
МЕЖДУНАРОДНОГО
ШАНТАЖА**

7.1. ПОСТАРЕВШИЕ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ СТРУКТУРЫ

Внутренний порядок в отдельных странах обеспечивается полицией, а национальная безопасность — вооруженными силами. И в самых развитых, и в самых отсталых странах на земном шаре полиция и вооруженные силы являются инструментами, которые обеспечивают стабильность, но и создают нестабильность политики, общества и институций.

Более отсталые страны имеют свои военные структуры, верные политическому равновесию. Они колеблются между диктаторскими режимами, наложенные вооруженными силами и хрупкой демократией, толерированная вооруженными силами.

Это так, потому что более низкий уровень культуры и образования в этих странах, вместе с большими экономическими и социальными проблемами, затрудняют взятие всякого политического решения. Проблемы управления на много более крупными возможностями их решения и когда кризис углубится больше нормального, решение в ликвидации институций — всегда под руководством какого-нибудь высшего офицера.

В более развитых странах вооруженные силы сохраняют поведение в рамках своих функций, чтобы гарантировать безопасность при эвентуальных конфликтах. Они редко используют нажим на демократические правительства, хотя иногда делают это, когда идет речь о диктаторских правительствах или о только-что освободившихся диктатурой больших нациях как Китай и Россия.

С другой стороны, во всем мире есть военная промышленность. В моей книге с предисловием Роберта Кампоса, „Экономическое развитие и национальная безопасность — Теория критичной границы“, я попробовал показать как военные расходы стимулируют или замедляют национальное развитие в зависимости от того, какой происход — национальный или иностранный, технологического прогресса, вложенный во военном производстве, и формулировал эту теорию о критичной границе:

"Военные расходы стимулируют экономическое и технологическое развитие одной нации, когда их четыре

компоненты (рабочая сила, поддержка, покупки и научные исследования) реализуются в рамках собственного суверенитета, не вызывая, с другой стороны, бюджетный дефицит, чье пополнение контролируемыми инфляционными ресурсами целит довести в кратком или среднем сроке до эффективного толчка экономики, или те, превращенные в расходы, которые представляют более высокую редукцию национального развития" ("Экономическое развитие и национальная безопасность", изд. Жозе Бушатский, 1973, стр. 103-104).

Мировая военная индустрия нарастает в периоды конфликтов и выпадает в кризис, когда они затихают. Тогда военная индустрия самых развитых наций элиминировала этой более отсталых стран из-за их более низкой конкурентоспособности.

Пусть вспомним, что когда Советский Союз и Соединенные Штаты поддерживали равновесие сил в мире, развилась особенно много военная промышленность более малых стран, включая и Бразилию, именно из-за отсутствия уничтожительной конкуренции двух великих сил. Конец холодной войны направил военную промышленность этих сил к „многообещающим“ рынкам Ближнего и Дальнего Востока, как и некоторых африканских, азиатских и латиноамериканских стран и этим была ликвидирована военная индустрия малых государств, включая Бразилию.

Военная промышленность дает путь технологическому прогрессу, который потом входит и в гражданское производство. Как сказал в упомянутой прежде книге, подсчитанно, что использование технологических достижений военной индустрии в гражданском производстве снижает на 1) 3 расходы этого производства для научных исследований.

В мирное время, когда военные конфликты возникают в основном между малыми государствами, военная индустрия управляется исключительно развитыми нациями и военные расходы обеспечивают развитие и безопасность прежде всего демократическим государствам, но никак не обеспечивают ни развитие, ни безопасность развивающихся стран.

Надо сказать, что умножение государств в мире (почти 200) и умножение военного сословия в этих небольших государствах сопровождается постоянной нестабильностью институций из-за регулярных внутрен-

них кризисов. Это причиняет налаживание репрессивной политики — больше или меньше кровопролитной (Ирак, Иран и некоторые африканские государства), которая является постоянным проводником ненависти и ненадежности. В конце концов, это ведет до создания параллельных вооруженных сил, которые в зависимости от уровня развития других внешних группирований или наций становятся сколько могучими, как и национальная армия. Мы были свидетелями этого в Афганистане и в Анголе, в группе УНИТА.

То, что еще больше портит картину, наемные группы, которые готовы действовать в какой-либо стране, имеют самые совершенные технологии и разные источники финансирования. Военная история мира полна примерами для использования наемных сил. Даже крах великих империй совершался во время, когда ординарные вооруженные силы были замещиванными наемниками (Западная Римская империя и Византия примеры этого). Сейчас, впрочем, формирование таких группирований, с самым современным вооружением, крайне опасно, потому что очень часто оказывается, что их вооружение более совершенно этим вооруженных сил в среднем развитой стране. Это усложняет конфликтные отношения со соседними странами и ведет до полной зависимости правительства поведением таких „военных“ без нации.

Последний аспект этого поверхностного анализа относится к необходимости поддерживать более многочисленные вооруженные силы, чем нужны развивающимся странам (Бразилия является исключением). Этот факт, вместе со сопровождающими его бюджетными расходами, которые не предусматривают технологический прогресс, элемент финансового дисбаланса и углубляет еще большие кризисы этих стран и прежде всего, социальный.

Наконец страны, которые пользуют наемники, либо инвестируют значительные средства во формирование военных группирований для личного пользования, имеют исключительную возможность приложить международный шантаж. Если подобный шантаж не был особенно успешным во время войны в Персидском заливе, то он выиграл значительную роль в Югославии и прежде всего в столкновении между Израилем и находящимися в Сирии и Ливане террористами.

Мир далеко от решения этой проблемы.

7.2. АТОМНАЯ БОМБА И ДОСТУП ДО ЕЕ ПРОИЗВОДСТВА

После падения Берлинской стены и провала советской империи мир радуется известному спокойствию. Самые прогрессирующие нации понимают, что с контролем на нераспространение ядерного оружия и политическим прояснением ядерная опасность окончательно устранена.

Ничего мне не кажется более неразумным, чем подобный образ мышления.

Ядерная технология становится все более доступной для все больше стран. Производство одного ядерного оружия самая легкая вещь, если страна располагает технологией для обогащения урана. И все больше малые страны, которые имеют диктаторские режимы, получают доступ до этих познаний, которые в ближайших 20 лет будут достоянием всем и могут быть использованными всеми государствами, которые имеют финансовые (а не технические) средства контролировать их.

В этом порядке мысли, будущее человечества будет обреченным международному шантажу со стороны наций, которые, имея ядерный контроль, имеют и внутренние проблемы и предпочитают решить проблему для национального единения, „создавая“ внешних врагов.

Еще хуже было бы, если мощные и неформальные группирования — например, наркокартели — решат использовать тот самый шантаж в моменте, когда у них есть ядерную технологию.

Не надо забывать, что в борьбе между конвенциональными силами (полиция всех стран) и связанными наркотрафиком группами последние всегда имели преимущество во вооружении. Нередко и в не мало странах, конвенциональные силы те, которые должны уступить перед организованной преступности потому, что слабее вооруженных преступников. Так получилось в Рио-де-Жанейро и в Колумбии. Два года назад в Рио стало необходимым вмешательство армии, чтобы помочь недостаточно вооруженной полиции. Но и тогда зло не было элиминированным, а только получилось равновесие сил.

С другой стороны, международный терроризм оккупировал один день ядерную технологию и его ударная сила

станет несравнимо более огромной. Сможет шантажировать конституционные правительства большим успехом чем в моменте.

Уже было обсуждено может ли эвентуальное познание ядерной технологии представлять риск для человечества, особенно имея в виду, что последствия употреблением атомной бомбы затронули даже тех, которые ее употребили. С другой стороны, ядерное господство все еще не означает притежание единственно ракеты, носители бомбы, особенно когда их владельцы более малые страны, потому что более развитые могут разрушить легко эти ракеты, а разрушенные ракеты могут попасть на территорию самых стран, которые угрожают мир на планете.

Что относится до террористов и наркотрафикантов, они могли бы транспортировать подобные военные сооружения до самых стран — предметы шантажа, и привести их в действие в будущем при помощи дистанционного управления. Верно, что нелегко преодолеть все знакомые до сих пор системы контроля, но все таки это не вполне невозможно.

Те, которые не видят опасность, обосновываются этим, что химическая и биологическая война, до которых доступ еще более легкий, никогда не были пущенными в действие, даже и германцами, когда они были на границе поражения в последней войне. Твердят тоже, что как и при ядерной войне, уже пущенный механизм может уничтожить как объект, так и субъект угрозы. Если химическая и биологическая война не были пользованными до сих пор, хотя что технологически легко осуществимы, то это относится в еще более высокой степени об атомном шантаже будущего.

Я убежден, что несмотря на эти впечатляющие аргументы, предпосылки разные. Химическая и биологическая война имеют много больше средний и долгий, чем настоящий разрушительный эффект и поэтому всегда воспринимались больше как потенциальную, а не реальную опасность.

С ядерным шантажом не так. Разрушительный эффект этого оружия на месте, где употреблено, самый большой и уменьшается увеличением расстояния от центра действия. Это превращает ядерное оружие на много легче управляемо, по сравнению с химическим и биологическим.

При его помощи объект угрозы может быть достигнутым скорее, а реакция общественного мнения огромная по значимости.

До наших дней живет воспоминание о Нагазаки и Гирошима. Оно отравляет сознание современников и приводит в ужас молодых, думая что катастрофа могла бы повториться когда-то.

Убежден, что в будущее господство на ядерную технологию будет создавать серьезные проблемы в отношениях между народами, нациями и неформальными группированиями, из-за все более легкого доступа до нее со стороны наций и групп, достаточно богатые, чтобы позволить себе это.

7.3. ИНФОРМАТИКА ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Буду говорить снова об одной очень тревожной теме: эволюция информатики без возможности выдумать вполне надежные системы контроля против проникновения вирусов.

В конце Второй мировой войны, в битве для Арденов, германская армия победила в своем последнем наступлении союзные войска, и то для несколько дней, используя одно средство, которое запрещено военными законами, подписанные в Женеве. Речь идет о дезинформации.

Солдаты, говорящие отлично английский язык, прошли через союзную линию, променили направления дорожных указателей, поставили обманчивые указатели и вполне сорвали союзную защитную систему, а в то время германская армия разрушила по своему пути, благодаря своим более совершенным танкам, дезориентированные англо-американские силы. Германская атака закончила едва тогда, когда кончилось горючее, не достигая базы снабжения союзников, где были резервы, достаточны чтобы продолжить войну еще на шесть месяцев — время достаточно Гитлеру произвести первые атомные бомбы и наложить мир под угрозой употребить ядерного оружия, контролируемое им.

Эта история рассказана много раз и значение вызванной дезинформации было преувеличенным, но и недооцененным. Правда, Впрочем, что первоначальная

дезинформация и дезориентация союзных войск сделала более эффективной германскую атаку.

С другой стороны, во Войне за Мальвины именно информация по спутнику победила аргентинские Военноморские силы, чье местонахождение было докладованным каждую минуту английской армии и ее Военноморским силам — более сильной разрушительной мощью. Благодаря этому стало возможным потопление корабля с аргентинскими войсками, которые шли на помощь находящимся на островах.

Война в Персидском заливе не была различной. Информатика уничтожила вооруженные силы Саддама еще от первого дня — было абсолютно контролировано движение его армий и в то самое время были поражены иракские защитные системы ракетами, которые не могли быть прихваченными противниковой разведкой.

На другом месте, нарастание разрушительной мощи информации и дезинформации в этом периоде с Второй мировой войны до Мальвинского кризиса фантастическое; с войны за Мальвины до войны в Персидском заливе это нарастание невероятно, а с 1991 года до сих пор прыжок совсем невообразимый. Качественный прыжок каждый год так большой, что практически невозможно предусмотреть уровень преодолевания барьер, благодаря которому наука для информатики причинит поражения службам информации, дезинформации и проникновения в тайны и в командования самых сложных мировых систем для охраны.

Все больше для всех стран становятся необходимыми информационные услуги и невероятно, при этом положении, почему одно государство как Бразилия по причине идеологических противоречий разрушило свою информационную систему, когда в то время самые демократичные нации как США, Англия и Франция развивают ее преимущественно.

Другими словами, безопасность одной страны по отношению внутренней нестабильности, внешнего врага и компьютерных вирусов может противостоять всякой более сильной опасности, чем дезориентированием ее защитных формирований.

Скорость, которой развивается информатика, распространение компьютерных вирусов в будущем, формирование различных маргинальных групп, имеющие фантасти-

ческие ресурсы и действующие в свободных от налогов пространствах, где всякая дейность разрешается, все это может поставить в шах все защитные системы какой-либо страны.

Информатика, которая дает все больше возможностей получить доступ, на более низкую цену, до тайн, которые стоят миллионов, в зависимости от вирусов, манипулированные ее программ; информация, которая становится все более ценной, по сравнению с огромными арсеналами, потому что может избежать их употребление; и дезинформация, которая всегда может существовать, благодаря доступа до программ и эволюции в домашних условиях кибернетических систем — это предизвигательства нового мира. К этому государство должно привыкнуть и найти способ преодолеть свою очевидную отсталость от событий дня.

Я убежден, что потребность одной мировой системы безопасности против этих дестабилизирующих движений, когда будет понята как такая, может открыть дорогу к „Универсальному государству“, которую я уже защитил в своей книге „Правовое государство и государственное право“.

Самая большая проблема в том, что надо преодолеть региональные блока, которые содержат в себе элементы внутреннего разложения, но охраняют себя от других блоков, чтобы успело одно универсальное правительство, имеющее достаточную представительность в мировом масштабе, стабилизировать контроль на упомянутые разъединительные факторы.

То, что все еще одна утопия, могло быть объектом одного серьезного и глубокого размышления в процессе все более реального присутствия этих разъединительных факторов. Присутствие, которое может не продолжать долго.

7.4. ДЕГРАДАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

The Worldwatch Institute занимается еще со своего возникновения три десятилетия тому назад борьбой за охрану окружающей среды, против ее деградации из-за загрязнения, уменьшение лесов и обрабатываемой земли из-за эрозии, снижение рыбного богатства морей и рек тоже из-

за загрязнения, как и против использования химических продуктов, которые вредят озоновому слою в атмосфере.

Часть этих исследований направлена и к демографии, хотя механизмы для борьбы против „демографского взрыва“ не предполагают никого уважения человеческих прав эмбриона, который согласно институту, должен умереть во имя одного прежде определенного равновесия числа существующих человек на лице Земли; или поддерживают наказания с лишением свободы, в густо населенных странах, для семей, чьи дети превышают определенный законом брой.

Институт защищает аборт и не противопоставляется эвтаназии, как и всякой другой форме контроля рождаемости. Институт считает, что жизнь инвалидов не должна мешать тем, которые заслуживают жить...

Это, которое заслуживает внимание и отражено в „N“ его исследовании, относится к очевидной деградации окружающей среды, которая, если не будет преодоленной правительствами стран — развитые или нет, — изменит земную экосистему и угрозит самое переживание человеческого рода в будущем.

Деградация окружающей среды, причиненная человеком, является бесспорной действительности сегодняшнего дня и ей нужна спешная поправка.

Получается так, что неравномерное экономическое развитие наций и факт, что самые большие природные богатства находятся в развивающихся странах, которые неготовы оберечь их, особенно если имеют торговую стоимость (леса, которые отрублены, чтобы освободить землю для ниш и пастбища) делают еще более трудным решение проблем. Таким способом каждый год снижается число видов, которые поддерживают желаное экологическое равновесие.

Исчезновение каждого животного вида делает невозможной жизнь еще многих других видов, которые нуждаются им или сожительствуют с ним. Так каждая утрата нарушает равновесие между разными видами животного, растительного и человеческого царства.

Развитые страны хотят повлиять на развивающиеся, чтобы сохранились их резервы. А развитые страны не успели сохранить свои собственные резервы и до большой степени их прогресс сделан именно благодаря

этой линии развития, поэтому сейчас хотят — для блага всего человечества, чтобы остальные страны совершили то, которое они сами не совершили. Даже настаивают на то, что некоторые области определенных развивающихся стран были бы приняты для территорий всего человечества.

Я участвовал в 1991 году в Боне, в Германии, вместе с экологами этой страны, в одном конгрессе под эгидой фондации Конрада Аденауера. Вошел в диспуты с некоторыми германскими профессорами, которые считали, что сохранение амазонских джунглей интересует весь мир, а не только Бразилию.

Ответил словами, что если цена сохранения и эта неиспользования земли торговой стоимостью было на счет развитых наций, не лишая исключительным суверенитетом страны, где находятся упомянутые резервы, тогда это могло быть обсужденным, но не под нажимом сильных, которые не сохранили свои резервы, на более слабых, которые должны сохранить свои для блага сильных.

В Бразилии принуждение для сохранения 10% национальной территории, чтобы пользовалась меньше 250 тысячами индейцами, а остальные 90% — 160 миллионами бразильцами, в интерес больше самых развитых наций, чем Бразилии, потому что в каждом моменте последние могут решить, что так, как эти земли принадлежат племенам, живущие единственно в джунглях, то они не являются национальными.

Самое любопытное то, что развитые страны хотят сохранить окружающую среду индейцев, чтобы сохранить их как „музейные вещи“, т.е. они должны не развиваться и оставаться навсегда в состоянии „пра-человеков“ — некультурные, невеждые и легко управляемые.

Бразилия, согласно конституции, охраняет 10% национальной территории для индейских племен в их естественное состояние как „живой музей“ прошлого, которого никто из остальных бразильцев не желает вернуть или пережить снова. Внешние интересы те, которые раздвигают духи определенной группы неуспевших, отчаянных и вполне отрекающихся всех институций интеллектуалов, которые живут с утопичной надеждой о возвращении первобытно-общинного строя, где будет господствовать полная безответственность и абсолютный натурализм.

Всущности, не по дороге принуждения снаружи, а по пути дискуссии, направленной к поискам взаимной выгоды, должно бы родиться всемирное движение для охраны планеты Земли, единственный дом человечества, потому что космические полеты не обещают в скором времени дать человеческому роду другие пространства жизни, ни кто-то измерил скорость выше этой света, которая позволила бы таким пространствам быть эксплуатируемыми со стороны какого-нибудь будущего поколения земных жителей.

7.5. ПАССИВНОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА

Фалит традиционного государства создал более сильную пассивность по отношению проблем распада социальной ткани.

В моменте государство продолжает быть беззащитным перед факторами, которые расшатывают ее основы и все еще пассивным перед провокациями современного общества. Не располагает достаточными ресурсами, ни людьми на высоте и не заслуживает ни уважения, ни восхищения со стороны общества, потому что уничтожило чувство патриотизма, которое раньше поддерживало ореол Отечества.

Современный человек не верит государству, потому что не отличает государство от правительства, а последнее составлено людьми, которые все меньше заслуживают уважение управляемых. Во всех странах существует мнение, что правительства плохие и что они только одно необходимое зло, чтобы избежать общественного хаоса и анархии, но никакое правительство не заслуживает посвящение народа. Никакое правительство не выбрало лидера, достойного быть следованным целым народом, так как в прошлом нацистская молодежь следовала впечатляющего сумаршедшего основателя национал-социализма.

Правительства, которые не радуются любви управляемых, не создают ни счастья, ни лояльности. Они неспособны руководить какое-либо движение, направленное к повышению общественного сознания по отношению серьезных проблем будущего переживания, которые надо

решить в настоящем, чтобы не стали еще более болезненными в будущем.

Современное государство пассивно не только из-за упомянутых причин, но и потому что его структура базируется на уже постаревшем классическом моделям.

Большие решения для будущего сожителства человечества не находятся в „мега-государствах“, а в малых общинных структурах. Роль „мега-государства“ может быть единственно во формулировании правил стабильности с максимальной централизацией общих направлений для поддержки порядка и при минимальном вмешательством в отношении общности. Эти отношения должны быть знакомыми региональным или окружным общинам, которые будут устанавливать отношения сожителство в зависимости от их моральных, религиозных, этнических, социальных и политических ценностей.

Классическое государство было организованным для поддержки порядка, для руководства — с менее или более сильным вмешательством — экономика и для обеспечения хотя бы минимальных достойных условий труда и пенсионирования. Чтобы служить социальным стабилизатором, при котором занятность и пенсионирование, собственность и договор оформляли четырехугольник его стабильности. Одно общество, где трудовая занятность и пенсия были гарантированными и собственность и договор уважаемыми, было идеальной моделью традиционного современного государства.

Эта модель уже не существует. Работа и пенсия в одном мега-государством, которое гарантирует их, превращаются все больше в утопию. Трудовая занятность заменяется временной и ненадежной работой, а официальная пенсия — пенсионными фондами, которые рассчитывают на собственные сбережения, организованные фирмами и служащими с целью заменить Социальное государство, которое уже фалировало.

Договор и собственность все меньше уважаются фалировавшим государством, которое каждый раз, когда не имеет средства платить свои долги к обществу, находит способ зобить этих средств, прибегая до манипуляции индексов, обязательных государственных займов, экспроприации ценных бумаг без покрытия и даже до конфискации или ускоренной инфляции. Так государство разрушает и долги, и экономику всегда, когда стоимости не

восстановлены при помощи подходящих монетарных коррективо́в.

Эта модель государства не имеет условия выдержать. Каждый культурный человек понимает это и старается защитить себя — даже и обращаясь против правительства, которое его представляет. Эта модель не притягивает, ни может найти механизмов, которые способны сохранить его в будущем и правительства, желающие охватить его вполне, как эти не могут охватить даже общества, которых представляют. Разъединительные элементы этой модели проявляются на много чаще, чем его способность реагировать и это самое тревожное с точки зрения одного, к несчастью, не совсем далекого будущего.

При этом положении, надо отметить существование все более нарастающего числа идеологических течений, которые признают фалит классического вида государства и хотят его переменить: начиная с экономических движений и достигая до тех, которые называют себя представителями преднамеренно маргинализированных меньшинств. Существуют самые разнообразные альтернативы и требования без возможных решений, которые делают государство еще более неоперативным и неспособным охватить всех их, потому что не может ответить даже тем, которые ей представляются классическим способом.

Правда та, что ожидания и стремления будущего общества — без высоких ценностей и без достаточной культуры — несравнимо более высокие этим, которые традиционное государство может предложить как решение. Эта действительность ведет до поисках нестабильных уравнений для самозащиты, которые, имея в виду анархию, вызванную ими, ведут до еще более сильного разъединения.

7.6. ПЕРЕМЕНА В ЭТНИЧЕСКОМ ПРОФИЛЕ РАЗВИТЫХ НАРОДОВ

В ближайших 40 лет мы будем свидетелями значительных перемен в этническом профиле развитых народов.

Мировой кризис и структурная безработица ведут до

того, что все больше граждане развивающихся стран ищут работы в развитых странах. Официальные и нелегальные иммигрантские потоки занимают все более широкие пространства в этих странах.

Соединенные Штаты, Европейский союз и Япония уже начали „защищаться“ этой иммигрантской волной, но стало ясно, что не только защитные механизмы недостаточны, но и очень поздно были закрыты двери перед иммиграцией.

Сегодня значительная часть населения стран Европейского союза состоит из людей, рожденные в Латинской Америке, в Африке и в Азии.

Подобный опыт имела и в последних двух веках своего существования Западная Римская империя. Тогда Антонино Каракала (212 от н.э.) распространил римское гражданство по всей империи, но это оказалось бесполезным, потому что нашествие варваров всякого происхождения было по всем границам империи; некоторые из них занимали даже высокие посты в государстве и в центуриях, и поэтому профиль римского военного был вполне измененным.

Попытки задержать иммиграционный ритм не были успешными. Они всегда сталкиваются отпором со стороны групп, которые борются за человеческие права и думают, что ограничение иммиграции является дискриминацией: как будто развитые народы составлены только высшими существами, а для развивающихся чуть ли не сейчас возникает привилегия не считать их больше рабами. Другими словами, ограничения поражают ксенофобию. Как будто европейцы, американцы и японцы на самом деле принадлежат к какой-либо высшей расе, а все остальные народы низшей расы должны быть останавливаемыми до границ этих самых развитых наций.

Эти аргументы защитников человеческих прав находят, естественно, отклик среди развитых наций, которые пробуют их отклонить, утверждая что охрана их границ не дискриминация, а единственная цель — односторонне гарантировать работы и хлеба для рожденных в этих странах. Мера прежде всего протекционистская, а не дискриминационная.

Если слова хорошие, то практика совсем не такая. Представители более отсталых стран считаются низши-

ми существами в развитых государствах. Они живут при нечеловеческих условиях и работают при более неблагоприятных условиях, иногда даже нелегально. Поэтому они формируют группы, которые упражняют нажим и насилие, чтобы оцелеть, а это уже притесняет и гражданов по происхождению этих стран.

С другой стороны, в своем стремлении не потерять вполне связь с родным краем и гарантировать свое присутствие в стране, которой выбрали, иммигранты соединяются в семьях, чья рождаемость на много более высокая, чем этой местных людей. Рождаются больше дети иммигрантов, чем местных.

Контроль на рождаемость, характерен для развитых стран, практикуется на много эгоистичнее и эффективнее ими, чем в развивающихся странах. Поэтому дети развивающихся народов, которые будут учиться на университетах будущего, будут процентно на много больше этими местного населения развитых государств.

Когда Симон Вейл председательствовал Европейский парламент много лет тому назад, он говорил, что европейцы научились производить все, но забыли „производить“ европейцев.

Оказывается, что дети латиноамериканцев, африканцев и азиатцев несут культуру своих отцов, их нравы и их язык, которые неизбежно влияют самому образу жизни европейца. Он старается предохранить себя от этого влияния, но теряет соревнование не только потому что уменьшается количественно, но и потому что не может противопоставиться жизненности новой культуры и новых обычаев, чьи носители все более нарастающее число иммигрантов.

Этнический элемент в одном мире, где безработица главный экономический бич, начинает изменять облик каждого народа. Эта перемена будет становиться еще более очевидной, когда на руководных постах в государственной администрации и в университетах будут поставлены представители самых разных народов, с самыми различными обычаями, постоянно живущие в сердце самых развитых наций в мире.

В Соединенных Штатах, во второй половине нашего века замечается фантастическое влияние негров в составе власти, в образовании, в культуре и экономике. Очевидно

тоже, что и самые традиционные обычаи американцев терпят перемены в результате этого влияния со стороны потомков африканского континента.

Этнический профиль будущего общества — это новый фактор, который будет анализированным, потому что разнообразие традиций и обычаев этих иммигрантов затрудняют еще больше нахождение общих и практически направленных моделей для преодоления кризиса, сожительства.

8

ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ

8.1. ВЛИЯНИЕ ВЛАСТИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПРИРОДУ

Вся философия власти сталкивается с человеческой природой, которая изменчива. Человеческая история всущности борьба за власть и непрерывные войны только одно повторение этой битвы иллюзий.

Со самых древних времен, самая большая амбиция человека властвовать. Как говорит Эразм Роттердамский в своей „Восхваление сумасбродства“, стремление к власти и суега упражнять ее являются для человека формами увековечивания недолговечного, потому что ни власть постоянная, ни суега создает что-то.

Аристотель разделяет правительства на добрые и плохие и цитирует три вида добрых правительств (монархия, аристократия и полиция), где интересы общности выше интересы управляющих, и три вида плохих правительств (демократия, плутократия и тирания), где личные интересы и эгоизм превышают общественные интересы.

Одним или другим способом, философы следующих эпох рассматривают этот вопрос, не предлагая решение для отклонений, которые власть вызывает в человеческой природе. Полибий принимает аристотельское деление. Святой Августин отделяет Город Небес от Города Человеков, имея в виду эгоизм, который характеризует власть последнего. Фома Аквинский принимает, включая, и неуважение к несправедливому закону как способ предохранить общества бессовестным правителем. Гобс говорит о Левитане. Маккиавело, не смотря на его монументальный труд о Декадах Тита Ливия, становится циничным, когда учит одного принца иметь хорошее поведение и говорит, что каждое правительство доброе, независимо что плохое, если задерживается на власти, и, что каждый правитель плохой, независимо что хороший, если потеряет ее. Лок предусматривает разделение власти в гражданском обществе как средство лучшей контроли на людей, которые управляют властью. Монтескье заявляет категорически, что власть должна быть контролированной властью, потому что человек, имеющий власть, непредвигим. Гегель опровергает Руссо и его теория для идеального человека и общественного договора, не имея в виду природные обороты человека, имеющий

власть, но в модели, которую он предлагает и в которой восхваляет монархию, не создает механизмы контроля этой природы. Кант заблуждается результатами Французской революции, но не обманывается для поражений, которые ее самопожертвующиеся участники вызывали. Маркс не верит современному обществу, но идеализирует одно будущее ангельское общество победившего пролетариата. Гельмут Кун отчаянно заявляет, что государство — это ничего другого, чем „структура власти“.

Карл Шмидт, в „Понятие политик“, очерчивает графически предмет науки Политика при помощи своей теорией для оппозиции. Он видит в Искусстве, например, оппозицию между красивом и некрасивом; в Морале — между добром и злом; в Экономике — между полезном и бесполезном и в Политике — антагонизм между другом и неприятелем.

Категорически, история человечества оказывается не особенно достойной из-за непрерывных битв за власть, всевозможных социальных — низостей, бессовестных средств и насилий, которые доказывают как изменяется природа человека на власть. Человек, имеющий власть, проявляет тенденции идентифицироваться с ней и смотреть на своих конкурентов как на врагов, которых надо элиминировать самым совершенным способом в демократических обществах и самым примитивным в диктатурах.

Потому что человеческая природа никак не изменилась и люди сегодня, которые не уважают власть, имеют подобную психологическую основу как эти в прошлом, они все меньше подготовлены встретить растящие провокации будущего.

Не надо забывать, что борьба за власть становится все более рафинированной из-за наличия масмедией, которые правительства и напитки все меньше контролируют.

Многие люди думают, что эта автономность в конце концов заставит политиков стать больше патриотами и меньше коррумпированными, потому что когда коррупция открыта, этот политик теряет общественное доверие и не может продолжать заблуждать электората.

Так как явная полиция не может элиминировать преступность вполне, а только отчасти, и контроль со

стороны масмедий недостаточна и помогает только раскрыть част коррупци, но не и выгнать всех коррумпированных правителей.

Чтобы упражнять контроль на масмедии, политику нужны советники по печати, которые будут заботиться об его имидже и контраатаковать или атаковать противников (во власти либо вне ее). При этом положении борьба за власть в демократичных обществах становится все более техничной, с участием профессионалов, чья задача создавать или разрушать образы, независимо от того служат ли себя правдой или нет.

Истина в политике то, что интересуется меньше всего. То, что самое важное, кажущаяся правда. Тот, кто успеет поддерживать ее, хороший или плохой, имеет шансы на подъем больше остальными конкурентами, и поэтому профессионалы, способные творить или разрушать образы, оцениваются все выше в обществе.

В борьбе за власть то, которое меньше видно, это качество сделанных общественных услуг. Самое важное создать впечатление, что обслуживается общество. Но тот, кто думает, что стремление к власти предполагает единственно эту борьбу (а они все, действующие на „выбранном“ политическом поприще, такие), мало подготовлен, чтобы понять будущие провокации, как уже сказал.

Правда та, что не может вериться человеку на власть. Борьба за эту власть его цель, а не служба обществу; его цель — владеть обществом. Очень часто он не имеет никаких угрызений совести и использует коррупцию как самое обыкновенное средство приобрести деньги, которые обеспечивают ему привольную жизнь. Один из способов получить эти средства — политические кампании. Человек, имеющий власть, пугается печатью больше чем электоратом, и подготавливается для войны, с помощью которой уничтожить своего противника. Так действовали всегда и будут действовать люди, имеющие власть.

8.2. ПРОВАЛ ОБЩЕСТВЕННЫХ УСЛУГ

Общественные услуги плохие, потому что правительства коррумпированные. Во всем мире. И все, без исключе-

ния. Качество правительств измеряется не наличием или отсутствием коррупции, а ее уровнем — более высоким или более низким.

Даже и самые некоррупцированные правители не успевают контролировать свою административную машину, в которой коррупция более сильная или ее нет, в зависимости тем, в какой степени правители успели контролировать своих подчиненных.

Коррупция проявляется в основном в двух направлениях: в стоимости государственного строительства и государственных услуг; и во фискализации действий, при которой загруженные этой деятельностью служащие не редко превращают принуждение, шантаж и искусственные формальности при продаже услуг в один очень прибыльный бизнес вне официальной экономики.

Кто входит в общественные услуги, должен иметь моральный облик, более совершенный обыкновенным. Если входит там, чтобы обслуживать граждан, должен быть готов сотрудничать обществу больше, чем налаживать ему непосильные расходы, с целью облагодетельствовать себя властью.

Государственный служащий должен служить обществу, а не кто-то, который использует общество для личной выгоды и консолидации своего поста.

Это мышление с Конфуция — отец бюрократии — до сегодня никогда не был господствовавшим среди „бюрократов“ и „политиков“. Конфуций твердил, что „бюрократ“ из-за то, что более культурен „политиками“, удовлетворяется мудростью, которая самое высшее благо человека и не интересуется тривиальностью материальных благ. Независимо от этого, именно интригам класса бюрократов приписывается братоубийственный период, который Китай пережил после конфуцианской эры, названная эра „Воюющих царств“.

Если правительства коррумпированные, если все государственные объекты и услуги более дорогие, чтобы покрыть не только стоимость услуги и объекта, но и стоимость коррупции; если правители более заботятся о своей власти и своих деньгах, чем об этом служить обществу, тогда вопрос такой: как общественные услуги могут иметь качество? Как может ответить растящим нуждам одного общества, которое разочарованное результатами управления, ес-

ли качество человеческого материала, упражняющий власть, так низкое?

С другой стороны, демонтаж структур коррупции не так легкий. Конкуренция в государственных службах или свободное состязание на торгах пользует всегда тех, которые коррумпируют самым эффективным способом. Есть торги, на которых предварительно исключаются самые добрые конкуренты. Есть споразумений между конкурентами, телеуправляемые администраторами, относительно оплачивания, которые включают в первоначальной цене объектов дополнительные средства для вознаграждения „бюрократов“ и „политиков“. Такие именно „административные договоры“ повышают цену общественных расходов, которые лежат на спине налогоплательщика. Так, что хотя необходимость от присутствия государства становится все более чувствительной, чтобы заполнять пустоты в обществе, ее способность присутствовать в нем ограничивается до большой степени благодаря силе коррупции.

Проучвания и раскрытия, сделанные в прессе, служат каким-то образом для противотяжести и ограничивают по крайней мере самые фразантные отклонения, но не могут охватить больше маленькой частью случаев коррупции в институтах всех стран.

То самое относится для налоговых служб, в которых коррупция очень часто возникает по инициативе налогоплательщика, который под угрозой, что понесет тяжелые санкции со стороны власти, предпочитает дать подкуп и избежать санкций. Иногда она становится плодом самого бессовестного принуждения: граждане просто являются преследованными целой сетью полицейских или наглых налоговых служащих и это явление всемирно.

Этим способом уже ясно, что не легко улучшить качество общественных услуг, без не повышения качества людей, которые их делают. А это качество, независимо от теоретичной дискуссии о принципе общественной морали — так прокламированная Гарион, предполагает перемена самой человеческой природы.

Правда та, что в растящем кризисе, в котором человечество живет, уже невозможно существовать у коррумпированной власти. Если в прошлом самое устройство одного элитарного общества, привыкшее к модели коррумпированной власти и одна примиренная масса поз-

воляли переживание таким образом, сегодня это невозможно, потому что ни народы примиряются, ни элиты командуют так, как прежде. Или человек, имеющий власть, променит свою эгоистическую и властную природу и станет более солидарным, или его неспособность обслуживать общество углубит кризис до небыванных сегодняшними людьми размеров.

8.3. ОТСУТСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ДЛЯ ВЛАСТВОВАНИЯ

В моей книге „Правовое государство и государственное право“, опубликованная в 1977 году, я попробовал формулировать одну теорию о равновесии между правом гражданина и этим — государства, которые вместе создают достаточную безопасность для развития экономики и социального мира. Предложил тогда опыт, который я сам приложил на практику когда, по приглашению депутата Рауля Пилла и сенатора Мена да Са, согласился участвовать в конкурсе для выбора председателя городского руководства Партии Освободителей.

После моего избрания, создал одну школу для политических знаний, в которой преподавали самые известные интеллектуальцы партии. Школу посещали все члены и кандидат-члены, а кандидаты для выборных листов были должны положить экзамен для проверки уровня их знаний, их привязанности к идеям ПО.

Будущий губернатор Сао Пауло, Абреу Сорге, который тогда был председателем другой партии (ВДС), даже подшучивал надо мной и твердил, что я хочу создать академию, а не политическую партию.

Результаты были изумительные. С абсолютно неизвестными, но подготовленными кандидатами, во время когда бесплатное время, по телевидению было в живых, наш лист представился лучше по телевидению, занял третье место по числу голосов в Общинской камере и обогнал СДП Жуселина Кубичека и БТП Жанга Гуларта. Было год 1963.

Революция и Конституционный акт No 2 прекратили этот обещающий эксперимент и сделали так, что я отказался от политики и вернулся к академической мысли и к университетской жизни.

В своей книге, имея в виду ограниченный опыт, я предложил создание одной Правительственной школы, финансируемую государством. Школа должна была иметь три уровня: первичное — для участия в общинских выборах, основное — для участия в штатских выборах, и высшее — для федеральных выборов. Никто не кандидатировался без, прежде того, пройти через школу, выключая те, которые уже занимают выборные должности. Предметы, которые изучались, были Этика, Право, Экономика, Социология, Политика, Философия, Законодательная техника, Государственная администрация и т.д. Школа должна была быть бесплатной для обучаемых в ней.

Идея была подготовить наши неподготовленные политики, которые в своем большинстве имеют ограниченный взгляд (больше в региональном, если не только в окружном масштабе) на кардинальные проблемы.

Подобный опыт (и тоже оставленный без последствий) сделал и посол Индии в ООН Артур Лахал, в одном проекте, распространенном Британской энциклопедией (The Great Ideas) под заглавием „Towards a World University“.

Цель была создать Технический университет всего мира, который был должен раскрыть проблемы, идущие в будущем и формировать людей, способные в моменте кризиса принять ответственные функции для интегрированных действий специалистов разных стран, поддерживая мирового общества, когда политики не будут в состоянии справиться переходом к одной новой, незнакомой фазе развития мира.

Что-то подобное было сделано и в Швеции, где правительство создало один „Секретариат Будущего“, чьи члены занимались исключительно прогнозами на будущее и предложением возможных решений.

Эта мера была поздравлена со стороны „Worldwatch Institute“.

Не помню в его 20-летней истории другого случая, который был так превознесенным прессой, если не ликвидировали уже и этот Секретариат.

Эти мои мышления порождены фактом, что то, которое самое очевидное у людей, стремящихся к власти, их неподготовленность. Их отсутствие глобального взгляда на проблемы. Их отсутствие творческого воображения. Их единственное стремление к властвованию и это, что

Всущность их советники решают проблемы народа и общества.

Не надо забывать, что поведение политического сословия, с другой стороны, раскрывает на много больше этим, что масмедии хотят и нередко получается манипуляция прессы со стороны этих, которые притекают ее, и поэтому отсутствие подготовки и убеждений делает искусство и наука управлять еще более трудными.

Верно то, что в демократичных государствах пресса и судебная власть очень ловко останавливают дурачества правителей. Но и две упомянутые власти в основном останавливающие, а не созидательные. Судебная власть, как типичный негативный законодатель, мешает развитию неконституционных норм, но не может рождать законы. Власть, которую пресса упражняет, больше раскрывает, чем формирует, она больше полиция, чем катализатор каких-нибудь новых проектов для развития страны.

Потому что, по моему мнению, кризис будущего будет требовать незнакомых до сих пор структур мышления и творческих решений, потому что не похожий на циклично повторяющихся, думать политически с категориями прошлого означало бы увеличить еще больше расстояние между проблемой и ее решением. Я убежден, что политики всего мира, которые на моменте не знают достижения академической мысли, не в состоянии преодолеть этот неизвестный до сих пор кризис и это, как я думаю, делает провокация будущего еще более огромной.

8.4. УНИВЕРСИТЕТ

Университет эволюировал много. С первых высших школ, созданы в начале тысячелетия и в которых Католическая церковь играла значительную роль (чей обязана и систематизация широкоохватного образования), до сих пор эволюция фантастическая. Она более сильная в области точных и естественных наук, чем в гуманитарных и общественных, но так или иначе, эволюция первых отражается и вторым.

Эволюция точных наук исключительна и ее порыв необратим. Люди чувствуются все более разьединненными, потому что многие из них не успе-

вают приспособиться к рифму, наложенному этой эволюцией и автоматически становятся маргинализированными.

Кто посещает университет, получает доступ до этой эволюции и участвует в ней так активно, что сегодняшние студенты, особенно эти в самых развитых университетах, на много более подготовленные и имеют больше знаний по специальности, чем прежние поколения.

Следовательно, университеты в области точных наук подготавливают почву для постоянного прогресса при помощи все лучших кадров и так влияют на весь индустриальный процесс, имея в виду факт, что сегодня связь университет — производство, реальная действительность во всем мире. Благодаря эволюции техники машина заменила человека и проблемы непригодности и безработицы этого человека стали еще более очевидными.

Не можем сказать, Впрочем, что эволюция гуманитарных и социальных наук тоже так исключительна.

В области Права, например, которое является наукой общественного сожительства и занимается применением принципов всех остальных наук, основы Естественного права те самые (и так надо быть) со времени происхождения человека. Эволюцию есть только в Позитивном праве со времени документированной истории до сих пор. Речь идет о Кодексах Шулдж, Липжт-Иштар, Гамураби, законах Дракона и Слона до Римского права и современного Конституционного права.

Другими словами, Право, Экономика, Политика и Философия, особенно после греков и римлянов, эволюировали совсем немного. Это относится особенно для Политических наук и, в частности, для Георгии Власти, в которой почти ничего не изменилось в последних двух веках, в области властвования и самой человеческой природы, независимо от факта, что сегодняшняя демократия более широка афинской.

Так что развитию точных наук, чьи исследования все более успешные в раскрытии новых познаний, не отвечает та самая степень развития общественных наук. Насилие войн, в расцвете 20 века, включая и эти в 90 годов, бесспорно доказательство о том, что борьба за власть так дикая, как была и во время появления человека на Земле и

что наука, которая ее изучает, мало приложимая в практике политической игры.

Это оставание общественных наук, которые, из-за того, что их объект человеческая природа, сталкиваются собственными недостатками, один дестабилизирующий фактор, имея в виду, что нарастающее число дипломатов университетов находят все меньшее поле для приложения своих потенциальных возможностей.

Стеснение пространства, предназначено для одной более широкой группы квалифицированных людей и расхождение, получившееся между эволюцией точных наук и этой общественных наук, как и столкновение между университетской академичностью и критической борьбой за переживание, ведет до ожесточенной битвы за сохранение периметров, во что бы то ни стало, на базе принципа, что все является оправданным, когда надо сохранить завоеванное пространство. Тогда эгоизм и мелочность, типичные для человеческой природы, побеждают высшие идеалы университета; идеалы, которые были самым большим акцентом во всем высшем образовании в первых трех веках тысячелетия. В то время, учиться в университете стоило больше, чем иметь власть. Особенно если речь идет о первых крупных университетах (Париж, Саламанка, Прага, Коимбра и др.), потому что доступ до власти зависел в большой степени от знаний, которые только университет мог бы обеспечить.

Сегодня, университет зависит от власти и от борьбы за жизненное пространство — внутри и вне его, снижает академический дух по сравнению с научными достижениями университета, и превращает тенденция работать для собственного благополучия в грустную характеристику наших дней.

Интеграция университет-правительство сегодня все труднее замечается, независимо от того, что нарастает число университетских кадров, которые смотрят на власть именно потому что чувствуются самими подготовленными для политической карьеры.

У меня впечатление, что университет 20-ого века с одной стороны раскрывает новые пространства человеческой дейности, но с другой стесняет все больше его участие в процессе эволюции. Это противоречие поражает борьбу за сохраненные периметры и броса-

ние вне борта тех, которые не успели их завоевать, т.е. углубление политического вопроса. Действительно, если те, которые успели завоевать пространство, заняты исключительно этим, как сохранить его, не обращают больше внимания на колоссальные проблемы, и таким образом все больше уменьшается влияние университета и его членов на взятие самых рациональных решений.

8.5. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРЕССА И ОДРЯХЛЕННОЕ ПРАВО

В демократичных режимах, судебная власть и пресса две большие основы, которые обеспечивают общества против своеволий политической власти (законодательная и исполнительная). Первая из них является сторожем Конституции и закона. Она предохраняет злоупотреблениями со стороны политиков и неконституционными нормами, произведенные другими властями. Вторая контролирует действия как политических властей, так и общества.

Без независимой судебной власти и без свободной прессы нет демократии.

Оказывается, с другой стороны, что Право не идет вместе с технологической эволюцией в мире. Многие профессионалы в этой области работают категориями и понятиями прошлого, без даже понимать сколько они неадекватны настоящей фактической реальности и еще больше будущему. Поэтому, становится более трудным пригнать нужды будущего общества к постарелым юридическим нормам.

Илие Пригожини, Нобелевский лауреат Химии, обратил внимание еще в прошлом на одно любопытное явление — переналаживание химических веществ в случаях, когда структура элементов не в состоянии ответить провокациям природы, при которых прежние соединения превращаются в новые, адекватные.

Выходя из технического языка, идея та, что даже в Биологии борьба за адаптацию к окружающей среде единая константа для жизни, как явление.

С другой стороны, корпоративизм во власти, которая борется за свои права быть содержанной обществом (хотя, что получает все больше, а дает обществу все мень-

ше), еще одно проявление одряхленного Права, которое затрудняет государство и общество, чтобы они противопоставились одному столкновению, которое не имеет будущее.

Хотя что судебная власть — это одна демократичная власть, которая заботится об охране судебного порядка, ее затруднение как негативный законодатель в том, что принуждается защищать одряхленное Право всегда, когда политические власти не готовы изменить его.

Даже когда убеждена в неадекватности закона по отношении действительности, судебная власть не может его изменять так, как хочет, и поэтому очень часто является сторожем одного постарелого порядка.

Со своей стороны, пресса, которая занимается новостью (всущности, точно новость та, которая отличает Прессы от обыкновенной жизни), всегда, когда становится свидетелем явлений из-за архаичности Права, предпочитает подчеркнуть прежде всего факт, а не его решения. Очень часто делается это во имя сенсации и поэтому принятие решения еще более трудное, из-за способности Прессы, в процессе информирования — формировать, деформировать, примирять или мешать решениями.

Так, например, если 100 священники работают точно согласно предписаниям Римской Апостолической Церкви, а один среди них — нет, то эти 100 не являются никакой новостью, но тот, единственный, превращается в пятно за целую церковь, как будто он самый автентичный ее представитель. Нормальная жизнь не новость; новость, это экстравагантный факт.

Кроме этого, корпоративизм власти шумит немало по вопросу о сохранении своих привилегий, как будто они приобретенные права в ущерб обществу (по моему мнению, не могут существовать права, приобретенные государственным служащим в ущерб обществу) и его постоянная борьба против всяких форм сокращения государственной машины во всех странах — чтобы общество нарастало, а государство уменьшалось — создает такой мощный корпоративный дух, что общество становится им рабом. Его власть создавать Право, которое благодетельствует его, и потом твердить, что это его приобретенное и неотменное право, фантастическая.

Цена всякой государственной администрации, прямая или косвенная, формируется приобретенными правами для личного блага при помощи законодательства и, очень часто, общество похожее крепостным крестьянам, работающие только чтобы содержать своих феодалов. В 20-ом веке эти „феодалы“ корпорации государственных служащих, которые служат больше себе, чем обществу.

Очевидно, что права должны иметь финансовое покрытие, которое гарантирует их, и когда права больше, чем средства, возникает кризис и проблемы углубляются; бюрократия и политики крепнут еще стабильнее во власти и делают так, что счет был оплаченным обществом, а не правителями. Так получается всегда во время кризиса.

Эта действительность проектирует в будущем еще более серьезные проблемы, потому что понимание фактов, которые корпоративисты еще не понимают, все еще не помогает избежать фатальности.

8.6. ОБЩЕСТВО X ТЕХНОКРАТИЯ

Последний аспект, который является следствием прежними, относится до столкновения между обществом и технократией, и я уже немножко говорил о нем в прежней главе.

Технократия, это специализированная бюрократия, профессиональная бюрократия. Не та, которая на пост из-за политических дружб или споразумений между политиками.

Есть два вида бюрократия, которые Альвин Тофлер в „Третья волна“ называет „участники во власти“, потому что политики могут потерять свой мандат, но бюрократы уходят только чтобы выйти на пенсию, или по своему желанию, или из-за смерти. Кроме этого, бюрократы заботятся о внутренней власти, о машине, пока политики заботятся о демагогской, внешней власти, которая ничего не стоит.

Дружеская бюрократия не самая опасная, хотя что самая коррумпированная. Кто входит в государственной администрации через окно, открытое другим, имеет низкий гражданский дух и обыкновенно хочет за

время, в котором занимает свой пост, увеличить максимально свое богатство за счет „res publica“ („общественные дела“) и возможностей с помощью этого упражнять влияние.

Эта бюрократия посвящает свое время на поиски связей, реализации законных и незаконных договоров именем правительства, а не на эффективную службу граждан и общества.

От этого вида бюрократии не можно ожидать многого. Они вечные лицемеры и их сила так большая сейчас, как была и во время Люи XIV-ого.

В странах без профессиональной бюрократии, эти бюрократы более важны специалистами, потому что последние, при отсутствии политического влияния, могут достичь, в идеальном случае, до начальника отдела, но никогда не получают руководных постов, пользуясь доверием и высокой ответственностью.

В моей книге „Новый класс бездельников“ употребляю выражение, чтобы определить этот вид бюрократия, используя представление Веблена, согласно которому предпринимательский класс в конце прошлого и в начале нашего века был бездельническим, в смысле традиции войн с п̄рвобытного общества, чье предпочитаемое занятие было война, а не труд.

Этот бездельнический класс, в странах президентской власти и без профессиональной бюрократии, никогда не служит народу или обществу, сколько бы ни стремился создать такое впечатление.

Бюрократы второго вида специалисты, те, которые входят в государственный аппарат при помощи конкурса и на много лучше подготовлены упражнять свою деятельность, чем политики.

В некоторых странах, включая, при составлении нисших эшелонов правительства (2-ой, 3-ий и т.д.) существует правило подбирать для более важных постов не личных друзей, а таких, которые будут иметь соответствующую подготовку, чтобы достичь последнего эшелона карьеры. И, очевидно, министр или государственный секретарь выберет среди бюрократов последнего эшелона тех, которые ближе к его политической идеологии.

Получается так, что технократия, т.е. бюрократия специалистов, находится далеко от общества. Это люди, которые самые компетентные, те, без которых государс-

тво не может. Люди, которые служат как опора управления политиков и которые, после требования правительства, чертают его стратегию.

Значение технократии так огромно, что правительства со самыми разными идеологиями очень часто используют специалистов других идеологий, из-за отсутствия собственных кадров.

Технократ, в многих случаях, далеко от общества. Более честный бюрократом-лицемером, он имеет предрассудки по отношению класса, который во главе предприятий, особенно в обществах с рыночной экономикой. Они считают себя людьми, обреченными заботиться об интересах общества и хотя, что часто не получают вознаграждения, которого заслуживают, они полны „патриотизмом“, какого не встречается у фабрикантов, чья забота их собственные интересы, а не эти Родины.

Когда этот вид технократия не коррумпирована, тогда полна предрассудками по отношению частной инициативы и ищет в ней больше дефекты, чем положительные качества; больше регрессивные планы, чем истинное развитие; больше преступников, чем гражданов.

Во всем мире законодательство, чья цель контролировать и фискализировать хозяйственных действий в обществе, создает по крайней мере большие тяжести и более слабую конкурентность из-за действий технократов. Они всегда упорствуют открыть в предприятиях в основном нечистые намерения и действия в ущерб общества и наций. Они не понимают, что разница между рыночными и руководенными экономики в том, что в последних идеалы лучше результатов, а в других, наоборот — результаты лучше идеалов, как хорошо замечает Роберто Кампос.

Правда та, что дружеская бюрократия несет больше коррупции, пока технократия, в своем стремлении управлять для блага общества, создает все больше проблемы сожительств — проблемы, которые чувствительность потомков не всегда способна открыть.

Всущности, элит общества, имея в виду наличия столько неадекватных структур, присоединяется в конце концов к игре симуляции, коррупции и очень часто делает это, чтобы противопоставиться конфискационным налоговым актам или репрессивным регулирующим актам в ущерб частной инициативы и социальной свободы.

Сегодня, независимо от впечатления для одного более широкого диалога между обществом и властью, между народом и бюрократами и политиками, расстояние между хорошим правительством, способное контролировать один оптимально составленный и не корпоративистичный аппарат, — и развитием становится все более долгим. При том власть бюрократов и технократов, имея в виду что они незаменимы как кадры, растет больше этой политиков, а вместе с этим растут и предрассудки этих кадров по отношению народа, который их содержит.

9

**ГОСУДАРСТВО
И СВОБОДА**

9.1. ПРИОБРЕТЕННЫЕ ПРАВА

Одна из добычей современной демократии гарантия свободы. Во всех конституциях демократичных стран, свобода считается одним из основных человеческих прав. Не идет речь только о принципе естественного права, которое некоторые позитивисты не считают юридическим problemom, а problemom философии права и, следовательно, позитивного права и юридический порядок не имеет основное значение, кроме если это право не упомянуто категорически.

В прошлом были споры, есть или нет права свободы и верно ли, что оно естественное право, стоящее над юридическим порядком. Процесс в Нюрнберге подтвердил вторую тенденцию, потому что союзный суд осудил нацистских лидеров не согласно приложенному ими праву, порожденное установленным юридическим порядком в их стране, а согласно несправедливости их позитивного права, которое не соотносилось основными человеческими правами, т.е. те права, которые государство должно только признавать, а не создавать. Как, например, и право жизни.

Потому что нарушали этот высший юридический порядок, преступления против человечества, сделанные во имя националсоциалистического гражданского права со стороны нацистских лидеров, заслужили свои приговоры. Победило, в случае, естественное право, потому что более справедливо несправедливым позитивным правом.

Среди основных естественных первичных прав находится и право свободы. После права жизни, оно самое желанное человеческим существом и демократическое государство должно его обеспечить. Впрочем, демократично только государство, которое обеспечивает вполне жизнь и свободу своих граждан.

В Бразильской конституции пятеро основные права такие: право жизни, безопасности, собственности, равенства и свободы (чл.5).

С другой стороны, гарантия свободы предполагает необходимое сожителство между индивидуальными и государственными правами: свобода индивидов быть обеспеченными во всех своих правах, включая и в тех, которые приобрели в течении своей жизни, на основе одного стабильного юридического порядка.

Другими словами, свобода жизни, которую государство должно обеспечить, предполагает соответствующий адекватный юридический режим, который включает и приобретенные во времени права, а также и стабильный законовый порядок.

Приобретенное право может создать трудности государства, когда такие права мешают управлению социального порядка.

Не без основания, Бразильская конституция обеспечила запрещение ретроактивности закона только в трех гипотезах (решенное дело, совершенный юридический акт и приобретенное право). Эти гипотезы могут приравняться до приобретенного права, потому что и решенное дело, и совершенный юридический акт достигают этой фигуры.

В одной бессмертной странице Порталиса, цитированной Висенте Рао, слово идет о приобретенном праве:

„Священность прошлого принцип, который базируется на самую природу человеческого существа, потому что, согласно мудрым словам Порталиса, „человек, занимающий едва одну точку во времени и в пространстве, был бы самым несчастным существом, если не был способным судить с надежностью лишь о своей прошлой жизни. Для этой части своего существования, разве не выносил все бремя судьбы? Прошлое может оставить горький вкус, но не заканчивает все сомнения. В природе только будущее ненадежное и та самая ненадежность смягченная надеждой, эта верная подруга наших слабостей. Означало бы обременить грустное положение человечества, если кому-то пришлось в голову изменить, при помощи законодательной системы, систему природы, искажая, за время, которое уже прошло, пережить снова наши боли, не восстанавливая и наши надежды“ („Право жизни и жизнь прав“, III книга, том I, изд. Резеня Трибутария, 1977, с. 355).

Оказывается, что понятие „приобретенное право“ причинило государствам серьезные административные проблемы. Во Франции, стачка в 1995 году была из-за настаивания правительства отменить приобретенные права на пенсию. Европейские государства фальсифицировали по причине приобретенных прав в области Обеспечивания и Социального дела. Все больше людей приобретают эти права, которые должны быть

гарантированными государством, но оно имеет все меньше средств, чтобы сделать это.

Вопрос, который ставится так — что такое приобретенное право, т.е., какое приобретенное право может считаться таким в ущерб государству, и какое — нет.

Имели ли бы тогда государственные служащие приобретенные права в ущерб государству, которые оно должно гарантировать? Или тогда общество пользовалось бы приобретенным правом быть обслуживанным государственными служащими в одном демократичном государстве, а не наоборот? Существует ли приобретенное право привилегий? Если правители, по силу этого имеют приобретенное право в ущерб обществу, почему тогда принимают так много законов на пользу их самих?

Один современный конституционный порядок может ли утвердить подобное рассуждение и должен ли?

В действительности, приобретенные права должны быть рассмотренными снова в рамках тезиса этих прав гарантировать общество против власти, а не гарантировать власть против общества. Приобретенные права, которые государство обеспечивает в интерес государственных служащих, не должны быть в ущерб обществу.

Государство, чтобы обеспечить приобретенные права, должно иметь структуру и всегда, когда эти права следствием злоупотребления властью, должно рассматривать их снова, хотя что правительства никогда не делают это, имея в виду неприятностей, которые могли бы иметь со стороны функционального корпоративизма.

Я убежден, что излишество прав, созданные государством для управляющих и управляемых может, из-за отсутствия средств, сделать их несостоятельными. Это обязывает понимать хорошо справедливые лимиты этих прав.

Современное государство пропагандирует с помощью своих управляющих, что наличие этих прав гарантирует свободу. С другой стороны, она не имеет средства сделать это. Получается так, что свобода слова, протеста и открытого выражения недовольства становятся такими большими, сколько больше государство претендует, что будет обеспечить их, но не успевает.

Норберто Боббио в своей книге „Эра прав“ твердит, что все знают, каковы основные человеческие права в кон-

це 20-ого века, но мало те, которые знают, как государство может их гарантировать.

Если власть должна гарантировать свободу в одном демократическом режиме и если приобретенные права больше, чем способность государства сохранять их, то самая свобода поставлена под вопросом, потому что легче для того, который имеет власть, отнимать права того, который не имеет, особенно когда требования последнего не могут быть удовлетворенными со стороны управляющего.

9.2. ОТСУТСТВИЕ ГАРАНТИИ

В результате приобретенных прав, рассмотренные в прежнем разделе, возникает более важный вопрос, каковы следующие после прав гарантии, которые могут быть обеспеченными только государством.

Почти все конституционные тексты занимаются понятиями индивидуальные и коллективные права, и ими гарантиями.

Право выражается легко. Но иметь право все еще не означает, что следует гарантия. Она может быть предоставленной только государством, а это предполагает наличие трех элементов, которые ее составляют: народ, территория и власть.

Нет государства без народа, без территории — тоже, а власть та сила, которая распределяет управление народа на определенную территорию.

Именно поэтому правительства в изгнании не признанные, потому что не имеют народа и территории.

Чтобы смогло государство гарантировать права, кроме власти и силы, должно иметь и средства, потому что одно сказанное в Конституции право все еще не предполагает и соответствующую гарантию о нем, если не обеспечен способ реализации этой гарантии.

Большая часть конституционалистов и современных конституционных систем решают дилемму между более широкими правами и более низкими гарантиями об их реализации, заявляя, что права без соответствующих гарантий относятся до программных принципов, т.е. до тех принципов, которые составляют правительственные программы и будут задействованными тогда, когда есть условия об этом.

Этим способом много из конституционно гарантированных прав в разных странах гарантированы для будущего, когда условия сделают возможной их реализацию, а не для настоящего. Так правительство и конституционалисты спят спокойно, а права обеспеченные для одного неясного будущего, но не и в ясном настоящем.

Общество борется, чтобы эти програмные принципы не служили только для академических размышлений и очень часто это отсутствие прямой связи между правами и гарантиями элиминируется отмечанием гарантии во верховном тексте. Так в случае с § 1 от чл. 5 Бразильской конституции, в котором написано:

„Нормы, определяющие основные права и гарантии, имеют прямое приложение.“

Мир фактов формирует право, а не право мир — фактов. Право или присущее самому человеку, который его единственный создатель (даже когда относится до юридических институций, право всегда касается физических лиц, которые их составляют или руководят), или созданное людьми, чтобы жить вместе в обществе, и при этом его присвоение или самоприсвоение должно отвечать действительности.

Когда право отдаляется действительностью, то право, которое государство может создать, становится трудным для соблюдения. По этой причине, даже когда некоторые тексты закона твердят, что все включенные в закон и в Конституции права непосредственно применимые, это тверждение ничего не стоит и права становятся применимыми когда есть условия об этом, и неприменимыми, если условия отсутствуют.

Ничем не помагают борьба идей против фактов, ни, с другой стороны, верна олимпийская фраза Гегеля, который в споре с одним из своих учеников, твердящим, что между ими тезисами и действительностью, т.е. между идеями и фактами есть целую пропасть, ответил „тем хуже для фактов“. Всегда, когда идеи не подходят природе, тем хуже для идей.

В этой связи, Бразильская конституция, независимо от сказанного в § 1, чл. 5, продолжает гарантировать меньше того, которое предлагает и продолжает содержать многочисленных програмных прав, обусловленные во времени из-за создания условий для их приложения.

Веймарская конституция в Германии и Португальская конституция с 1976 года тоже предлагали больше прав, чем гарантий, и разочарование в результате наличия гарантированных прав без обеспеченных гарантий было так большим, что в Германии гиперинфляция в 1923 году была следствием и этого расхождения, а Португальская конституция была ревизованной в 1982 году и в конце 80 годов, чтобы адаптироваться к действительности.

Впрочем во время, когда есть больше права, чем гарантии, государство должно позаботиться об обеспечении основных прав, а не предлагать еще и больше, чем может дать, потому что иначе ограничивает свободу народов. Они начинают борьбу во имя невозможных, но обещанных прав, потом следуют рестриктивные реакции, которые могут спровоцировать институционные крушения.

9.3. СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Индивидуальная свобода предполагает уважение свободы других. Она не может содержать остатков нетерпимости. Не имеет императивных элементов и не терпит безответственности.

Потому что она естественное право, ее полноправное действие зависит от равновесия между государством, которое ее гарантирует, и обществом, которое переживает ее, т.е. между управляемыми и правителями.

На Острове Утопия, это понятие, о котором говорит Рафаэль в своих путешествиях, связывается отказом от поверхностных материальных благ и привязанностью к духовным благам, которые позволяют безмятежное сожительство народа. Мор идеализирует ее и всущности определяет, что это полная свобода.

Свобода предполагает зрелость и культуру. Это, которое ограничивает ее эгоизм и невежество.

Йоханес Меснер, Хавиер Ервада, Мигель Исхиердо, Мишель Вилий, Рафаэль Гомес Перес, Жозе Педро Галвао де Соза и многие другие юрист-натуралисты, которые не используют естественное право во всех филиалах произведенного позитивного права, а только в этом основных прав, связывают свободу — это основное право, с ответственным

ностью быть упражняемой. Нет истинной свободы без ответственности.

С другой стороны, современный мир все еще теоретизирует абсолютную свободу и является свидетелем или ее брутального утапывания, или неприемливого преследования всех, которые думают иначе, считаемыми себя хозяевами истины, или проявлений полной анархии, которая тоже не имеет ничего общего с ответственной свободой.

Мир, который теоретизирует свободу, но безответственный, когда ее упражняет, практикует разных прямых или косвенных форм для ее ограничивания. И демократичные правительства, во имя гарантированной свободы, очень часто вызывают свое собственное разрушение, потому что не различают свободу слова от больше или меньше насильственного наложения идей, со стороны меньшинственных групп, на все общество.

Во имя обеспеченных свобод, братства и равенства, Франция пережила свой самый драматичный период террора только три года после падения Бастилии, когда был свержен Люи XIV и был начат режим без законов и порядка, который в конце концов уничтожил и самых идеологов Французской революции.

Сегодня группы, которые сильнее кричат за право свободы слова, используют чаще насилие в своем стремлении наложить свои идеи.

Фидель Кастро гарантировал, что кубинская демократия не нуждается общими выборами с участием оппозиционных партий, потому что все кубинцы убеждены, что его правительство было лучшим и поэтому они имели свободу консенсуса, т.е. свободу думать, как свой лидер. А все те, которые поставляют под вопросом официальное толкование, должны быть изолированными или наказанными смертью.

В Бразилии, Движение „неимущих крестьян“, которое чисто политическое движение, манипулирует трудовое крестьянство и вместо нажимать на правительства, чтобы те дали этим крестьянам государственные земли или непродуктивные площади, ищет конфронтацию: занимает незаконно производительную землю, использует насилие, не уважает права и суда и считается жертвой, когда реакция порожденная этим насилием,

тоже переходит границу, в стремлении власти водворить порядок.

Для таких людей, которые не уважают институций и практикуют нелегальное нашествие на чужую собственность, свобода состоит в том — провоцировать государство и закон и заставлять правительства подчиняться на их нажим.

Группы гомосексуалистов, атеистов и социальных неудачников считают, что свобода слова предполагает их право налагать свой деформированный способ понимания Сотворения и Созидания. Они упражняют нажим на правительства и прессу давать гласность их идей, так что все общество присоединилось к их нестандартному образу жизни.

Партии, которые базируются на марксистские теории, не принимающие другую свободу кроме этой, что все должны думать как Маркс, упражняют нажим на общество, не чтобы занять свое место в рамках многопартийного пространства, где царит взаимное уважение, а чтобы завоевать это пространство только для себя. Они считаются хозяевами правды, и поэтому все остальные должны быть элиминированными, или приобщенными в зависимости этим, сильные ли они, или слабые.

Вот так сегодняшний мир теоретизирует свободу, но практически упражняет самую плохую диктатуру — диктатура лозунгов, искаженных прессой фактов, неуважения чужого права, физического и психического насилия против тех, которые думают иначе. Как и во время Французской революции говорится о свободе, но думается об налаживании абсолютным способом идеалов групп, чье средство нажим. Правительства, в основном, пленники этой безответственности, которая невероятным образом мешает жизни общества.

Желая гарантировать свободу — самый высший символ демократии, но в то время позволяя во имя свободы всякие формы протеста и неуважения чужих прав, государство идет к провалу. Неспособное гарантировать права, государство вызывает все более энергичные протесты со стороны оскорбленных, которые используют свободу критиковать его. Дилемма государства жестока: чем больше гарантирует свободу, тем больше пораждает безответственность и чем больше ограничивает ее, тем более оно

недемократично. Как гарантировать свободу как синоним ответственности, а не как причина протестов? В политической науке все еще не сформулирован ответ этого вопроса.

9.4. СВОБОДА И ЦЕННОСТИ

Философы и юрист-натуралисты, которые занимаются естественным правом свободы, знают, что невозможно реализовать это право без ценностей. Свобода без ценностей поражает эгоизм без границ, а это значит, что создает, внутренне, у людей, которые хотят пользоваться ее, корни их собственного разрушения.

Это относится и для целой общности.

Анализ воспитания в историческом плане показал, что ценности, оглашенные с убеждением, успевают формировать облик истинных людей, а отсутствие ценностей в образовании молодежи создает плохих граждан, плохих родителей и плохих членов общества, потому что образование не имеет деонтологическую базу, которая может ориентировать молодых людей в упражнении их свободы.

Ценности, в самом широком смысле, должны быть преподаваемыми еще с первых лет школы, потому что тогда формируется личность.

Именно в первых лет обучения — чтобы понять точные размеры свободы, — люди пользуются ограниченной со стороны более опытных собственной свободой. Дети ограничиваются родителями, чтобы избежать отклонений. Ученики ограничиваются учителями, чтобы корректировать тенденции.

Драматичный английский опыт, который послужил для основы книги „Свобода без страха“ в 60-тых годов, оказался фантастическим провалом. Пара Ганс и Майкл Айзенк, в их книге „Поведение“, сравнивают при помощи статистических данных граждан, сформированные в продолжение 20 лет, прежнюю образовательную систему с этими, которые продукты традиционного образования, где порядок постановляется, чтобы оценилась свобода. Были открытыми несравненно более крупные отклонения, ожидаемыми по отношению адаптивирования в обществе.

Самое любопытное то, что дети, оставлены свободно своим инстинктам, без репрессии, стали невоздержными и более агрессивными, хотя что в этих школах было специальное запрещение индуцировать насилие даже и под формой военных игр.

Оказывается, что свобода, данная неподготовленному, всегда пользуется плохо и свобода без деонтологического якоря превращается в свободу без ценностей.

Все страны, куда образование базируется на учебные предметы, поддерживающие этики и моральных ценностей, формируют более способные упражнять свою свободу людей и более справедливые общества. В таких странах полученная таким образом свобода упражняется с уважением каждого отдельного к всем остальным компонентам общества.

Что относится до стран, где мораль не имеет первостепенное значение и в результате этого право свободы не предполагает и обязанность быть ответственным, пользование свободы становится господством более сильного на более слабого, бессовестного на лояльного, политика-демагога на честного политика и так далее во всех человеческих дейностях.

Мир 20-ого века проявляется как мир без ценностей. Газеты интересуются больше комментированием гнилой стороны человечества, чем здоровой и честной стороной. Добродетели заклеены как проявления консерватизма. Сохранение ценностей, как например семья, лояльность и безкорыстие, принимается за пуританство, которое уже не имеет места в современном мире. Внутреутробное убийство (аборт), изневера, гомосексуализм, самореализация любой ценой, потребительство, стремление воспользоваться хорошими вещами в жизни даже за счет других, разъединение семьи, демагогский политический карьеризм, распущенный секс, называемый „пестрая дружба“ или „делать любовь“, как будто человек скотина, свинья или насекомое, занимают все более широкое место в газетах. Человеческое любопытство является щекотанным, чтобы стремилось к испорченному, к отклонениям людей с правильной дороги, к интимной жизни других, к общественным и личным скандалам, к насилию во всех формах.

Всущности, в одном мире, который, стимулированный и масмедиями, на стороне самого отвратительного из

облика человечества и считает „пуританством“ защиту вечных, оформляющих человеческую природу ценностей, в таком мире свобода слова, жизни и уважения права другого превращается в одну боленотворную, корозирующую свободу, которая не раждает ценностей, способные облегчить общества выбрать своих правителей, ни правителей, которые лучше упражняют свою обязанность управлять.

Государство 20-ого века сеет свободу без ценностей, отвращается свободой ценностей, ужасается фактом, что люди без морали режут ветвь, на которую селят все, но не может противопоставиться этой инерцией, которая во имя безграничной свободы порождает самую плохую диктатуру — неэтичная свобода.

9.5. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИ ПОМОЩИ САМОЗАЩИТЫ

Фалит государства, которое, желая гарантировать безответственную свободу, затрудняет самого себя при гарантировании общественной безопасности и всущности, плохо заботится об обществе, стимулирует системы для самозащиты, которые не проходят через дороги редовных правительственных сил.

Общество не верит государству-сторожу, ни ей способностям.

Одна из характеристики редовных сил, предназначенные охранять внутренний порядок, высокая степень коррупции среди них.

Полицейские получают очень низкие доходы. Должны рисковать свою жизнь за общество, но не имеют соответствующего признания. Поэтому им легко поддаваться коррупции. Нажимают больше, когда закрывают свои глаза, а не когда открывают их, и кроме того в первом случае рискуют на много меньше. Это всемирное явление.

Когда бразильская армия, в конце 1994 года, взяла контроль на борьбу против наркотрафика в штате Рио, средства массовой коммуникации сообщили, что один полицейский отряд был завербленным наркотрафикантов, а их начальник, чтобы смягчить информацию, сказал, что только половина коррумпированная!

Констатация впечатлила всех телезрителей, раскрывая грустную правду, что кроме того, что органы безопасности недостаточны как количество, как качество они под всякой критикой и окончательно зараженные коррупцией.

После убеждения, что органы безопасности неэффективные, общество вооружается, чтобы предохраниться злодеями, создает собственные органы безопасности.

Формирования параллельных корпусов для самозащитой (некоторые оторизированные государством) прибавляет элемент дестабилизации и публичные признания о провале государственного аппарата, потому что не уважает правосудие, которое в компетенции только государства — с полицейского следствия до судебного дела, — и дает его функции частным селекционированным корпусам, которые не имеют взгляда на общественный интерес.

С другой стороны, открывает путь произволов, потому что эти корпусы лучше оплачены редовной гражданской и военной полицией. Контроль на эти группирования становится все более трудным вместе с нарастанием их числа и государство все чаще абдикирует от своего неотменимого права обеспечивать эффективную и своевременную государственную безопасность.

Не надо забывать, что такие параллельные силы вызывают реакцию движений для защиты человеческих прав — отчасти вполне резонно, что относится до чрезмерного насилия, в котором участвуют и редовные силы порядка -, но с другой стороны, эти движения эксплуатируют единственно левые политические убеждения и твердят, что подобные группирования оплачены ненавистным капитализмом и что все насилие против преступников не оправданное. Это экзальтация фигуры преступника, как будто он монополист насилия, экзальтированное этими группами.

В этих группах не включаю „Амнести интернешенел“, куда членую, потому что она определенно непартийная организация и ее одиноственные цели еграницить максимально насилие государства против отдельного гражданина, не прокламируя иммунитет злодея, а желая единственно справедливого суда.

Между этими параллельными силами — редовные или нет, — возникают конфликты и это ведет до дестабили-

зации институций всегда, когда они переходят границы репрессий, которые самое государство прилагает.

Правда та, что одна демократия, которая должна базироваться на свободе и безопасности, на терпимости и уважении прав других, поставлена под вопросом, когда надежность со стороны государства недостаточна. Безопасность частного сектора нестабильная, а ненадежность отдельного гражданина абсолютная, как показывают всемирные статистики по отношению нарастающего насилия в больших городах всего мира.

Когда государство ошибается, общество заполняет вакуум во власти и берется за ответственности государственных органов. Это, со своей стороны, вызывает все более сильную реакцию со стороны разных радикальных группирований и в конце концов, гарантия свободы и правовых судебных процедур очень часто жертвована во имя одного правосудия, совершенное собственными руками, а это еще более огромный источник несправедливости.

Государство 20-ого века, накануне 21-ого, одно государство, которое терпит полный провал, что относится до общественной безопасности.

9.6. ЧТО ЭТО ДЕМОКРАТИЯ?

Когда Аристотель определил как самую плохую среди самых хороших форм управления эту, которую он назвал „полиция“, и самую хорошую из самых плохих форм „демократия“, согласно Норберто Боббио в его „Теория о формах управления“, сделал это на основу одной констатации. В „полиции“, правительство большинства обращается к интересам „полис“-а, с помощью „налаживания магистратур“ или „конституирования правительств“, заботившиеся забоченные об интересах общества, чье имя по гречески „полития“, т.е. „таксис тон архон“.

В „Этика Никомане“, Аристотель поясняет, что полиция (институция) должна быть всущности „тимократия“ (правительство народной воли), но занимающееся интересами „полис“-а больше, чем эгоистичным интересом народа, пока при „демократии“ (правительство народа) эта народная воля становится проявлением

преобладающих более мелких интересов общности над более высшими интересами города.

Заслуга Аристотеля в том, что теоретизировал меньше по вопросам форм и структур правительств и размышлял больше о человеческой природе власти, и поэтому разделяет формы управления на хорошие и плохие правительства. Для него добрые формы — монархия, аристократия и полиция, а плохие — демократия, плутократия и тирания. Согласно этой иерархии, самая хорошая форма управления монархия, а самая плохая — тирания.

Подчиняя форму управления качествам управляющего, Аристотель подчеркивает, что как „полиция“, так и „демократия“ формы управления, основанные народной воли. Из них главное демократия берет свою силу народом, который выбирает это правительство.

После Аристотеля термин „полиция“ вышел из употребления. Полибий, например, предпочитает только термин „демократия“, чтобы определить добрую форму управления, и „оклократия“, чтобы назвать управление большинства, и это, по его мнению, самая плохая форма управления.

Рассуждения двух мыслителей — гениального философа Аристотеля и доброго историка Полибия, который, хотя и рожденный в Греции, был одним из величайших мыслителей Рима — перебрасываются в наши дни как продолжение поиска этого, которое должна быть современная демократия.

Мировая демократия сегодня базируется на двух ясных принципах и на одной надежной основе. Два принципа такие: народ выбирает правительство, которое должно служить ему, и правительство служит народу, который его выбрал с помощью структур, оглашенные одним Верховным текстом, который гарантирует общественные права, обязанности правительства и их организацию. Эта организация в последних двух веках называется Конституция, закон законов. Она ведет свое начало „политией“ греков и ее актуальные тексты не отличаются существенно этими „Магна Карта Барокорум“ с 1215 года, полезная и до сих пор, по моему мнению, для Конституции англичанов.

Конституции, следовательно, обеспечивают эту связь между правами общества и обязанностями правительств.

ва, утвержденные в одном тексте, которой народная воля приняла в лицо своих представителей.

Сущность этих принципов (права общества и обязанности управляющих) и их база (Конституция) предполагает „свобода обязанностей“. Самое хорошее из демократичных правительств, при которых народ выбирает свободно и без манипуляций тех, кто будет управлять его, в смысле обязанностей. Управляющие должны обернуться больше к народу, чем к себе и посветиться целиком в службу народу, потому что поэтому предложил народу и из-за того народ его выбрал.

Свобода решения самая важная предпосылка демократичных правил и государство тоже должно ее гарантировать. Должна быть гарантированной не только свобода решения, но и свобода жизни в государстве. Все граждане должны делать так, что власть была рабом народа, а не народ — раб власти.

В „Свобода власти и одна теория охвата“, студию, которую я подготовил для одной книги в соавторстве с Робертом Кампасом, Мигелем Коласуоко и другие под заглавием „2000 год“ — издание 1979 года — подчеркнул, что настоящая демократия предполагает еще две формы упражнения прав и обязанностей гражданов, а именно, право выбора и право фискализации. При том фискализация не должна быть только теорией, а и отражать конкретные дейности. Кроме того, в истинных демократиях выбирающий не приглашен только дать свой голос и ждать новых выборов, чтобы снова дать его, а должен иметь достаточно силу контролировать постоянно выбранных, чтобы они служили народу, а не самим себе.

Современный политический мир, даже в самых развитых демократиях, похож больше на „оклокрацию“ Полибия, чем на его „демократию“. Претендированная свобода, без ответственностей, которую массы упражняют, делает государство постоянно беззащитным против всевозможных манипуляций во имя собственных интересов некоторого, как те во время Французской революции, как движение неимущих крестьян, как нажим государственных служащих получить для себя самых хороших условий, как террористские движения и различные другие проявления, которые одно государство без авторитета не успевает контролировать. Всущности государство сформированное

людьми, которые выжили из этих групп и, следовательно, эта машина не имеет моральную власть сделать так, что на переднем плане были видными интересы общества, а на заднем остались мелкие интересы корпоративизма.

Демократия 20-ого века похожа на одну „оклократию“ и очень часто порождает тоталитарные движения, при которых во имя спасения родины побеждают тираны, к несчастью еще существующие сегодня на Кубе, в Китае, Ираке и Северной Корее, в некоторых африканских странах и даже в Латинской Америке (Перу).

10

**ГОСУДАРСТВО
И ПОРЯДОК**

10.1. СВОБОДА И ПОРЯДОК

Гегель, в своих юных произведениях, в которых ищет смысл Конституции, противопоставляется контрактуализму Руссо и твердит, что „юристнатурализм“ Руссо утопичен и что вместо гарантировать индивидуальную свободу, государство должно бы гарантировать порядок, который обеспечил бы желанный мир общности, а это предполагает и коллективную свободу.

Эта дискуссия, проведенная два века назад, должна быть подновленной сейчас, но на другой основе. Когда гарантирует эту безграничную свободу, тогда не означает ли это, что современное государство абдикирует своей функцией обеспечивать порядок в обществе? Полная демократия, в которой основное, это уважение индивидуальных прав, не снижает ли всущности эффективность государства и не причиняет ли беспорядки в обществе? С другой стороны, стараясь дать приоритет порядку перед свободой, чтобы обеспечить коллективный мир, не превращает ли государство порядок в тираничную власть, ограничивая демократию и даже элиминируя ее вполне? Коллективный интерес и социальный мир не рискуют ли представлять только мнение управляющих, которые оправдали бы устранение свободы протеста с иллюзорным социальным миром, не извощенный, а поставленный, и то за счет одного Верховного естественного права как свобода?

Гегель предпочитает государственный гарант социального порядка, а не столько индивидуальной свободы (может быть поэтому Маркс идентифицируется с писаниями Гегеля, и то в основном им юными произведениями относительно Конституции), но не оспаривает качество управления, таким, каким он видит его в конституционном управлении, существующее в одной монархии, „желанной“ народом. Другими словами, в его произведениях о гражданском обществе, он критикует патримонизм римского право, где частные интересы стоят над интересами государства, как и английский, и американский конституционализм, но не показывает основные проблемы монархии, „руководенной“ народом, т.е. с одной стороны, проблема для качества управления, а с другой — категорически направлена народная воля к интересам коллектива. Этим, которые проч-

тут его произведение о праве, будет показаться — хотя бы мне так показалось, — что оно базируется на юристнатуралистских предпосылках. Действительно, его писания раскрывают формирования одного идеального человека и одного идеального общества, без личных дефектов, которые сопровождают и дают свой отпечаток на подъем и падение человеческого существования на этой земле.

Дилемма все еще существует. Сегодня государство гарантирует меньше свободу с ответственностями, чем свободу без границ, и так ослабевают структуры, превращая возможность протеста в имплицитную свободу без границ в одной безграничной власти. Под нажимом страха от возвращения какого-нибудь менее демократичного режима, управляющие проявляют тенденцию отступить нажиму со стороны определенных групп, позорить облик „жертв“ масмедий, не противопоставляя корпоративизму и модизму нездоровых тезисов как гомосексуализм, аборт и изневеры (как будто те, которые живут в счастливом браке, с естественным поколением и без изневер — музейные экспонаты). Так современное государство больше пленник свободы без границ, которую обеспечивает во имя демократии, чем творец одной свободы, основанной на ценностях и ответственностях. Жаль, что современное государство не знает как сотворить такую свободу, даже и только из-за факта, что его управляющие растут на почву этой „анархии“, которая царит в одном потребительском и лишенном солидарностью обществе, как общество в конце 20 века.

Очевидно, что чем больше распутывается общественная ткань, пробытая намеченными уже многократно отрицательными факторами, тем больше безответственная свобода, гарантированная государством, будет порождать ненадежности и отсутствия порядка.

История человечества свидетельствует о том, что всегда, когда были уничтожены ценности, цивилизации разрушались. Римская республика отступила империей из-за неверия, наступившее после того, как голос Цицерона был изолированным в последнем республиканском веке. Варвары победили феминизированного Рима в 5-ом веке, а турки — Византию в 15-ом веке, из-за отсутствия реальных ценностей. Французская монархия была снятой разъяренным народом и им народными судами в 1792 году,

три года после падения Бастилии, снова из-за отсутствия ценностей. То самое случилось и с XVIII египетской династией, с Вавилоном, где женщины простиитуировали в храме, чтобы собрать свое приданное. Это относится и для всех остальных прежних цивилизаций.

Безответственная свобода поражает беспорядки, а беспорядки — соответствующую реакцию, которая может выразиться в утрату свободы. Накануне 21-ого века, проблема снова очень актуальная. Что должно обеспечивать государства — свобода или порядок? И что надо делать с безответственной свободой?

10.2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ

Не существует полной свободы. Самая полная свобода та, которая не наносит урона, которая не мешает другим быть свободными, а это обязательно предполагает какое-либо ограничение. Свобода полная только когда ограничена. Свобода без ограничений предполагает неминуемо затрагивание чужой свободы и превращается в тиранию.

Функция государства администрировать право свободы таким образом, что все благодетельствовались ей, не ограничивая ничей свободы. Свобода, следовательно, взаимное право. Это право может пользоваться только коллективно и то, если все признают это и уважаются друг друга.

Уважение, которое предполагает задержки, не может оставаться только в моральном плане. Государство законом путем должно администрировать эти ограничения, сохраняя основные свободы и не позволяя, чтобы свобода сильных, активных, этих, которые держат в своих руках власть на экономику, политику, коммуникации и синдикаты, превратилась в диктатуру над людьми, не имеющие эти возможности.

Только один справедливый закон может обеспечить полную свободу, которая неминуемо будет свобода с ограничениями. Атлет, когда одерживает победу, упражняя свою свободу выбора, самоограничивается и требует от своего тела больше действия, чем отдыха, от своего питания больше питающих, чем вкусных вещей, от своего образа жизни больше жертв, чем удовольствий, потому что только так может стать победителем.

Все люди, когда принимают решение, ограничиваются относительно остальных возможностей и их свобода выбора предполагает неупражнение свободы следовать другие, уже неприятые, возможности.

В конце 20-ого века организация государства должна быть ориентированной к гарантии свободы со соответными ограничениями в ее упражнении.

Бразильская конституция, в членах 136-144, занимается „правным режимом кризиссов“ и укрепляет в общих нормах гарантию институций при помощи ограничения свободы. Эта Конституция считается самой демократичной во всей истории страны. Как в случаях „военного положения“, так и „осадного положения“, перечисляет ряд ограничителей прав и свободы движения и слова.

В демократичных странах, общественная организация должна создаваться обязательно на ограничение прав, чтобы обеспечивалась ответственная свобода.

В Риме, в кризиссных для республики моментах, воспринималась как нормальной фигура диктатора за определенное время и его задача была ограничить в этом периоде индивидуальные права, чтобы нация могла выйти из кризиса.

Хотя что политическая и конституционная доктрина по этому вопросу ясна, правда та, что современное государство потеряло свой авторитет организации и представляется или слабыми демократиями, или кровавыми диктатурами — сейчас и в прошлом, — имея в виду то, что так названное отвоевывание прав и широкая свобода делают группы, упражняющие этот нажим более сильными Конституцией.

Например, мы свидетели бразильского конституционного текста, который позволяет отнятие только непродуктивных площадей, чтобы дать землю неимущим, но практически никто не уважает этого текста и это толерируется правительством: члены упомянутого уже движения „неимущих крестьян“ непрерывно занимают незаконно продуктивные земли именно, потому что поняли, что государство неспособно защитить порядок и закон своей хрупкой организацией.

Народ, который становится все более образованным и информированным, не получает культуры, чтобы знать границы своей и государственной свободы. Образование еще не означает культуры, а только этап по пути к ней.

Только культура может быть синонимом цивилизации. Хотя что человечество в мировом масштабе сегодня более образованное, чем вчера, оно не более культурное, даже и поэтому, что сегодня средства массовой информации очень часто дезинформируют и деобразуют. Доступ до образования более легкий, но преподаватели являются больше информированными, чем образованными, больше эрудированными, чем культурными.

В связи с этим, надо понять, что организация государства в конце 20-ого века лишена самыми подходящими средствами для устанавливания порядка, не ограничивая свободы. Поэтому она или не ограничивает права в ущерб общественного порядка, или ограничивает их, чрезмерно создавая душный порядок.

Современная демократия еще далеко от понимания точной границы между свободой и порядком, между организацией и правами.

10.3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

В двух прежних главах поставил вопросы, связанные с правом свободы, с нуждой от порядка и с отвоевыванием прав в условиях современного государства.

В этой главе постараюсь выяснить лучше границы между правами государства и этими отдельного гражданина в правовом государстве.

Одна пятая часть из населения мира живет в одной-единственной стране, где нет свободы, ни индивидуальных прав. Государство там заменило свободу с порядком. С другой стороны, одна нация, претерпевшая поражение в результате внутренних конфликтов непосредственно после Второй мировой войны, Тайвань, сегодня страна свободы и порядка и притекает более высокий экономический потенциал, независимо от циклонских размеров рынка континентального Китая.

Они двое — правовые государства, но только первое демократично. Во втором, право государства налагается категорически над правом гражданина, пока в первом право отдельного гражданина поражает право государства.

И двое страны в кризисе. Континентальный Китай, поэтому что находится под диктаторским политичес-

ким режимом, считаемым таким большой частью среди стран мира и поэтому, что управляющие там сознавают, что не смогут держать под контролем еще долго одно население, которое составляет 20 % всемирного. Островный Китай (Тайвань) поэтому, что сталкивается с проблемами, причиненные социальными контрастами, характерные для каждой страны с рыночной экономикой, что она в близости до такого неудобного соседа и, что должна справиться протестными движениями, типичные для всех демократических стран, где право свободы хочет превысить право порядка.

Демократичное правовое государство характеризует-ся законами, которые обязывают и управляющего, и управляемого; контролируемые управляющими, выбранные управляемыми. Диктатуры правовых государства, но не демократичные такие, поэтому, что там отсутствует свободный выбор народа. Их правовой режим направлен гарантировать управляющих против внутренних конфликтов, а при этом государство само присваивает себе право говорить что хорошо и что плохо для народа, не уважая его.

Вопрос, который является такой: Какое право государства в одном правовом государстве?

Жоао де Скантимбурго, в „История бразильского либерализма“ стремится показать, что в рыночной системе функции государства более ясные, потому что более ограниченные, а функции общества более творческие, потому что более широкие.

Все таки, государство необходим элемент, чтобы люди могли жить в обществе и ее права над обществом основные, чтобы она могла представлять его и гарантировать ему услуги, которые оно ожидает.

Фигура государства — полицейского, со времени Французской революции уже ушла в прошлое, так как и фигура социалистического государства, где только управляющие могут реализовываться, а народ — только для маневров в борьбах управляющих.

Идеальное государство было бы то, которое не мешает добродетелям общества, позволило бы их реализацию, только поддерживая общественного порядка (внутреннего и внешнего) и работая для преодоления социальных контрастов (солидарное государство), без, с другой стороны, претензий делать то, что общество сделало бы лучше ей.

Одно государство, которое чтобы упражнять лучше свое естественное призвание (внутренний и внешний порядок, здравоохранение, образование, социальное и пенсионное обеспечение), превращается в государство-предприниматель, теряет свою силу как государство, потому что пораждаст дефицит, потому что не в состоянии участвовать эффективно в глобализацию экономики и из-за того компенсирует свои экономические ошибки, увеличивая налоговое бремя населения.

Диктаторское марксистское государство одно государство-предприниматель самого плохого типа. Там не существует понятие демократическое правовое государство, а государственное право упражняется недоступным для общества образом.

Глобализация экономики начинает изменять облик стран, диктаторские или демократичные, и риск, чтобы перевернулись все они в диктаторские, очень большой, включая для тех, чей рынок интересуется всего мира.

Справедливое равновесие между Правом государства и Правовым государством связано с еще одним аспектом, о котором надо подумать по отношению формы государства. Речь идет о федеративном и унитарном государстве и, еще точнее, о роли общностей и общин как элемент стабилизации отношений между государством — защитник порядка, гарант свободы, — и обществом.

10.4. ФЕДЕРАЦИЯ X УНИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО

В конце века дилемма современного государства в том — гарантирует ли она порядок и свободу. Отсутствует все еще ясность и умения у теоретиков относительно теории для равновесия или для критичной границы, которая может обеспечить одновременно порядок и ответственную свободу. В связи с этим, еще один элемент, связанный с формами государственного управления, заслуживает внимание: какая модель лучше — федерация или унитарное государство?

Федерация — форма государственного управления, которая имеет весь больше на граждане. У нее есть средний уровень власти, находящийся между централь-

ной и местной властью и эта посредническая сфера ведет до дополнительных расходов, которые не всегда компенсируются улучшенным обслуживанием людей.

В большой части стран восприняли модель федерации, подражая Соединенным Штатам, эта более высокая политическая цена компенсируется более низкими административными расходами вследствие одного более ограниченного государственного аппарата. Пример в этом отношении — страны как Швейцария, Канада, Германия. Не надо забывать и факт, что во всех этих странах федерация естественный результат от наличия компактных автономных общностей. Соединенные Штаты, после независимости и до принятия Конституции с 1787 года обсуждали могут ли разные штаты формировать одну конфедерацию, или одну федерацию из штатов. Модель, которая наложилась, результат от сосредоточивания автономных и сильных политических формирований.

Канада — страна, возникшая после английской и французской колонизации. Поэтому, чтобы могло создаться национальное единство, было нужно объединить два региона. Швейцария, со своей стороны, результат объединения малых областей с населением, созданное из различных культур и языков, а Германия — от объединения малых королевств в конце прошлого века.

Рождение федерации в этих странах результат исторической необходимостью от объединения разных политических сил, рас, обычаев и языков.

Объединение в результате федерации, возникшая при упомянутых условиях, все еще не означает, что это самая хорошая форма управления государством и в будущем, потому что глобализация экономики и жесткая конкуренция требуют все больше сокращение государственных структур, чье бремя в ущерб конкурентоспособности предприятий, а также и развития самих стран.

Есть страны, в которых федерация просто лишней отросток. Такая страна Бразилия, где унитарное государство еще с самого своего формирования повторяет модель централизованного государства, характерная для всей португальской истории.

Бразилия не была федерацией при Конституции с 1891 года, не была такой и при Конституции с 34 и 37 годов,

почти стала федерацией при помощи Конституции с 1946, снова стала унитарным государством с Конституцией с 1967 и ведет борьбу стать федерацией с 1988 года до сих пор, хотя что формально всегда называлась федерацией еще с момента объявления республики.

Политическая цена одной формальной федерации, созданная в кабинетах, а не действительно (так как стало в Швейцарии, Германии, США и Канада), ведет до того, что цели государства не достигаются, налоговое бремя лежит на всех федеральных структурах и особенно на бюджете. Федеральная администрация постоянно оказывается затрудненной фактом, что должна помогать финансово провалившимся территориальным администрациям, а они проваливаются, потому что большая часть их доходов попадает в кассы центральной власти.

Почти 2/3 бразильских федеральных общностей не в состоянии самосодержаться и их политическая цена парализует власти, порождает дефицит и инфляцию, а обслуживание общества минимальное по сравнению с расходами по нему.

В одном мире, в котором каждое расхищение снижает конкурентоспособность, а расхищения в государстве — еще больше, мы должны задать себе вопрос — оправдана ли модель, которая не является результатом естественных условий одной другой эпохи, а создана искусственно в наших дней, в странах как Бразилия?

Кроме этого политическая цена одной федерации, в конце концов, обременяет ее администрацию таким способом, что это бремя, лежащее на всем обществе, делает его более агрессивным и не против модели, которая не оценена хорошо, а против правительств, которых считает неспособными облегчить государственного бремя, лежащее на каждом отдельном гражданине.

Римское господство, как на Западе, так и на Востоке, охватывает 2100 лет человеческой истории, а во время „Пакс Романа“ охватывает Европу и часть Востока. Рим всегда был унитарным государством с децентрализованной администрацией, в отличие от Афинской федерации (которая была против спартанского объединения еще с момента его формирования) существовала как конфедерация греческих городов-государств.

Большой вопрос, который ставится не в политическую децентрализацию со соответствующим средним уровнем, которое имеет федерация, а во финансовую и административную децентрализацию без этого среднего уровня, благодаря которой создается возможность, чтобы государственные услуги пошли при самых гражданах, для которых предназначены.

Мне кажется, что децентрализованное административное унитарное государство, которое не обремененное междинными политическими эшелонами, должно бы победить федеративных моделей с приходом нового века.

10.5. ОБЩИНЫ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Люди живут в общинах. Центральные правительства игнорируют эту действительность, хотя что теоретизируют ее издавна, и поэтому не всегда предлагают самые лучшие решения местных проблем.

Разнообразие групп, которые возникли вследствие популяционной эксплозии в 20-ом веке, как и их устанавливание, согласно предпочитаниям, в определенных регионах; самые разнообразные обычаи самых разных народов, связанные со строго определенными областями; естественные призвания этих общностей в областях экономики, культуры, религии и т.д. ведут до укрепления общинской власти за счет центральной.

Петер Друкер говорит о фалите мегагосударств после долгого периода роста, который выглядел необратимым. Это так, потому что если решения больших финансовых и экономических проблем интернациональные, то вопрос о переживании населения чисто коммунальный.

В прямом контакте народа общины с ними естественными лидерами создается мощь секторов и рождается на много лучшее решение, связанное с переживанием, чем постановленное со стороны мегагосударства или центральной власти.

На много легче организуется население общины в работе, когда строятся пути, сооружения или даже оросительные каналы местного значения, чем заставить то самое население собрать средства и предоставить их центральному правительству, чтобы оно планировало и рефинансировало часть денег для той самой работы.

С другой стороны, местный политик в прямом контакте с народом региона. Знает его. Ему знакомы имена почти всех людей, интересуется (особенно в малых общинах) личными проблемами своих согражданов и идентифицируется ими, а это значительно облегчает управление.

Экстравагантный аспект этой действительности в пользу укрепления коммуны (это возвращение почти до средневековой концепции о ней) состоит в том, что параллельно развивается и универсальное государство созданием межнациональных группирований и что эта действительность кажется необратимой.

Так мир идет к универсализации общих направлений политического, экономического и даже социального поведения, но и к децентрализации власти, чтобы абсорбировать проблемы, характерные для процесса разъединения групп, предложений, интересов, культур, предпочтаний, рас. Человек 20/21 века, все более образованный (но не и более культурный), с более высокими требованиями к государству, должен найти в рамках своей группы решение своих проблем.

Имея в виду эту перспективу, считаю, что необратимость многонациональных формирований, фалит мегагосударства и укрепление коммунальных общностей открывают некоторые лучшие горизонты в случае одного будущего конфликта, который не имел бы решения, если лидеры отдельных наций не поймут еще сейчас, что будущее политической картины различнее сегоднешней.

Центральные правительства, при этом положении, должны бы только регулировать единство наций и оценивать жизненность местных решений, потому что таким образом могли бы поддерживать порядка и свободы более низкими расходами со стороны общества и более выносимыми ограничениями прав. А экономические решения на коммунальном уровне, целящие самоиздержки этих общностей, будут компенсировать более слабую конкурентоспособность более малых наций по отношению более сильных глобализации экономики.

Драма в том, что все еще недостаточно понимание со стороны мегагосударств и современных государств вообще об универсализации мира в политическом, экономическом и социальном отношении, которая предполагает ограничение внутренней и внешней поли-

тической власти, как и это, что укрепления коммунальных общностей предполагает превращение руководящей роли государства в роль координатора торговых и интернациональных интересов, для блага страны.

Очевидно, что столкновение, которое уже видно, будет причиненное политиками и этими, которые зависят от мегагосударства, чтобы сохранить свою власть. Они не отступят легко свои позиции и сделают это столкновение еще более травмирующим, потому что нет сомнения, что адаптирование будущего государства к одной действительности, которая уже превысила параметры актуального государства, будет требовать неминуемо ограничения и даже утраты власти для многих политиков, которые властвуют сегодня в мире.

Центральная власть каждого государства, по моему мнению, тоже отступит трудно свои позиции руководителя, чтобы стать обыкновенным координатором с ограниченным действием. Но если не отступит, государство не сумеет поддерживать равновесие между порядком, чья тяжесть на общество может стать тормозом, и широкой свободой, которая без соответствующих ответственностей перевернется в уничтожитель свободы вообще, как получается на практике в странах с диктаторскими режимами в нашем веке.

10.6. ПАРЛАМЕНТАРИЗМ X ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ X ДИКТАТУРА

Классическая форма государства (Федерация X Унитарное государство) и форма будущего государства (Многонациональные группирования X Центральная власть X Общинская власть) должны быть составленными соответствующими системами управления, которые могут быть президентская власть, парламентаризм и диктатура.

Диктатуры продолжают возникать всегда, когда правительства проваливаются в своих усилиях сожительства и не успевают поддерживать порядок, при котором будут идти по самой легкой дороге, а именно, будут искать поддержки армии и будут нала-

живать диктатуру. В Латинской Америке уже получилось что-то подобное в последних лет, в Перу, у Фухимори. Если демократия провалилась из-за неравновесия между порядком и свободой, диктатура будет рождаться снова всегда и во всех странах, даже в самых цивилизованных. Италия, тоже Германия узнали диктатуру в первой половине нашего века, т.е. едва 50 лет тому назад успели победить ее. Это очень мало времени на фоне истории мира (15 миллиардов лет), или на фоне человеческой истории (6000 лет).

Вспомним, что 800 лет тому назад один метеорит столкнулся с Луной. Явление было наблюдаемым одними монахами, которые сидели в саду монастыря и разговаривали, когда увидели увеличенный блеск Луны в моменте столкновения. До сих пор естественный спутник Земли грозит от того столкновения, который в измерении галактики считается „совсем ближайшим“.

Диктатуры будут возрождаться столько раз, сколько раз правительства почувствуются неспособными сожительствовать со свободой и поддерживать порядка, но их существование не может прекратить связи соответствующей страны с международной общностью. Примет этого Фухимори, который участвует и в ОАД, и во встречах между латиноамериканскими президентами еще как диктатор, прежде его „переизбрания“.

Правда та, кроме этого, что в многих странах будет установиться некоторая из других двух форм управления — парламентарная или президентская власть. Демократии созданны или на базе консенсуса, или мажоритаризма. Они мажоритарные, если установится власть большинства без участия меньшинства. Основанны за консенсусе те, в которых управляет коалиция из партий, с участием меньшинства не только в Конгрессе, но и, очень часто, во взятии правительственных решений (Италия).

Не однажды, я критиковал президентскую власть в концепции Рауля Пилы, потому что считаю ее правительством „безответственности об определенном сроке“. Думаю, что это так, потому что снятие одного безответственного президента нечто исключительно трудно и может получиться на практике только если будет уличен в тяжелом преступлении. Наоборот, парламентаризм правительство „ответствен-

ности за определенный срок", потому что один безответственный министр-председатель в каждом моменте может быть снятым парламентом и замененным другим. В классическом парламентаризме глава государства не отождествляется шефом правительства, пока в президентской власти глава государства и правительственный глава.

Эти формы управления могут преодолеть проблемы, которые поднял в этой книге, если базируются на: 1) вот на уровне округов (может быть и смешанным, как в германской модели, куда половина голосов для парламента обеспечиваются с окружными выборами, а другая половина с общими выборами/; 2) профессиональная бюрократия (а не дружеская), доступ до которой осуществляется с курсами — общественно оглашенными; 3) партийная верность, чтобы успевала общественная жизнь осуществляться внутри в партиях и выбранные не могли изневерять избирателям, переезжая с одной партии в другую; 4) Автономный Центральный банк и 5) безусловный роспуск парламента, когда тот не успевает справиться с провокациями жизни и, чтобы смог избиратель выбрать более подходящих людей как в парламенте, так и в исполнительной власти.

Думаю, что профессиональная бюрократия, окружный вот, Автономный Центральный банк и верность к партийной принадлежности могут быть инструментами и в президентской форме управления. Но нет и безусловный роспуск Конгресса, потому что в этой форме управления управляет исполнительная, а не парламентарная власть.

Естественно, эти формы управления могли быть полезными только если политики на высоте общественных провокаций и успеют создать оптимальное равновесие между центральной и местной властями в контексте тенденции к интернационализации человеческого общества. Если они способны ограничить центральную власть до оптимального объема, способный гарантировать как порядок, так и ответственную свободу, исполняя в основном роль координатора, а не исполнитель проектов и программ.

Думаю, что вся дилемма общества накануне нового века выражается во форме упражнения власти, в чувственности управляющих по отношению их сожителства с одним более информированным и с более ограниченными возможностями обществом. Общество, которое поро-

дит это, более бунтовное и способное упражнить нажим такого характера, чтобы ослабить государство.

Один поэт говорил так:

„И самая сильная крепость ослабевает
если на месте сильных придут слабые.“

Провокация нового века может стать неразрешимым конфликтом, если не изменится мышление управляющих и управляемых сегодня, во имя одного лучшего мира.

11

ВЫВОДИ

Эти краткие размышления о провокации современного мира, писанные не в стиле моих академических произведений, а с намерением изложить точно и ясно мой взгляд на современный мир и барьеры, которые человек встречает по своему земному пути, было бы хорошо завершить с некоторыми мыслями для путей, которые надо снова пройти.

Первая из них относится до необходимости человека снова вернуться к некоторым ценностям. Очарованный открытиями науки и приобретенной свободой, которая дает ему возможность контролировать с помощью генного инженерства тип работы, который хочет сделать, человек забыл, что смертный и что смерть его может быть преждевременной по его вине или по вине Природы и может прийти даже прежде конца Земли.

Очарованный знаниями, которых непрестанно приобретает в области физических, химических, биологических и психических законов (законы, которые, впрочем, не создал он), человек чувствует себя хозяин Вселенной и, хотя что не может ответить элементарным вопросам относительно своему происхождению и своей судьбе, он продолжает свой вечный бег в поисках все больше познаний об этом, которое Вселенная предлагает, забывая потрудиться открыть истинные причины для существования Вселенной, как и причины своего собственного появления на этом мире.

Естественное следствие от этого то, что теряя критерии для оценки измерения своего существования, человек хочет увековечить преходное и забыть вечное. Он основывает свою жизнь на оценках этого, которое временное, а не смотрит на вечность, на Сотворение и на свою личную судьбу в нереальном — все еще мистерия для точных наук.

Без заботы о своих собственных происхождении и судьбе, современный человек теряет свое высшее этическое измерение и поэтому обращается к себе, углубляется в себе и это относится как для управляющих, так и для управляемых.

Если должен обобщить свою первую идею, то надо сказать, что еще больше чем в прошлом и из-за величины будущих провокации, является необходимым и для управляющих, и для управляемых найти снова ценности, которые возвеличивают человеческую природу, попробовать с помощью этих ценностей победить слабости той самой че-

ловеческой природы, чтобы не стало так, что провокация будущего перевернулась в провокацию без будущего.

Вторая идея относится до общества и государства. Требования одного более информированного и образованного общества, как и невозможность государственной машины удовлетворить его аспирации (которые вызывают деструктуру социального государства), хотят чувствительного сокращения государственного аппарата и его предпринимательской функции и направления этого аппарата к чистому регулированию социальных, политических и экономических отношений, без никакого вмешательства.

Общество находит легче свои дороги, подходя творчески, подтолкнутое своими нуждами и не хочет опеки бюрократов и политиков, которые не всегда имеют необходимый творческий взмах, ни им знакомы проблемы вполне.

Чтобы общество нарастало, необходимо чтобы государство уменьшалось, не бросая свои основные функции — гарантировать общественного внешнего и внутреннего порядка, развития образования и здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения в рамках бюджетных возможностей.

Третья идея относится до глобализации экономики вследствие которой человек все больше заменяемый машиной и это поражает структурную безработицу с всеми отрицательными последствиями напряжения и отчаяния, в котором попадают огромные человеческие массы.

Глобализация экономики требует регулируемое участие — не исполнительское — в мировом масштабе, чтобы не получилось так, что интернационализация нанесла необратимые вреды, в краткосрочном плане, всем странам и экономикам, которые отстаивают в конкурентоспособности.

Многонациональные группирования являются частью глобальных решений, которые могут довести всех стран до одного общего уровня гарантий и механизмов, способные редуцировать плохие эффекты глобализации на более слабые экономики.

Третья идея, следовательно, предполагает создание механизмов более эффективных ГАТТ или настоящими международными институтами. Механизмы, которые надо направить к обеспечиванию условий для переживания, в

глобализированной экономики, компенсировали бы экономикам без конкурентоспособности эффект замещения человека машиной.

Четвертая идея относится до формы государства и управления и до необходимости понять, что многонациональные политические формирования и коммунальные общности должны быть, в рамках центральной власти в каждой стране, единственными элементами интеграции. „Национальный суверенитет“ заменяется „суверенитетом конгрегации“ объединенных стран, а творческая активность для переживания местных общностей может заменить центральную власть, которая провалилась и не может гарантировать свободу, не налаживая порядок, в рамках классической концепции о власти и о государстве, имея в виду то, что всегда, когда не удается осуществить его, или демократия ослабевает, или диктатуры заменяют ее.

В этом аспекте проблема об уравнивании порядка и свободы, центральная координирующая и не репрессивная власть и модель государства (Федерация X Унитарное государство) в одном все более открытом мире — некоторые структуры власти могли быть ревизированными или ликвидированными по непригодности.

Пятая идея состоит в том, что если правительства не успевают обеспечить уравнишенные бюджеты, инфляция в одном так сложном мире как сегодняшнем причинит дополнительные проблемы глобализации. Это зло не может быть преодоленным искусственными средствами, которые рано или поздно провоцируют беспорядки и эксплозии, для которых экономика не имеет быстрого лекарства.

Государственный дефицит может породит искусственную контроль на валютную экспансию, но не может останавливать ее бесконечно.

И если договорная валюта пользуется доверием и вся финансовая система базируется на доверие и все отвечают за деньги циркулирующие в этой системе, в моменте, в котором эта валюта расшатается, вся система поставлена под вопросом.

Наконец, шестая идея предполагает потребность от лучшей подготовки государственных людей. Не только бюрократы, которые хотя бы проходят какого-нибудь конкурса для селекции, а и политики, которые в многих случаях

типичный пример для отсутствия культуры во всем. Они „энциклопедии неподготовленности“, а это делает трудно упражнение искусства управления, из-за отсутствия артистов или липсы управлять, из-за отсутствия ученых.

Правительственные школы, которых предложил в своей книге с 1977 „Государственное право и правовое государство“, должны быть постоянным средством для политической подготовки всех, которые имеют амбицию занять государственные посты.

Думаю, что некоторые предложения в этой книге трудные для приложения, потому что человеческая природа не изменяется так легко и основные средства коммуникации, как и политические органы находятся в руках людей, привыкшие думать с критериями прошлого в своих усилиях решать настоящие проблемы и никак не могут предусмотреть будущее.

Поэтому закончиваю эту скромную книгу личными размышлениями, и позволяю себе подчеркнуть что-то не очень стимулирующее: если сегодняшний мир продолжает смотреть на свои будущие проблемы, используя категории прошлого, конфликт будет неизбежным, но к сожалению окажется конфликтом без будущего.

Ивис Гандра да Сильва Мартинс заслуженный профессор Университета Маккензи, где был титулярным преподавателем Конституционного и Хозяйственного права на Юридическом факультете. Является обладателем того самого титула и со стороны Паулистского университета, и Школы Командования Генерального штаба Вооруженных сил. Был председателем Адвокатского Института Сао Паулу, а сейчас оглавляет Совет Юридических Наук Федерации Торговли штата Сао Паулу. Член 12 академий, среди которых Паулистская Академия Литературы, Бразильская Академия Юридической Литературы, Международная Академия Права и Экономики и Международная Академия Португальско-язычной Культуры (Португалия). Публиковал больше 40 авторских книг, 100 в соавторстве и 800 студии в области права, экономики, философии, политики, истории, литературы, социологии и музыки в многих странах: Германия, Ангола, Аргентина, Бахамские острова, Бельгия, Бразилия, Канада, Испания, Голландия, Англия, Португалия, Тайвань и США.

Взгляд на современный мир

Ивис Гандра да Сильва Мартинс, имеющий похвальную способность синтезировать, изучает, направляет свой объектив к основным проблемам нашего времени. Ни один из них не пропущен. Он их рассматривает, выдергивает и показывает нам вместе со своей принципиальной критикой.

С кроманьона до кибернетического человека, автор прослеживает все перемены, вызванные технологической революцией. Эти перемены показывают как личность человека попадает все больше и больше под власть этого изысканного и необратимого империализма компьютеров. Бесспорно, все мы пленники технологического капкана в его многочисленных разновидностях.

Кто из нас лишается телевизора? Кто сегодня предпочитает старую пишущую машинку, если у него есть компьютер? Только эти, которые не хотят научиться или считают себя вне моды. Рабы ли мы? Нет. Просто приспосабливаемся к новому времени, где тянет нас технология современного мира, и к вселенной, которую будущее раскрывает перед нами накануне третьего тысячелетия. Но мы должны предохраниться от плена, на который обрекает нас это страшное господство.